

№ 5. Сентябрь 1911 г.

РУССКІЙ БИБЛІОФІЛЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ВѢСТНИКЪ

для

СОБИРАТЕЛЕЙ КНИГЪ И ГРАВЮРЪ.

ВЫХОДИТЬ 8 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

LE BIBLIOPHILE RUSSE

REVUE ILLUSTRÉE

DES AMATEURS DE LIVRES ET DE GRAVURES.

PARAÎT 8 FOIS PAR AN.

St. Pétersbourg.

А.С. ПУШКИНЪ

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
„РУССКІЙ БИБЛЮФИЛЬ“

1911 г.

ТИПОГРАФИЯ - СИРИУСЪ - СПБ., РЫНОЧНАЯ, 10.

Предполагая, время отъ времени, выпускать спеціальные нумера „Русскаго Библіофила“, посвященные цѣликомъ одному изъ русскихъ писателей, мы начинаемъ рядъ этихъ выпусковъ съ А. С. Пушкина.

Редакція, при этомъ, считаетъ своимъ долгомъ выразить самую искреннюю признательность всѣмъ лицамъ, помогавшимъ ей въ составленіи настоящаго нумера, своими совѣтами и трудами, въ особенности же Комитету Пушкинскаго Музея при Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, предоставившему въ ея распоряженіе большинство изъ воспроизводимыхъ рисунковъ, а также проф. С. А. Венгерову, разрѣшившему воспользоваться его богатымъ собраніемъ фотографій съ рукописей Пушкина.

Заглавная виньетка 1-го тома „Новоселья“. Рис. А. Брюллов, грав. С. Галкитионов.

НОВЫЯ РУКОПИСИ А. С. ПУШКИНА.

Еще въ 1904 году въ Парижѣ мнѣ посчастливилось найти въ архивѣ Петра Николаевича Тургенева подлинныя рукописи А. С. Пушкина.

Одна изъ нихъ была чистовая рукопись оды „Вольность“. Другая была вторая половина той же оды „Вольность“, переписанная рукой Пушкина. Первая половина была написана рукой Александра Ивановича Тургенева.

Эта находка дала возможность В. Е. Якушкину, редактировавшему тогда академическое изданіе сочиненій А. С. Пушкина внести необходимыя поправки и дополненія (см. II т. академическаго изданія. Примѣчанія стр. 489).

Въ декабрѣ 1910 г. и январѣ 1911 г. тамъ же въ Парижѣ въ собраніи П. Н. Тургенева среди другихъ¹⁾ драгоценныхъ документовъ нашлись опять подлинныя рукописи А. С. Пушкина²⁾.

¹⁾ См. общее описаніе архива въ моей статьѣ „Новый Историко-литературный кладъ“ въ „Русской мысли“ 1906 г. и въ изданіи Академіи Наукъ „Архивъ братьевъ Тургеневыхъ“. Выпускъ I-й „Дневники и письма Н. И. Тургенева“ за 1806—11 г. Спб. 1911.

²⁾ Считаю пріятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю признательность П. О. Морозову, П. Е. Рейнботу и М. К. Лемке. Съ громаднымъ интересомъ и серьез-

На этотъ разъ найденное значительно больше въ количественномъ отношеніи и не менѣе цѣнно въ качественномъ: есть рукописи стихотвореній, а также писемъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ.

Прежде, чѣмъ говорить о найденномъ, попытаюсь изложить, насколько, конечно, это возможно, болѣе или менѣе точныя соображенія относительно общаго количества рукописей Пушкина, которыя могли быть въ свое время въ рукахъ братьевъ Александра, Николая и Сергѣя Ивановичей Тургеневыхъ. Можетъ быть это наведетъ на ихъ слѣдъ и дастъ возможность разыскать и всѣ другія рукописи А. С. Пушкина, которыя попали въ эту семью и которыя пока найдены еще не всѣ.

Нашей задачѣ помогутъ тѣ списки, которые теперь нашлись или на которые есть тѣ или другія указанія.

Это слѣдующіе списки:

1, — списокъ рукописей, отданныхъ Ивану Сергѣевичу Тургеневу 29-го октября 1880 г. передъ его поѣздкой въ Москву на торжества по случаю открытія памятника А. С. Пушкину¹⁾.

2, — списокъ перенумерованныхъ копій съ рукописей А. С. Пушкина, слѣданныхъ рукой неизвѣстнаго (безграмотнаго) переписчика.

3, — списокъ рукописей дочери Николая Ивановича Тургенева — Фанни и

4, — списокъ рукописей старшаго сына Николая Ивановича Тургенева — Альберта.

Въ основу всѣхъ списковъ надо, конечно, положить перечень подлинныхъ рукописей А. С. Пушкина, найденныхъ до сихъ поръ въ архивѣ П. Н. Тургенева.

Изъ числа рукописей, привезенныхъ мною въ 1904 г., помѣщаемъ:

Подъ № 1 оду „Вольность“ и стихотвореніе „Кн. Голицыной“; напечатанныя въ академическомъ изданіи въ томѣ II, на стр. 489.

Подъ № 2 — оду „Вольность“ въ списокѣ А. И. Тургенева (начало) и А. С. Пушкина (конецъ); использованы тамъ же.

Эти обѣ рукописи до того времени извѣстны не были.

нимъ вниманіемъ отнеслись они къ этой драгоценной для насъ находкѣ и дали свои указанія по вопросамъ, связаннымъ какъ съ этими рукописями, такъ и съ тѣми, которыя исчезли изъ архива Тургеневыхъ.

¹⁾ Въ полученіи М. М. Стасюлевичемъ этихъ рукописей А. С. Пушкина отъ Ивана Сергѣевича Тургенева имѣется подлинная росписка перваго, помѣченная 27 окт. — 8 ноября 1880 г.

Волнность.

Уга!

Тою, согрешив от оны,
Мне нечего уадал джапуку!!
Цытэ мбе, цытэ мбе, и, пугал джапуку
Цыдэныкэ рождал джапуку!
Кыпиде, кыпиде и мбе джапуку,
Пугал мбе джапуку мбе...
Кыпиде джапуку мбе
Кал мбе джапуку мбе джапуку.

Уапуку мбе джапуку мбе
Мбе джапуку мбе джапуку
Кыпиде мбе джапуку мбе
Мбе мбе мбе мбе джапуку.
Мбе мбе мбе мбе джапуку,
Мбе мбе мбе мбе джапуку!
Уапуку мбе мбе мбе,
Мбе мбе мбе мбе!

Уапуку! мбе мбе мбе мбе
Мбе мбе мбе мбе мбе,
Мбе мбе мбе мбе мбе
Мбе мбе мбе мбе мбе,
Мбе мбе мбе мбе мбе
Мбе мбе мбе мбе мбе мбе
Мбе мбе мбе мбе мбе мбе
Мбе мбе мбе мбе мбе мбе

Судьба наша надъ Кабаровъ' абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!

Исправь, исправь! абулай!
Справь, справь! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!

Исправь, исправь! абулай!
Справь, справь! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!

Исправь, исправь! абулай!
Справь, справь! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!
Кабаровъ' абулай! абулай!

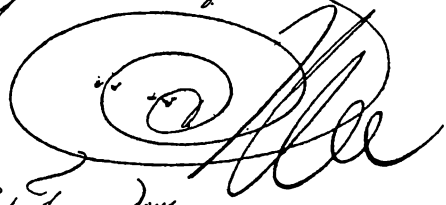
- Коммунистический Государство — корабль
После революции и труда...
и — путь к нам — морская
Их Гамма с естественным успехом —

(Синтез коммунизма) Пред тем
Миром, милой и приятной наукой
Моей наукой, успехом от меня
Образованием государством — успех
Кому я не дал успеха и не
Меняли успехом и корабль
Мне, успеха и не, успехом и не
Успехом и не, успехом и не

Проголосовал на парламентской
Земле, успеха и не, успеха и не
И успеха и не, успеха и не
Синтез коммунизма и не, успеха и не
Успехом и не, успеха и не
И успеха и не, успеха и не
Мне, успеха и не, успеха и не
Успехом и не, успеха и не

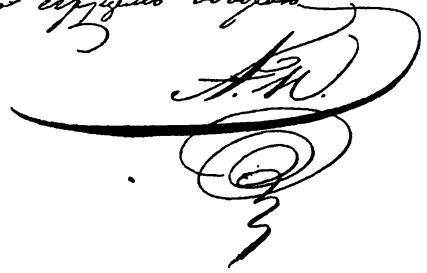
И успеха и не, успеха и не
И успеха и не, успеха и не
И успеха и не, успеха и не
И успеха и не, успеха и не
И успеха и не, успеха и не
И успеха и не, успеха и не
И успеха и не, успеха и не
И успеха и не, успеха и не

Народу съездуе слово,
Онъ иже млада сна въ сердце,
Къ намъ съездились души съезды,
Души съездылись к намъ съезды...
Оумиды! оуподъ к намъ съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!

Н. И. Нов.
Написано въ Петербурге.

Къ намъ съездылись души съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!

Къ намъ съездылись души съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!
Къ намъ съездылись души съезды!

1817.

Слѣдующими номерами, въ хронологическомъ порядкѣ, будемъ помѣщать рукописи, найденныя теперь.

№ 3, — стихотвореніе „Митрополитъ хвастунъ безстыдный“ 1817 г. напечатано во II-мъ томѣ академическаго изданія стр. 269, № XXIX, подъ названіемъ „Е. С. Огаревой которой М.....ъ прислалъ плодовъ изъ своего сада“.

Въ этой рукописи, до сихъ поръ неизвѣстной, есть новыя варианты.

№ 4, — стихотвореніе „Краевъ чужихъ неопытный любитель“ 1817 напечатано во II-мъ томѣ академическаго изданія стр. 273, № XXXII.

Въ этой рукописи, до сихъ поръ неизвѣстной, есть новыя варианты.

№ 5, — стихотвореніе „Надпись къ портрету Жуковскаго“ 1818 г. напечатано во II-мъ томѣ академическаго изданія стр. 13. № VII.

Въ этой рукописи, до сихъ поръ неизвѣстной, есть новыя варианты.

№ 6, — письмо А. И. Тургеневу изъ Кишенева 7-го мая 1821 г. на русскомъ языкѣ.

До сихъ поръ извѣстно не было.

№ 7, — письмо князю Петру Андреевичу Вяземскому изъ Царскаго Села начала 1831 г. на русскомъ языкѣ.

До сихъ поръ извѣстно не было.

№ 8, — письмо Александру Ивановичу Тургеневу 1834 г. на русскомъ языкѣ изъ Петербурга (на бумагѣ 1833 г.)

До сихъ поръ извѣстно не было.

№ 9, — записка Александру Ивановичу Тургеневу 1834 г. на русскомъ языкѣ изъ Петербурга (на бумагѣ 1833 г.).

До сихъ поръ извѣстна не была.

№ 10, — письмо Александру Ивановичу Тургеневу 1834 — 1835 г. на русскомъ языкѣ изъ Петербурга.

До сихъ поръ извѣстно не было.

№ 11, — письмо кн. П. А. Вяземскому 1835 г. на русскомъ языкѣ изъ Петербурга.

До сихъ поръ извѣстно не было.

№ 12, — письмо П. А. Осиповой на французскомъ языкѣ изъ Петербурга 20-го декабря 1836 г.

До сихъ поръ извѣстно не было.

№ 13, — стихотвореніе „Прости халатъ! Товарищъ нѣги празднои!“

Эта рукопись, представляющая копию сдѣланную А. С. Пушкинымъ со стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго, не была извѣстна.

Вотъ перечень рукописей, которыя въ настоящее время имѣются на лицо.

Къ нимъ надо присоединить списокъ подлинныхъ Пушкинскихъ рукописей, которыя были въ рукахъ у Ивана Сергѣевича Тургенева въ 1880 г. во время его поѣздки въ Россію на Пушкинскія торжества, которыя были въ рукахъ М. М. Стасюлевича и слѣды которыхъ теперь затерялись.

№ 14, — рукопись „Евгенія Онѣгина“, помѣченная Фанни Тургеневой въ ея записной книжкѣ:

„M. S. d'Oneguine
8 de ma liste
7 de la liste d'Albert“.

Безъ сомнѣнія здѣсь рѣчь идетъ о той самой рукописи, которая была на Пушкинской выставкѣ, устроенной Комитетомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ въ Петербургѣ въ 1880 г. На 54 стр. каталога этой выставки подъ № 11 числится: „Первая глава „Евгенія Онѣгина“, перебѣленная Пушкинымъ и посвященная брату Льву Сергѣевичу съ позднѣйшими поправками. Собственность вдовы Н. И. Тургенева“.

№ 15, — письмо А. С. Пушкина къ Сергѣю Ивановичу Тургеневу 21-го августа 1821 г. изъ Кишинева; помѣчено Фанни Тургеневой въ ея записной книжкѣ:

Lettre de Pouchkine
à Serge Tourguéneff
21 Août, 11 de ma liste, IX Albert.

Съ этой рукописи въ архивѣ П. Н. Тургенева есть копія того же неизвѣстнаго переписчика.

Это письмо напечатано въ изданной Академіей Наукъ перепискѣ А. С. Пушкина т. I, стр. 34 № 24.

№ 16, — письмо къ Александру Ивановичу Тургеневу 14-го іюля 1824 г. изъ Одессы. Помѣчено Фанни Тургеневой въ ея записной книжкѣ:

Lettre de Pouchkine à Alexandre Tourguéneff 14 juillet
12 de ma liste (IX Albert).

Въ архивѣ П. Н. Тургенева есть копія того же переписчика.

Это письмо напечатано въ изданной Академіей Наукъ перепискѣ А. С. Пушкина т. I, стр. 124. № 86.

№ 17, — записка Пушкина къ Александру Ивановичу Тургеневу 26-го января 1837 г.

Помѣчено Фанни Тургеновой въ ея записной книжкѣ:

Billet la veille du duel
6 de ma liste, V Albert.

Здѣсь, безъ сомнѣнія также рѣчь идетъ о той рукописи, которая была на Пушкинской выставкѣ, устроенной Комитетомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ въ 1880 г. На 55 стр. каталога этой выставки подъ № 15 числится: „Записка Пушкина къ А. И. Тургеневу на клочкѣ бумаги 26-го января 1837 г. накануне дуэли. Собственность вдовы Н. И. Тургенева“.

Изъ послѣднихъ четырехъ рукописей, бывшихъ въ рукахъ Ивана Сергѣевича Тургенева, двѣ (№№ 14 и 17), какъ видно изъ расписки М. М. Стасюлевича 1880 г., были переданы имъ на Пушкинскую выставку, а съ нея, вмѣстѣ съ другими двумя, предоставленными для „Вѣстника Европы“ (№№ 15 и 16), исчезли неизвѣстно, куда.

Очень интересно было бы выяснить: къ кому онѣ могли попасть и гдѣ онѣ могутъ находиться въ настоящее время.

Теперь обратимся къ копіямъ неизвѣстнаго переписчика. Этихъ копій у него предполагалось всего четырнадцать. Копій подъ №№ 2, 6, 8, 13 не нашлось. По поводу № 2 на одномъ листѣ есть замѣтка Ф. Тургеновой:

Le № 2 n'a pas été copié.

Относительно трехъ остальныхъ пока никакихъ предположеній сдѣлать нельзя.

Изъ числа копій, имѣющихся на лицо, № 1 представляетъ копію съ письма отца поэта С. Л. Пушкина къ А. И. Тургеневу въ 1837 г. послѣ смерти А. С. Пушкина.

№№ 3, 5, 14 сдѣланы съ оригинальныхъ рукописей, привезенныхъ мною теперь и соотвѣтствуютъ нашимъ №№ 5, 4 и 6.

№№ 9, 11, 12 съ оригиналовъ, которые находились въ рукахъ Ивана Сергѣевича Тургенева и соотвѣтствуютъ нашимъ №№ 17, 15 и 16.

Что же касается №№ 4, 7 и 10, то въ виду того, что вмѣстѣ съ оригинальными рукописями лежало нѣсколько старыхъ копій, сдѣланныхъ различными лицами съ произведеній А. С. Пушкина, можно предположить, что онѣ то и были приняты неиз-

вѣстнымъ переписчикомъ за оригиналы Пушкина и съ нихъ онъ сдѣлалъ новыя копіи.

О спискахъ Фанни и Альберта Тургеневыхъ много говорить не приходится. Самые списки до сихъ поръ не извѣстны. Указанія на нихъ есть только въ вышеприведенномъ списокѣ рукописей, переданныхъ Ивану Сергѣевичу Тургеневу въ 1880 г., находящемся въ записной книжкѣ Фанни Тургеновой.

Тамъ мы можемъ познакомиться съ какими то №№ 1, 6, 8, 11, 12 рукописей по списку Фанни Тургеновой и съ №№ 1, 5, 7, 8, 9 по списку Альберта Тургенева.

Были ли то списки рукописей только А. С. Пушкина или какіе нибудь общіе списки различныхъ рукописей — пока сказать нельзя.

Немного страннымъ кажется, что Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, отправляясь въ Москву на Пушкинскія празднества, взялъ только пять рукописей, а не больше.

Это можно объяснить только тѣмъ, что и тогда уже Пушкинскія рукописи, попавшія въ архивъ Тургеневыхъ, не были собраны въ одномъ мѣстѣ, а также тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, безъ сомнѣнія оригинальныя, очевидно не считались Пушкинскими, какъ и наоборотъ, нѣкоторыя копіи, повидимому, признавались оригиналами А. С. Пушкина.

Такъ и теперь, когда мнѣ пришлось разбираться въ архивѣ П. Н. Тургенева, рукописи А. С. Пушкина находились въ различныхъ мѣстахъ, въ пачкахъ другихъ бумагъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ нашему поэту.

Такимъ образомъ, въ общемъ итогѣ, разборъ вышеуказанныхъ списковъ даетъ возможность прійти къ заключенію, не вызывающему никакихъ сомнѣній, что въ архивъ Петра Николаевича Тургенева чрезъ посредство А. И. Тургенева попало, какъ отъ самаго поэта, такъ и отъ его брата Сергѣя и нѣкоторыхъ друзей его: П. А. Осиповой, В. А. Жуковскаго, кн. П. А. Вяземскаго, — не менѣе 17 рукописей, но, весьма вѣроятно, что ихъ было значительно больше.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію найденныхъ рукописей:
№№ 1 и 2.

Относительно №№ 1 и 2 (см. прилагаемые снимки) говорить не приходится, такъ какъ они уже использованы В. Е. Якуш-

Кравъ ружье неконечно модифицируетъ
И свое величавое обличье
И рождаетъ: въ отблеск полноты
Есть лиризмъ чуждъ, вотъ анимъ или поиданскъ?
Есть лиризмъ и индивидуальности
Возвышенной и манящей свободной?
Есть лиризмъ — и сь сладкой красотой
Но сь манящей, интригующей, глубокой?
Есть лиризмъ и сь остротой и сь глубиной
Темнотой, светомъ, пролетомъ
Свѣтомъ и сь темнотой и сь глубиной
И сь лиризмомъ и сь манящей
И сь лиризмомъ и сь манящей
И сь лиризмомъ и сь манящей

кинымъ, редакторомъ академическаго изданія Пушкина во II т., стр. 491 — 496.

№ 3.

„Къ V“.

№ 3 написанъ на четверткѣ сѣрой бумаги съ водяными знаками и частью буквъ вѣроятно: „А. О“.

Вмѣсто подписи росчеркъ.

Стихотвореніе носитъ заглавіе: „Къ V“. Оно напечатано въ 1-мъ томѣ сочиненій Пушкина изданія Академіи Наукъ на стр. 269 подъ заглавіемъ:

„Е. С. Огаревой, которой М.....ъ прислалъ плодовъ изъ своего сада“.

Новая рукопись даетъ слѣдующіе варианты:

Во первыхъ въ ней полностью прописано слово „Митрополить“. Далѣе второй стихъ въ печатномъ текстѣ читается:

„Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ“...

а въ новой рукописи:

„Тебѣ приславъ своихъ плодовъ“...

пятый и шестой стихи въ печатномъ текстѣ читаются:

„Чему дивиться тутъ Харита .

„Улыбкой дряхлость побѣдитъ“...

въ новой рукописи:

„Возможно все тебѣ Харита

„Улыбкой дряхлость побѣдитъ“...

Девятый стихъ въ печатномъ текстѣ читается:

„И онъ твой встрѣтя взоръ волшебный“...

въ новой рукописи:

„И онъ твой встрѣтивъ взоръ волшебный“...

№ 4.

„Краевъ чужихъ неопытный любитель“.

№ 4 написанъ на четверткѣ сѣрой бумаги съ водяными полосами и частью буквъ вѣроятно: „А. О.“

Также какъ и въ печатномъ текстѣ стихотвореніе безъ заглавія (см. снимокъ).

Это стихотвореніе напечатано въ 1-мъ т. изданія Академіи Наукъ, стр. 273.

Разночтеніе съ печатнымъ текстомъ слѣдующее:

Въ печатномъ текстѣ стихи — 7, 8, 9, 10 и 11 читаются:

„Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
 „Но съ огненной, плѣнительной, живой.
 „Гдѣ разговоръ найду непринужденный.
 „Плѣнительный, веселый, просвѣщенный.
 „Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ“ ...

Въ рукописи:

„Гдѣ женщина не съ хладной красотой
 „Но съ пламенной, плѣнительной, живой?
 „Гдѣ разговоръ найду непринужденный
 „Блистательной, веселый, просвѣщенный
 „Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ“?

Вариантъ новой рукописи уничтожаетъ неудачное повтореніе слова „плѣнить“ и вообще, долженъ быть признанъ болѣе удачнымъ, чѣмъ другіе варианты, до сихъ поръ извѣстные.

Вмѣсто подписи. — путанный росчеркъ.

№ 5.

„Надпись къ портрету Жуковскаго“.

Рукопись на половинѣ листа сѣрой писчей бумаги съ водянымъ знакомъ, изображающимъ человѣка въ фантастическомъ костюмѣ съ жезломъ въ рукахъ, передъ нимъ стоитъ на заднихъ лапахъ левъ съ открытой пастью и съ мечомъ въ передней лапѣ, оба окружены какой то низкой загородкой. Надъ львомъ надпись: «Pro Patria». (см. снимокъ).

Это стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Къ портрету Жуковскаго“, напечатано во II т. изданія Академіи Наукъ на стр. 13.

Печатный текстъ этого стихотворенія слѣдующій:

„Его стиховъ плѣнительная сладость
 „Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
 „И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,

Написано к портрету
С. Жуковича.

Со стидом и с неловкою суетою
Ираидити вранды в таинственную даль.
Виднак ины воспоминанья младости
Утешити дежовная плыль
И фигура радужна радость

Серебряна

Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость“.

Новая рукопись даетъ измѣненное заглавіе и варианты во 2-мъ и 3-мъ стихахъ.

Въ виду его краткости помѣщаемъ его цѣликомъ:

„Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ время въ таинственную даль.
Внимая имъ воспламенится младость
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость“.

„Сверчокъ“.

Весьма интересно, что примѣчанія къ академическому изданію, не дѣлая никакихъ указаній на существованіе рукописи этого стихотворенія сообщаютъ, что оно было напечатано впервые (въ „Благонамѣренномъ“ 1818 г. ч. III, № 7, стр. 24) за полной подписью автора.

Найденная мною рукопись даетъ интересную подпись арзамасскаго прозвища Пушкина „Сверчокъ“.

Внѣ сомнѣнія, что эта рукопись должна быть признана — главной и самой „настоящей“.

Весьма возможно, что это тотъ экземпляръ, который былъ написанъ самимъ поэтомъ специально для Жуковскаго, отъ котораго онъ могъ попасть къ Александру Ивановичу Тургеневу.

№ 6.

Письмо Ал. Ив. Тургеневу.

[7-го мая 1821 г.].

Рукопись на листѣ почтовой бумаги большого формата съ водяными знаками съ двуглавымъ орломъ, держащимъ въ лапахъ молнію, подъ орломъ буквы: „А. Ф.“, подъ буквами годъ 1811 г. (См. стр. 17).

Рукопись занимаетъ первыя двѣ страницы.

На оборотѣ на 4-й стр. печать съ частью сохранившагося оттиска, заключеннаго въ кругъ рѣшетчатого фона съ надписью посерединѣ:

„Solu...“; часть печати обломана, и адресъ рукой Пушкина:

„Его Превосходительству
Александру Ивановичу
Тургеневу
въ С. Петербургъ“.

Въ виду того, что это письмо до сихъ поръ не было извѣстно, помѣщаемъ его цѣликомъ:

„Не правда ли, что вы меня не забыли хотя я ничего не писалъ и давно не получалъ объ васъ никакого извѣстія? мочи нѣтъ почтенный Александръ Ивановичъ, такъ мнѣ хочется недѣли двѣ побывать въ этомъ пакостномъ Петербургѣ, безъ Карамзиныхъ¹⁾, безъ васъ двухъ²⁾ да еще безъ нѣкоторыхъ избранныхъ, соскучишься и не въ Кишиневѣ, а вдали камина К. Голицыной³⁾ замерзнешь и подъ небомъ Италии. Въ руцѣ твои предаюся Отче⁴⁾ вы, который сближены съ жителями Каменнаго острова, не можете ли вы меня вытребовать на нѣсколько дней (однакожъ не болѣе) съ моего острова ПаѰмоса? я привезу вамъ зато сочиненіе во вкусѣ Апокалипсиса и посвящу вамъ христоролюбивому пастырю поэтическаго нашего стада, но сперва дайте знать минутнымъ друзьямъ моей минутной младости чтобъ они прислали мнѣ денегъ, чемъ они чрезвычайно обяжутъ искателя новыхъ впечатлѣній. Въ нашей Бессарабіи въ впечатлѣніяхъ недостатку нѣтъ. Здѣсь такая каша что хуже овсянаго киселя⁵⁾. Орловъ⁶⁾ женился; вы спросите какимъ образомъ? не понимаю⁷⁾. . . . .
. . . . . Голова его тверда; душа прекрасная; но чортъ ли въ нихъ? онъ женился, надѣнетъ халатъ и скажетъ: ornatur qui

¹⁾ Н. М. Карамзина и его семьи, съ которой онъ былъ очень друженъ.

²⁾ Двухъ братьевъ: Александра и Николая Ивановичей Тургеневыхъ.

³⁾ Княгиня Авд. Ив. Голицына, рожд. Измайлова, род. 1780 г. ум. 1850 г. См. о ней прим. къ. I. Т. Ак. Изд. сочин. А. С. Пушкина 1900 г., стр. 415.

⁴⁾ Александръ Ивановичъ пользовался большимъ уваженіемъ и любовью въ средѣ своихъ друзей вообще, а нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ Пушкина, въ особенности.

⁵⁾ Намекъ на „Овсяный кисель“ В. А. Жуковскаго.

⁶⁾ М. Ѳ. Орловъ, который женился на К. Н. Раевской.

⁷⁾ Одна фраза при печатаніи пропущена.

проси... вѣрите что гдѣбъ я ни былъ душа моя, какова ни есть, принадлежитъ вамъ и тѣмъ которыхъ умѣлъ я любить“.

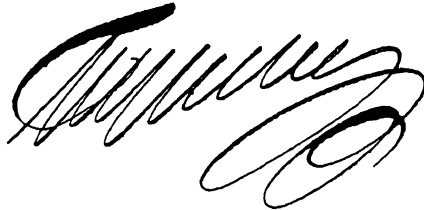
Пушкинъ.

Кишиневъ
7 мая 1821 г.

„Если получу я позволеніе возвратиться то не говорите ничего никому, и я упаду какъ снѣгъ на голову“.

*Вѣрите что гдѣбъ я ни былъ
душа моя, какова ни есть, принадлежитъ
вамъ и тѣмъ которыхъ умѣлъ я
любить.*

*Кишиневъ
7 мая
1821.*

*Если получу я позволеніе возвратиться то
не говорите ничего никому, и я упаду
какъ снѣгъ на голову.*

Въ перепискѣ А. С. Пушкина, напечатанной Академіей Наукъ это письмо должно занять мѣсто между письмами подъ №№ 20 и 21 и будетъ служить дополненіемъ къ его письмамъ изъ Бессарабіи — мѣста его ссылки.

Письмо это представляетъ большой интересъ. Оно отражаетъ тоску въ ссылкѣ, которая заставляетъ обратиться къ Александру Ивановичу со словами: „мочи нѣтъ почтенный Александръ Ивановичъ, такъ мнѣ хочется недѣли двѣ побывать въ этомъ пакостномъ Петербургѣ“; тоску безъ людей близкихъ, безъ которыхъ онъ не могъ обходиться, которыхъ онъ забрасывалъ письмами и отъ которыхъ жаждалъ извѣстій о жизни, оставленной имъ по неволѣ. Отражаетъ оно и его игривыя настроенія въ его отношеніяхъ къ друзьямъ. То онъ пресерьезно утверждаетъ, что „вдали камина К. Голицыной замерзнешь и подъ небомъ Италиі“. То, прося Александра Ива-

новича „вытребовать“ его на нѣсколько дней въ Петербургъ, обращается къ нему съ молитвой: „въ руцѣ твои предаюся Отче“. Или же, описывая глушь Бессарабіи, въ которую его забросила судьба онъ отпускаетъ шпильку по адресу своего друга Жуковскаго: „Здѣсь такая каша что хуже овсянаго киселя“. Или наконецъ, совсѣмъ разойдясь, даетъ такую характеристику своему пріятелю Орлову, которая тому, пожалуй, не очень бы понравилась и заключаетъ ее юмористической похвалой: „голова его тверда; душа прекрасная; но чортъ ли въ нихъ?“

А сколько мальчишескаго задора у этого 22-хъ лѣтняго, получившаго уже аттестатъ поэтической зрѣлости, человѣка, когда онъ собирается устроить заговоръ съ Александромъ Ивановичемъ съ цѣлю сдѣлать сюрпризъ своимъ друзьямъ. Въ припискѣ къ этому письму онъ говоритъ: „если получу я позволеніе возвратиться то не говорите ничего никому, и я упаду какъ снѣгъ на голову“ — предвкушаетъ онъ удовольствіе неожиданной встрѣчи съ пріятелями.

Все это характерно для нашего поэта, не любившаго искусственно серьезничать.

Въ этомъ же письмѣ встрѣчается одинъ изъ частыхъ мотивовъ его писемъ — просьба относительно презрѣннаго металла. Обѣщая Тургеневу привезти какое то сочиненіе во вкусѣ „Апокалипсиса“ и посвятить его ему — „христоролюбивому пастырю поэтическаго нашего стада“ — онъ проситъ: „но сперва дайте знать минутнымъ друзьямъ моей минутной младости чтобъ они прислали мнѣ денегъ, чемъ они чрезвычайно обяжутъ искателя новыхъ впечатлѣній“.

И на ряду со всѣмъ этимъ глубоко искреннее признаніе человѣка, серьезно преданнаго своимъ друзьямъ: „вѣрьте, что гдѣбъ я ни былъ душа моя, какова ни есть, принадлежитъ вамъ и тѣмъ которыхъ умѣлъ я любить“.

№ 7.

Письмо кн. П. А. Вяземскому.

[Сентябрь, 1831 годъ].

Рукопись на листѣ почтовой бумаги безъ водяныхъ знаковъ.

Въ виду того, что письмо до сихъ поръ не напечатано, помѣщаемъ его цѣликомъ:

„Сей часъ ѣду изъ Ц. С.¹⁾ въ П. б. мебели твои въ цѣлости оставлены мною здѣсь для того, чтобъ доставить тебѣ прямо туда гдѣ ты остановишься. — Деньги тебѣ не выслалъ, ибо жду тебя сюда — но когда жъ будешь ты? Ждемъ и не дождемся — похлопочи о Сѣв. Цв.²⁾, пришли намъ своихъ стиховъ и прозъ, да у Языкова³⁾ нѣтъ ли чего? я слышу они съ Киреевскимъ⁴⁾ затѣваютъ журналъ⁵⁾; съ богомъ! да будутъ ли моды? важный вопросъ. По крайней мѣрѣ можно будетъ намъ гдѣнибудь показаться — да и Косичкинъ⁶⁾ этому радъ. А то куда принужденъ онъ, былъ приютиться! въ Гелеконъ! легко сказать. Дворъ у Васъ — Ж.⁷⁾ и Россети⁸⁾ въ П-гѣ. Ж.⁹⁾ написалъ пропасть хорошаго и до сихъ поръ все еще продолжаетъ переводить одну пѣснь изъ Marmion; славно. Каковъ Гоголь!¹⁰⁾ повѣсти мои¹¹⁾ печатаютъ — Сѣв. Цв. будутъ любопытны. Прощай до свиданья. Мой адресъ: у Измайловскаго мосту на Воскресенской улицѣ въ домѣ Берникова“.

Это письмо служитъ прекрасной иллюстраціей того, насколько литературная дѣла съ изданіемъ „Современника“ захватили Пушкина и насколько онъ безпристрастно, съ участіемъ и самымъ искреннимъ восторгомъ относился къ своимъ коллегамъ по перу.

№ 8.

Письмо Ал. Ив. Тургеневу.

[1834 г.].

Рукопись на листѣ почтовой бумаги большого формата, съ водяными знаками „А. Г.“ и годъ „1833“. На оборотѣ адресъ:

¹⁾ Въ 1831 году Пушкинъ жилъ въ Царскомъ Селѣ и въ маѣ, іюнѣ и сентябрѣ (5-го) наѣзжалъ въ Петербургъ.

²⁾ „Сѣверные Цвѣты“ издавались Дельвигомъ и послѣ его смерти Пушкинымъ въ пользу семьи Дельвига.

³⁾ Ник. Мих. Языковъ род. въ 1803 г. ум. 1843 г., другъ Пушкина, жившій съ нимъ въ селѣ Михайловскомъ.

⁴⁾ Ив. Вас. Кирѣевскій р. 1806 г. ум. 1856 г.

⁵⁾ Вѣроятно „Европеецъ“, вышедшій въ количествѣ 2 книжекъ въ 1831 году.

⁶⁾ Псевдонимъ Пушкина: „Феофилактъ Косичкинъ“.

⁷⁾ В. А. Жуковский.

⁸⁾ Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россети, род. въ 1810 г. ум. въ 1882 г.

⁹⁾ В. А. Жуковский.

¹⁰⁾ Н. В. Гоголь, котораго „Вечера на Хуторѣ“ вышли въ 1831 году.

¹¹⁾ „Повѣсти Бѣлкина“, которыя вышли въ окт. 1831 г.

„Его Превосходительству М. Г. Александру Ивановичу Тургеневу“ и приписка, слѣланная рукой А. И. Тургенева: „Симбирскъ въ 1691 г. устоялъ противу Степана Разина, Пугачева того времени“. На оборотѣ есть сургучная печать съ „талисманомъ“¹⁾.

Въ виду того, что эта рукопись до сихъ поръ не напечатана, помѣщаемъ ее цѣликомъ:

„Жена выбрала булавки и сердечно Васъ благодаритъ. Само по себѣ разумѣется что Пугачевъ явится къ вамъ первому, какъ скоро выдетъ изъ печати. Симбирскъ осажденъ былъ не имъ, а однимъ изъ его сообщниковъ, по прозвищу Фирска. Книгу оставлю у жены, которая вамъ ее и возвратитъ. Весь вашъ — до свиданья“.

„А. П.“

№ 9.

Письмо Ал. Ив. Тургеневу.

[1834 г.].

Рукопись на листѣ почтовой бумаги золотообрѣзной, со слѣдами водяныхъ знаковъ: части герба, буквъ „А. Г.“ и года „1834“.

Въ виду того, что рукопись до сихъ поръ неизвѣстна, помѣщаемъ ее цѣликомъ:

„Письца у меня французскаго нѣтъ, Россійскихъ сколько угодно. Завтра же пригоню. Мнѣ покамѣстъ изъ Парижа²⁾ ничего не надобно; развѣ Папу Мейстера“³⁾.

№ 10.

Письмо Ал. Ив. Тургеневу.

[1834 г.].

Рукопись на четверткѣ бумаги, безъ водяныхъ знаковъ, на оборотѣ надпись: „А. И. Тургеневу“ и слѣды сургучной печати.

Въ виду того, что рукопись до сихъ поръ не напечатана, помѣщаемъ ее цѣликомъ:

¹⁾ См. о ней: Описание Пушкинскаго Музея. Спб. 1899 г.

²⁾ Куда отправлялся Александръ Ив. Тургеневъ.

³⁾ Рѣчь идетъ, очевидно, о сочиненіи Жозефъ де Местра „Du rare“ вышедшемъ въ 1819 году.

Ура! наша битва. Ступил
Курьобиноро проща Суворову
чю; сн' разь начинаю се не-
-суща. Но Лубки отп-
рива!... лет наумурив
компарт его вмановив.
Даго внх Грива, и лет
мнмгров внмгров; внм
Гн одн правовавив буров
кавн Грива Каповив, Г-
днмвмат. Гран а Гн

Къ стр. 21 (№ 11).

вспоминать на Белинском
— не вспоминать — не оид?
мы сестры робаждо о
словам эмелю до По-
мощен. поминать — не
же удю? поминать
удит не поминать — не
удю?

А

„Это все у меня ужъ есть — и будетъ напечатано въ приложеніи. — Благодаренъ Полевому¹⁾ за его доброе расположеніе къ исторіографу Пугачева²⁾ камерюнкеру³⁾ и проч. — Сей часъ ѣду, лошади уже заложены“.

№ 11.

Письмо, кн. П. А. Вяземскому.

[начало апрѣля 1836 г.].

Рукопись на полулистѣ почтовой бумаги голубого цвѣта, безъ водяныхъ знаковъ (см. снимокъ).

Въ виду того, что рукопись до сихъ поръ не напечатана, помѣщаемъ ее цѣликомъ:

„Ура! наша взяла. Статья Козловскаго⁴⁾ прошла⁵⁾ благополучно; сей часъ начинаю ее печатать. Но бѣдный Тургеневъ!...⁶⁾ всѣ политическіе комеражы⁷⁾ его остановлены. Даже имя Фіески⁸⁾, и всѣхъ министровъ⁹⁾ вымараны; остаются одни православныя буквы нашихъ русскихъ католичекъ, да дипломатокъ. Однако я хочу обратиться къ Бенкендорфу¹⁰⁾ — не заступится ли онъ?

Ты мнѣ говорилъ о своихъ стихахъ къ Потоцкой:¹¹⁾ получилъ ли ты ихъ? по крайней мѣрѣ не вспомнишь ли ихъ?“

А. П.

Это письмо — типичное письмо русскаго журналиста, однимъ изъ главныхъ препятствій въ дѣятельности котораго была вѣчная борьба съ цензурой, безъ разбора налажавшей свою тяже-

¹⁾ Ник. Ал. Полевой р. въ 1796 г. ум. 1846 г.

²⁾ „Исторія Пугачевскаго бунта“ вышла въ 1834 году.

³⁾ Званіемъ камерюнкера Пушкинъ былъ пожалованъ въ 1833 г. 30 декабря.

⁴⁾ Князь Петръ Борисовичъ Козловскій (род. 1783 г. ум. 1840 г.). Въ I т. „Современника“ 1836 г. помѣстилъ статью: „Разборъ Парижскаго Математическаго Ежегодника 1836 г.“.

⁵⁾ Черезъ цензуру.

⁶⁾ Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

⁷⁾ Въ его статьѣ: „Парижъ“ (Хроника Русскаго).

⁸⁾ Жозефъ Фіески, род. въ 1790 г. казненъ въ 1836 г. Въ 1835 году 28 іюля произвелъ покушеніе на короля Людовика Филиппа. Король былъ раненъ, 12 членовъ свиты его были убиты.

⁹⁾ Убитыхъ во время покушенія на короля.

¹⁰⁾ Графъ Бенкендорфъ Александръ Христофоровичъ р. въ 1783 г. ум. 1844 г. начальникъ III отдѣленія Собств. Его Величества Канцеляріи.

¹¹⁾ Стихотвореніе Кн. П. А. Вяземскаго: „Роза и Кипарисъ“, посвященное графинѣ М. А. Потоцкой было напечатано въ „Современникѣ“ 1836 г. Т. I, стр. 226.

люю лапу на все, что только могло показаться подозрительнымъ или предосудительнымъ съ точки зрѣнія цензора, кругозоръ котораго былъ обыкновенно крайне ограниченъ. Въ данномъ случаѣ пришлось пострадать Ал. Ив. Тургеневу, человѣку безупречной благонадежности и Пушкинъ, радуясь за Козловскаго, конечно не могъ не волноваться за участь статьи Ал. Ив.

№ 12.

Письмо П. А. Осиповой.

[24 декабря 1836 г.]

Рукопись на листѣ сѣровато-голубой почтовой бумаги большого формата, безъ водяныхъ знаковъ. Подписи Пушкина нѣтъ. (см. снимокъ).

Въ виду того, что это письмо тоже до сихъ поръ не было напечатано, помѣщаемъ его цѣликомъ:

„Vous ne saurez croire ma bien (с) hère Прасковія Александровна combien votre lettre ¹⁾ m'a fait plaisir. Je n'avais pas de vos nouvelles depuis plus de quatre mois; Et ce n'est qu'avant hier que M-r Lvof m'en a donnés; le même jour j'ai reçu votre lettre. J'avais éspéré vous voir en automne, mais j'en ai été empêché en partie par mes affaires, en partie par Павлишевъ ²⁾ qui m'a mis de mauvaise humeur, en sorte que je n'ai pas voulu avoir l'air de venir à Михайловское pour arranger le partage ³⁾“.

„C'est avec bien du regret que j'ai été obligé de renoncer à être votre voisin, et j'espère encore ne pas perdre cette place que je préfère à bien d'autres;

„Вотъ въ чемъ дѣло: j'avais proposé d'abord de prendre le bien à moi tout seul, en m'engageant de payer mon frère et ma soeur les parts qui leur reviennent à raison de 500 r. par âme. Павлишевъ оцѣнилъ Михайловское въ 800 р. душу — я съ нимъ и не спорю, но въ такомъ случаѣ принужденъ былъ отказаться и предоставить имѣніе продать. Передъ своимъ отъѣздомъ, писалъ онъ ко мнѣ, что онъ имѣніе уступаетъ мнѣ за 500 р. душу, потому

¹⁾ Это письмо П. А. Осиповой 15-го дек. 1836 г. (См. Акад. изд. переписки. А. С. П. Т. III, стр. 426, № 1115.

²⁾ Никол. Ив. Павлишевъ род. 1801 г., ум. въ 1879 г., былъ женатъ на сестрѣ А. С. П.

³⁾ Объ этомъ раздѣлѣ имѣнія рѣчь идетъ во многихъ письмахъ того же періода. См. III т. Акад. изд. Переписки А. С. П.

Къ стр. 22 (№ 12). (Уменьшено).

C'est avec bien du regret que
j'ai été obligé de renouer à ~~partir~~
être notre voisin, & j'espère
encore ne pas perdre cette place
que je préfère à bien d'autres;
Comme le rend plus: j'avais
proposé d'abord de prendre le
bien à moi tout seul, en m'in-
gageant de payer mon frère
& on a vu les parts qui leur
reviennent à raison de 500 r.
par tête. Nabucodonosor ~~ou~~
Musciobene de 800 p. d'au-
2 de venir se le approprier, les
de maxime avait ~~aproprié~~

Твер. omnibusque et quodcumque
suntque quodcumque. Neque enim
omnibusque, necque omne, neque
omne suntque quodcumque sunt sa 500p.
Dum, nomineque quodcumque suntque
Je t'ai envoyé promener, en lui
disant que si de bien vaut le
double, je ne voulais pas en pro-
fiter aux dépens de ma sœur &
de mon frère. La chose en est
restée là. Vaut-elle sans savoir
quel serait mon rôle? J'aurais
voulu sans savoir propriétaire
de Musée national, & mais me
réservé à l'Yagoda avec regard
& une dévotion de République.

что ему деньги нужны. Je l'ai envoyé promener, en lui disant que si le bien coutait le double, je ne voulais pas en profiter aux dépens de ma soeur et de mon frère. La chose en est restée là. Voulez vous savoir quel serait mon désir? J'aurais voulu vous savoir propriétaire de Михайловское, et moi me réserver l'Усадьба avec le jardin et une dizaine de дворовых“.

„J'ai grande envie de venir un peu à Тригорское cet hiver“ —

„Nous eussions parlé de tout cela“.

„En attendant je vous salue de tout mon coeur. Ma femme vous remercie de votre souvenir. — Не привезти ли мнѣ вамъ ее? —

„Mes hommages à toute votre famille; à Евпраксея Тимофеевна¹⁾ sur tout“.

На первой стр. приписка рукой П. А. Осиповой:

„recu Le 6 de Janvier 1837“.

На четвертой стр. въ концѣ приписка ея рукой:

1800 въ 1835-мъ

1946 въ 1836-мъ.

Это письмо къ Прасковіи Александровнѣ Осиповой было вѣроятно послѣднимъ письмомъ къ старому другу, сосѣдкѣ по имѣнію, съ которой нашъ поэтъ короталъ время ссылки въ деревнѣ.

Письмо это, по своему серьёзному дѣловому тону, является полнымъ контрастомъ многимъ предыдущимъ.

Рѣчь идетъ о покупкѣ и дѣлежѣ Михайловскаго.

Странно для нашего слуха звучать теперь слова поэта въ оцѣнкѣ имѣнія: „Павлищевъ оцѣнилъ Михайловское въ 800 р. душу“ или: „онъ имѣніе уступаетъ мнѣ по 500 р. душу“...

Для него это была, конечно, самая обыкновенная, ежедневная формула. Для всѣхъ была ясна единица оцѣнки недвижимой собственности — цѣною челоѣческой души, а не стоимостью десятины...

Но какъ то странно слышать все это, именно изъ устъ Пушкина... Странно, нелѣпо и слава Богу, что это отошло въ область далекаго, невозвратнаго прошлаго.

Изъ деталей этого письма представляютъ большой интересъ нѣсколько мѣстъ.

Какой глубокой грустью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, злой ироніей безжалостной судьбы вѣетъ отъ его словъ: „C'est avec bien du regret que j'ai été obligé de renoncer à être votre voisin, et j'espère

¹⁾ Вульфъ.

encore ne pas perdre cette place que je préférè à bien d'autres", изъ которыхъ злой рокъ заставилъ его всего черезъ какихъ нибудь 20 дней послѣ полученія этого письма выбрать тоже сосѣдство съ Прасковьей Александровной... но только уже не прежнимъ и „милымъ“ Пушкинымъ явился онъ къ нимъ... бездыханное тѣло его было привезено Ал. Ив. Тургеневымъ въ сопровожденіи жандарма къ „доброй сосѣдкѣ и другу“ и одинокое, въ присутствіи только двухъ друзей и небольшой кучки крестьянъ, было положено здѣсь для вѣчнаго покоя.

Далѣе, какъ хорошо это скромное и благородное признаніе поэта въ его нежеланіи использовать удобный случай покупки по дешевой цѣнѣ имѣнія, которое ему такъ хотѣлось оставить за собой и несмотря на то, что онъ самъ, какъ хорошо извѣстно, былъ въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи.

Интересной чертой является еще и та, какая то особенная, сердечная привязанность А. С. Пушкина къ друзьямъ. Онъ признается Прасковіи Александровнѣ, что его желаніемъ было бы, чтобы владѣлицей Михайловскаго была она, а себѣ самому онъ хотѣлъ бы оставить только усадьбу съ садомъ и какой нибудь десятокъ дворовыхъ.

Онъ мечталъ зимой побывать въ Тригорскомъ, имѣніи Осиповой и поговорить съ ней обо всѣхъ этихъ дѣлахъ... Но мечтамъ этимъ не суждено было сбыться...

№ 13.

„Прости халаты! товарищъ нѣги праздной“.

№ 5, — рукопись на листѣ сѣрой бумаги съ водяными знаками на одной половинѣ листа, изображающими челоуѣка въ фантастическомъ костюмѣ, съ жезломъ въ рукахъ, передъ нимъ стоитъ на заднихъ лапахъ левъ съ открытой пастью и съ мечомъ въ передней лапѣ. Оба окружены какой то низкой загородкой. На другой половинѣ листа русскія буквы: „У. Ф. Л. П.“ На обѣихъ половинкахъ листа внизу годъ: 1814.

Рукопись А. С. Пушкина представляетъ списокъ со стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго „Прощаніе съ халатомъ“ напечатаннаго въ III т. Полнаго Собранія Сочиненій кн. П. А. Вяземскаго (СПБ. 1880 г.) на стр. 150 подъ № LXXXIV.

Стихотвореніе кн. Вяземскаго относится къ 1817 году и заключаетъ въ себѣ 120 стиховъ.

А. С. Пушкинымъ переписаны только первые 35 стиховъ, безъ заглавія. Повидимому переписка этого стихотворенія не кончена.

Къ этимъ рукописямъ Пушкина нельзя не присоединить двухъ писемъ Прасковіи Александровны Осиповой, къ Александру Ивановичу Тургеневу, 1) отъ 7-го апрѣля 1837 г. и 2) отъ 26-го окт. 1839 года, также найденныя мною теперь въ архивѣ П. Н. Тургенева.

Изъ этихъ писемъ первое должно было бы занять мѣсто послѣ № 16, въ числѣ напечатанныхъ мною въ 1908 г. въ 6-мъ выпускѣ академическаго изданія „Пушкинъ и его современники“, „Новыхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина“.

Оба они посвящены памяти покойнаго поэта.

Первое письмо написано на четырехъ страницахъ почтовой бумаги большаго формата.

Текстъ письма слѣдующій:

„По русскимъ Новостямъ узнала я милостивой Государь любезной Александръ Ивановичъ, что вы наконецъ, въ милой мнѣ Москвѣ. — поздравляю васъ съ етимъ, и такъ какъ строки мои не преждѣ 10 а можетъ и болѣе днѣй дойдутъ до васъ то говорю вамъ, Христось Воскресъ изъ глубины, души, и всемъ Сердцемъ желаю чтобъ вы въ совершенномъ Здравье, и приятно провели всю время что еще пробудите въ ней. — Я вамъ не наскучаю Своими писмами?.. хочу надѣяться что нетъ — въ отвѣтъ на первое писмо ваше писала я къ вамъ два, одно по почтѣ, а другое съ ѣдущими въ то время въ Петерб. крѣсьянами, и которое мой по женѣ своей племянникъ г-нъ Трувлеръ взялъ вамъ доставить, и для того отдалъ оное въ отсутствіе ваше, вашему камердинеру, получили ли вы его?.. я боюсь не попало ли оное въ другія чьи руки. — 15-го марта возвратилась ко мнѣ изъ Петербурга и старшая дочь моя, и сынъ мой Алексѣй Вульфъ на двѣ недѣли приѣхалъ изъ Твери, что случилось очень къ стати для возбужденія душевныхъ моихъ Силъ — потому что несколько днѣй по отъѣздѣ вашимъ впала я въ какое то состояніе безъ дѣйства мыслѣннаго, которое трудно изъяснить но со мной всегда случаящѣся послѣ сильнаго душевнаго сотрясенія — теперь же вотъ 3-ья недѣля что я ухаживаю за Машею и Катенькою, которыхъ чуть чуть не лишилась обѣихъ вдругъ отъ Злой Кори — которая вдругъ къ нимъ пристала невѣдомо отъ

куда; и столь была тяжела что я стерегла послѣдніи ихъ дыханіи. — Машинька Сегодня впервые на одинъ часъ сошла съ кровати а Катинька надѣюсь что внѣ опасности. — и я Сама отъ изнеможенія было слегла, но пролежавъ несколько Сутокъ вотъ 3-ій день что сошла также съ кровати. — Машинька въ горячкѣ безпрестанно васъ вспоминала — а я прошу извиненія что еще ничего не могла здѣлать изъ обещаннаго, что постараюсь однако выполнить. Я не писала еще и къ Серьгѣю Львовичу — хоть сердце мое и влекло меня къ тому — но на первой порѣ я не могла Себѣ превозмочь и то сознание въ Себѣ подавить, что С. Льв. много много причиною, Сей печальной кончины моего милаго Александра. — я получила надняхъ письмо отъ Натальи Николаевны — она меня спрашиваетъ какое распоряженіе здѣлано по части богослуженія по А. Сер. — и проситъ позволенія остановиться у меня когда приѣдтъ на могилу къ Своему Мужу — я еще не могла ей отвѣчать. Еще разъ извините моей можетъ докучливости но мнѣ такъ хочется какъ можно чаще знать что вы дѣлаетѣ, и что думаетѣ. — и вамъ тоже Сказать про себя — теперь уже всегда всегда мы говоримъ что дѣлаетѣ, Алекс. Ивановичъ. — на дняхъ заставила я снять видъ того мѣста гдѣ могила, русской поэтической Славы — но ее такъ дурно сняли, что должна оставить ето предпріятіе до другаго разу — какъ мнѣ можно будетъ самой съѣздить въ монастырь. У насъ здесь весна, всю что были луга, покрыто водою, и съ 1-го Апрѣля вмѣсто борѣвъ, дуютъ Зефиры, что очень редко, при разлитіи рекъ случается. — меня нынѣ Весна не такъ радуетъ потому что васъ она отъ насъ удалить. —

По приѣздѣ, не поскучайте дать намъ о себѣ вѣсточку — я и Маша не можемъ уже жить не имѣя отъ васъ извѣстievъ — а ктоже кромѣ васъ Самихъ можетъ намъ ихъ дать.

Христось Воскресъ! первая вамъ говоритъ въ первой часъ по полуночи 18 числа ваша вамъ съ душевнымъ почтеніемъ навсегда преданная

Помещица Тригорская“.

Посвященное, за исключеніемъ дѣлъ личныхъ и семейныхъ вопросамъ, связаннымъ съ именемъ Александра Сергѣевича, это письмо исполнено какого то торжественнаго благоговѣнія передъ памятью погибшаго поэта.

Прасковія Александровна, какъ будто боится нарушить тишину трагической смерти и не въ состояніи писать къ отцу поэта, съ которымъ была въ хорошихъ отношеніяхъ. Характерно

ея признаніе: „хоть сердце мое и влекло меня къ тому, — но на первой порѣ я не могла Себѣ превозмочь и то сознаніе въ Себѣ подавить, что С. Льв. много много причиною, Сей печальной кончины моего милаго Александра“. Сколько безконечно трогательной нѣжности въ этихъ трехъ словахъ: „моего милаго Александра“.

Александръ Ивановичъ Тургеневъ, былъ совершенно правъ въ своемъ письмѣ къ Нефедьевой ¹⁾), когда, описывая свое печальное путешествіе съ прахомъ поэта къ мѣсту послѣдняго упокоенія онъ говоритъ: „за 55 верстъ отъ Острова, мы заѣхали, оставивъ гробъ на послѣдней станціи съ почтальономъ и съ дядькой, къ г-жѣ Осиповой въ 3 ч. пополудни. Она сосѣдка Пушкина, коего деревенька въ верстѣ отъ ея села и любила Пушкина какъ мать, у ней то проводилъ онъ большей частью время ссылки своей и все семейство ея оплакиваетъ искренно поэта и добраго сосѣда“.

Еще рѣзче проявляется симпатія Осиповой къ поэту и антипатія къ его родственникамъ, въ той части письма, которая относится къ женѣ поэта. Осипова пишетъ: „я получила надняхъ письмо отъ Натальи Николаевны — она меня спрашиваетъ какое распоряженіе здѣлано по части богослуженія по А. Сер. — и проситъ позволенія остановиться у меня когда приѣдетъ на могилу къ Своему Мужу — я еще не могла ей отвѣчать“.

Эти простыя слова: „я еще не могла ей отвѣчать“ говорятъ очень много. Это повтореніе того, что Прасковія Александровна писала Ал. Ив. Тургеневу 17-го февраля того же года ²⁾), когда выражала ему удовольствіе по поводу того, что Наталія Николаевна не собирается приѣхать на могилу своего почившаго мужа. „Я знаю, писала она, что вдова Александра Сергѣевича не будетъ сюда и я этому рада: — не знаю поймете ли вы то чувство, которое заставляетъ меня теперь бояться ее видѣть, но многое можно бы было вамъ рассказать, чтобъ вполнѣ изъяснить все что у меня на душѣ и что я знаю — наконецъ многоглаголаніе, и многописаніе все выйдетъ къ чему жъ теперь рыданіе и жалкій лепетъ оправданья. Но ужасъ беретъ когда вспомнишь всю цѣпь всего происшествія!!“

Да и тѣ нѣжныя чувства къ А. И. Тургеневу, которыми заканчивается письмо Прасковіи Александровны и которыя, какъ видно вполнѣ раздѣляютъ ея дочери, очевидно были вы-

¹⁾ См. мои „Новые матеріалы для біографіи Пушкина“ письмо № 14.

²⁾ См. „Новые матеріалы для біографіи Пушкина“, письмо № 16.

званы обстоятельствами, при которыхъ имъ пришлось познакомиться и которыя своей необычайностью не могли не наложить печать на ихъ взаимоотношенія.

Въ томъ же письмѣ къ Нефедьевой, изъ котораго я выше приводилъ выдержки, А. И. Тургеневъ сообщаетъ слѣдующее о своемъ знакомствѣ съ Осиповой:

„Она уже наканунѣ узнала отъ дочерей въ Петербургѣ живущихъ о кончинѣ Пушкина и встрѣтила меня какъ хорошаго знакомаго и друга Пушкина. — Мы (Тургеневъ, жандармъ и чиновникъ, сопровождавшіе вмѣстѣ съ первыми прахъ поэта) у ней отобѣдали, а между тѣмъ она послала своихъ крестьянъ рыть могилу для Пушкина въ монастырь за четыре версты въ горахъ отъ нея отлежашій, тамъ же гдѣ положена недавно мать Пушкина. Послѣ обѣда мы туда поѣхали, скоро прибыло и тѣло, которое внесли въ верхнюю церковь и поставили до утра тамъ: могилу было рыть трудно въ мерзлой землѣ и надлежало остаться до утра. Мы возвратились въ Тригорское (такъ называется село г-жи Осиповой, воспѣтое Пушкинымъ и Языковымъ) напились чаю отужинали. Товарищъ мой, ѣхавшій на перекладныхъ ушелъ спать, а я остался съ хозяйкой и съ двумя милыми дочерьми ея и пробесѣдовалъ съ ними до полуночи о дѣлахъ Пушкина о его жизни деревенской и узналъ многое что не бесполезно будетъ для соображеній по дѣламъ для оставшихся: нашелъ нѣсколько стиховъ его въ альбомѣ, публикѣ неизвѣстныхъ и сдружился съ тѣми, кои такъ радушно меня приняли и такъ хорошо умѣютъ цѣнить добраго поэта“.

Второе письмо П. А. Осиповой написано на четырехъ страницахъ почтовой бумаги малаго формата съ цвѣтной виньеткой, въ серединѣ которой помѣщено: „Mardi“.

Текстъ начинается съ самага верху страницы и съ маленькой буквы.

Это письмо также до сихъ поръ извѣстно не было и потому помѣщаемъ его текстъ цѣликомъ.

26-го Октября 1839 г. Тригорское.

„По русскимъ ведомостямъ узнала я что А. Ив. Тургеневъ опять въ Россіи, а по писму Н. Н. Пуш. къ ея Свекру, что онъ вспомнилъ бывъ у нѣе о Тригорскихъ пустынищахъ. и я не могла преодолеть желанія, дать вамъ знать Почтенной Любезной Александръ Ивановичъ, что память мимолотнаго посѣщенія и приятно грустнаго пребыванія вашего у меня такъ 'еще живо

въ памяти моей и моихъ молодыхъ дѣвѣ, что кажется всю что прошло — прошло только недавно. но съ 37-год. мы уже на конце 39-го!!! Я не знаю думали ли вы о томъ что на милое дружествѣнное письмо ваше ¹⁾ изъ Москвы передъ отъѣздомъ вашимъ вами ко мнѣ писаномъ и въ которомъ вы просили отвѣта я не отвѣчала? вы сіе молчаніе сочли, невниманіемъ можетъ быть, можетъ быть про него и забыли, и мало ли что, могли вздумать, и справедливо о вашей покорной служницѣ — но дѣло было вотъ какъ — Почты Пск... Губерніи Знамениты Своею неисправностью на изънутри Россіи получаемыя писма, Я изъ Твери отъ Сына и изъ Казани отъ К. Ев. Хит. получаю писма всегда черезъ 12 и 15 и 30 днѣй по отходу ихъ съ мѣста — ваше письмо подпало той же участи, послѣ полученія его въ очень непродолжительномъ времени въ Акад. Вед. я читала вашъ въ Петерб. приѣздъ и отъѣздъ въ Таурогенъ. — и мнѣ осталось одно утешеніе Ежедневно передъ моимъ образнымъ кіотомъ искренно душевно повторять путешествующимъ спутствуй вотъ вамъ Милостивой Государь Александръ Ивановичъ мое оправданье; теперь желаю я очень очень съ душевнымъ Сердечнымъ участіемъ Знать что вы дѣлали подъ чужимъ небомъ, Здоровы ли вы, Скучны или Веселы долго ли пробудите на берегу невы? надолго ли и когда поѣдетъ въ белокаменну Москву. — я бы хотела вамъ Сказать многое что, про то что здесь дѣлается — всю еще поговорить о миломъ намъ Пушкинѣ, о которомъ всегда вспоминаю съ прямою Тоскою, но о „*quel je songe sans remenicensse, sans arrière pensée, qui puisse exiter un remord en mon Ame — et mon souvenir de P. est aussi tendre et aussi pure que l'était mon Amitié pour lui, fondée sur les bonnes, et grande qualité, que je reconnaisais en lui — sans aucune melange de Vanité de ma part —*

За что не выполнили вы намѣренія писать ко мнѣ какъ то изъяснила въ своемъ письмѣ Нат. Никол. къ Сергѣю Львовичу? она вамъ невольно меня напомнила? — эти вопросы останавливаютъ мысли на концѣ пера. — и онѣ вамъ расскажутъ токмо тогда какъ я черезъ васъ узнаю что етотъ листокъ до васъ дошолъ, — я не знаю гдѣ вы живете, еще ли вы въ Петербургѣ но помню что Демуровъ дворецъ всегдашнѣе ваше пристанище. — я тогда узнаю что могу къ вамъ писать, не бывъ не скромною, и что вы знаете что васъ искрѣнно почитаетъ и уважаетъ и любитъ Тригорская владетельница П. О.“

¹⁾ См. письмо А. И. Тургенева напеч. Б. Л. Модзалевскимъ въ его статьѣ „Поѣздка въ Тригорское“ (Пушкинъ и его современники, вып. I, стр. 53 — 57).

Наряду съ нѣсколькими упреками по адресу новаго друга, опять тяжелыя воспоминанія о покойномъ поэтѣ, потеря котораго наложила неизгладимую тоску въ душѣ его друзей.

Ясно, что и П. А. Осипова, и А. И. Тургеневъ — оба искренніе друзья Пушкина — сами не могли не сдѣлаться друзьями, потерявъ того, передъ кѣмъ преклонялись, какъ передъ гениальнымъ художникомъ, такъ и передъ человѣкомъ... и нѣкоторую долю той симпатіи, которую они питали къ дорогому для нихъ покойнику, они перенесли другъ на друга. Тургеневъ посылаетъ Осиповой свой портретъ, Осипова собирается послать Тургеневу „видъ того мѣста гдѣ могила, русской поэтической Славы“, т. е. могила Пушкина... и оба, связанные этимъ священнымъ для нихъ именемъ, они до конца жизни сохраняютъ дружескія отношенія.

Александръ Ѳоминъ.

Заглавная виньетка 2-го тома „Новоселья“. Рис. Спужниковъ, грав. Галактионовъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА Б. М. ОЕДОРОВА.

Въ бумагахъ, приобрѣтенныхъ послѣ смерти И. В. Помяловскаго Императорскою Публичною Библиотекой въ 1907 году и нынѣ описанныхъ Д. И. Абрамовичемъ, нашелся небольшой дневничекъ въ 12-ю долю на 39 лл., веденный современникомъ Пушкина, Карамзина, кн. Вяземскаго — Борисомъ Михайловичемъ Оедоровымъ. Этотъ дневничекъ обнимаетъ время 1827—1828 г., какъ значится на 1-мъ листкѣ: „Краткій Журналъ дневной съ 16 мая 1827 по 14 мая 1828 года“. Авторъ заносилъ сюда разные мелкіе и крупныя факты изъ своей личной жизни, свои размышленія, встрѣчи, разговоры, и т. п.

Оедоровъ (1794—1875 гг.) самъ принадлежалъ къ литературному кругу, но занималъ въ немъ второстепенное мѣсто; онъ сочинялъ небольшія стихотворенія, комедіи, написалъ романъ „Князь Андрей Курбскій“, составлялъ рецензіи о новыхъ книгахъ; его произведенія печатались въ „Сѣверной Пчелѣ“, „Московскомъ Телеграфѣ“, „Благонамѣренномъ“ и т. д., наконецъ онъ занимался издательскою дѣятельностью: такъ, въ те-

ченіе нѣсколькихъ лѣтъ Ѳедоровъ издавалъ журналъ для дѣтей „Новая Дѣтская Библіотека“; въ 1827 г. имъ былъ изданъ альманахъ „Памятникъ Отечественныхъ Музъ“, а въ 1828 г. онъ задумалъ издавать журналъ подъ заглавіемъ „С.-Петербургскій Зритель“, котораго и выпустилъ всего одну книжку. Литературная и издательская дѣятельность сталкивала Ѳедорова со многими литературными дѣятелями того времени, и упоминаній о нихъ встрѣчается довольно много въ его дневничкѣ, чѣмъ послѣдній и привлекаетъ къ себѣ интересъ. Ниже печатаются тѣ мѣста дневничка, которыя касаются Пушкина. Отношеніе Пушкина къ Ѳедорову обрисовывается въ слѣдующихъ строкахъ нашего поэта къ М. П. Погодину: „Честъ и слава милому нашему Шевыреву! Вы прекрасно сдѣлали что напечатали письмо нашего Германскаго Патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ. А того-то намъ и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить Булгарина и Ѳедорова. Я здѣсь на досугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣній съ мнѣніемъ Гёте“ (см. Сочиненія Пушкина. Изд. И. Ак. Н. Переписка, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Т. 2. (1827 — 1832). 1908, № 362, стр. 67).

В. Вл. Майковъ.

1. „16 мая. Понедѣльникъ. По утру у меня былъ Воейковъ, А. Ф. — говорилъ о книгѣ Ансело, что въ ней описанъ обѣдъ у Греча. — Переведены Наливайка и Пушкина К. — Такимъ образомъ Ансело поступилъ съ Гречемъ, какъ услужливый медвѣдь Крылова“¹⁾ (л. 2).

2. „Смирдинъ сказалъ о Пушкинѣ: „Сочинилъ Цыгане — и продаетъ ее какъ Цыганъ — за 2 листа 8 руб. Странно напечатано — нѣсколько бѣлыхъ страницъ между печатными“.

¹⁾ Здѣсь дѣло идетъ о книгѣ Ancelot „Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X. - B. Saintines en 1826, à l'époque du Couronnement de S. M. l'Empereur. Paris. 1827“; въ этой книгѣ, въ письмѣ VIII, стр. 45, Ансело описываетъ обѣдъ, данный ему русскими писателями, въ письмѣ XXII, стр. 179, Ансело помѣщаетъ свой переводъ прозою отрывка изъ поэмы Рылѣева „Исповѣдь Наливайка“, а въ письмѣ XXXIII, стр. 299 — 307, переводы: а) баллады Жуковскаго „Свѣтлана“ и б) стихотворенія Пушкина „Кинжалъ“; объ этомъ послѣднемъ авторъ книги замѣчаетъ: „Je m'estime heureux, mon ami, d'avoir pu te faire connaître ce morceau qu'il est difficile de se procurer ici, car l'auteur ne l'a point publié, et je n'ai pas besoin d'en indiquer le motif. Le fanatisme républicain qui respire dans ces vers, l'énergie sauvage des sentiments qui les ont inspirés, annoncent quelles idées font germer dans les esprits d'une classe nombreuse de jeunes Moscovites...“

„Это типографскій романтизм“, сказалъ я Смирдину“¹⁾ (л. 4 об.).

3. „Въ „Москов. Вѣстникѣ“ № 9 читалъ я стихи Пушкина Языкову — гдѣ сравниваетъ стихи Языкова съ брагою —

Она разымчата, пьяна,
Какъ тотъ напитокъ благородной.

Но что-то слишкомъ удалые стихи — впрочемъ Языковъ точно не поетъ, а удалецъ на рифмахъ“²⁾ (л. 9 об.).

4. „Былъ у Карамзиныхъ — видѣлся тамъ съ Пушкинымъ. Коля³⁾ сидѣлъ на колѣнахъ его и читалъ ему его стихи“ (л. 14).

5. „Юля 1. 1827. Пятница. Н. А.⁴⁾ ночевалъ у насъ, на этотъ день ходили съ Н. А. къ Пушкину. Не застали“ (л. 14 об.).

6. „Видѣлъ Жуковского — Пушкина у Карамзиныхъ“ (л. 13 об.).

7. Написалъ критику на Пушкина⁵⁾, сблизился съ Пушкинымъ и говорилъ съ нимъ откровенно. Началъ войну съ Шевыревымъ“ (л. 12 об.).

8. „Пушкинъ модный поэтъ. Погожевъ вступился. — Но въ модѣ хорошее и дурное — хвалятъ и тѣ, которые ничего не читаютъ. Покупаютъ и тѣ, которые ничего не читаютъ. Покупаютъ и тѣ, которымъ жаль купить. Точно такъ было и съ Сумароковымъ — и онъ былъ моднымъ поэтомъ. Но Пушкинъ Гений и нѣтъ сравненія между нимъ и Сумароковымъ. Что же? Это дѣлаетъ честь вкусу нашего вѣка — также какъ простота одежды дѣлаетъ честь модѣ нашего времени въ сравненіи съ модою вѣка Елисаветы, когда фура и...⁶⁾ были въ модѣ“ (л. 28 об.).

¹⁾ Поэма Пушкина „Цыгане“ была напечатана въ 12-ю д., въ Москвѣ, въ 1827 г. и продавалась по 6 руб.

²⁾ Упоминаемое стихотвореніе Пушкина озаглавляется „Къ Языкову“ и начинается стихомъ: „Языковъ! Кто тебѣ внушилъ / Твое посланье удалое?“ Къ стихамъ этого посланія „Сляніе рома и вина/ Безъ примѣси воды негодной“, очевидно, относится замѣчаніе Федорова въ его дневничкѣ, на л. 12 об.: „Ромъ съ виномъ — ни ромъ, ни вино, а просто дрянь, какъ и стихи Яз (ыкова)“.

³⁾ Сынъ Федорова.

⁴⁾ Вѣроятно, этотъ Н. А. — Кулжинскій или Правиковъ, какъ можно заключать изъ Дневника Федорова.

⁵⁾ Здѣсь подъ критикой надо подразумѣвать разборъ Федоровымъ IV и V главъ „Евгенія Онѣгина“, о чемъ см. ниже.

⁶⁾ Слово написано неразборчиво.

9. „Апрѣля 24. 1828. Вторникъ... Видѣлся съ Пушкинымъ — Алекс. Серг. и былъ разговоръ весьма замѣчательный“ (л. 31 — 32).

10. „Пушкинъ пересматривалъ со мною весь мой разборъ — и со множествомъ мѣстъ согласился. „Чувствій — у Баратынскаго, Языкова и Дельвига не найдете. Баратынскій и Языковъ мои ученики — я ужь у нихъ учиться не буду“ (Вотъ голосъ самолюбія).

„Лакея самъ Пушкинъ не защищаетъ, это выраженіе пышетъ бурно — правда, что дурно“¹⁾ (л. 32).

11. „Маія 6. 1828. Воскресенье. Ходилъ въ Лѣтнемъ Саду. Видѣлъ Пушкина, Плетнева и Вяземскаго. Пушкинъ взялъ подъ руку — походите съ нами, и я ходилъ въ саду. Вы здѣсь гуляете въ качествѣ чиновника, а не въ качествѣ наблюдателя и поэта (на мнѣ орденъ).

„У меня нѣтъ дѣтей, а все . . . . . Не присылайте ко мнѣ Вашего журнала“²⁾ (л. 38).

12. „Разговоръ съ Пушкинымъ. — Читалъ ему сказочку изъ Оперы³⁾. Онъ замѣтилъ 2 стиха, а прочее хвалить.

„Сбирается къ Слѣпушкину въ Рыбацкое⁴⁾ съ Мицкеви-

¹⁾ Упоминаемый здѣсь разборъ касается IV и V главъ „Евгенія Онѣгина“ и былъ напечатанъ въ единственной вышедшей 1-й книжкѣ журнала, который началъ издавать Ѳедоровъ въ 1828 г. „Санктпетербургскій Зритель“. Здѣсь, на стр. 141, приводя стихъ Пушкина изъ Сна Татьяны „Но отъ косматаго лакея“, Ѳедоровъ дѣлаетъ замѣчаніе „Лакея сказано для шутки, но читатель невольно принимая участіе въ Татьянѣ и раздѣляя ея чувства — не приговоренъ къ шуткамъ“; далѣе, на стр. 149, Ѳедоровъ, относительно стиховъ, „пышетъ бурно, Вѣней тайный жаръ, ей душно, дурно“, замѣчаетъ: „Дурно! особенно — пышетъ бурно“.

²⁾ Ѳедоровымъ издавался въ 1827 — 1829 и 1831 г.г. журналъ подъ названіемъ „Новая Дѣтская Библіотека“.

³⁾ Эта опера въ одномъ дѣйствіи называлась „Опасно быть нескромнымъ“ и была напечатана въ 1835 г. Ѳедоровымъ въ его „Дѣтскомъ театрѣ“, ч. III, стр. 53.

⁴⁾ Слѣпушкинъ, Ѳедоръ Никифоровичъ (1783 — 1848 гг.), поэтъ-самоучка изъ крестьянъ Ярославской губ., когда переселился въ Петербургъ, сначала торговалъ вареною грушей, потомъ завелъ мелочную торговлю и перевозъ черезъ Неву; съ 1812 г. до самой смерти онъ жилъ въ селѣ Рыбацкомъ; въ 1826 г. имъ были напечатаны „Досуги сельскаго жителя“, имѣвшіе большой успѣхъ: Академія Наукъ присудила автору золотую медаль. Успѣхомъ пользовались и позднѣйшія произведенія Слѣпушкина, напримѣръ, „Сельская поэма“, „Четыре времени года русскаго поселянина“ и др.

чемъ. ¹⁾ — Разсказывалъ мнѣ о Петрѣ Великомъ... ²⁾ Я съ жаромъ говорилъ о Петрѣ — Пушкинъ чтить его — о Корниловичѣ. Я обѣщалъ Пушкину мою статью, гдѣ разборъ Корниловича. ³⁾

„Вотъ ⁴⁾, что онъ помнитъ изъ жизни Петра“ ⁵⁾ (л. 38 об.).

13. „Маія 13. Троиц. день. Былъ у Карамзиныхъ, видалъ Пушкина“ (л. 39).

¹⁾ Мицкевичъ какъ разъ въ это время переселился изъ Москвы въ Петербургъ.

²⁾ Далѣе вписаны три строчки, не относящіяся къ Пушкину.

³⁾ Корниловичъ, Александръ Осиповичъ (1795 — 1833 гг.), декабристъ, издалъ въ сотрудничествѣ съ Сухоруковымъ въ 1825 г. альманахъ „Русская Старина“, который былъ переизданъ въ 1826 г.

⁴⁾ Въ рукописи передъ этимъ словомъ зачеркнуто „Пу“.

⁵⁾ Далѣе въ рукописи ничего не написано.

2 рисунка А. С. Пушкина из рукописей Румянцевскаго Музея, №№ 2372 и 2374.

РУССКАЯ КНИЖНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ XIX ВѢКА И ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПУШКИНА.

Едва ли кто еще изъ русскихъ поэтовъ и писателей всѣхъ временъ, кромѣ развѣ Крылова, такъ богато представленъ въ иллюстраціяхъ, какъ Пушкинъ. Но если количество рисунковъ къ его произведеніямъ очень велико, то, за то качество ихъ, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, далеко не соответствуетъ ни величію имени поэта, ни достоинству его произведеній. Лишь очень немногіе, ранніе рисунки, появившіеся еще при жизни Пушкина, могутъ быть причислены къ разряду удачныхъ иллюстрацій его твореній. А между тѣмъ расцвѣтъ литературной дѣятельности нашего великаго поэта совпалъ съ общимъ расцвѣтомъ русскаго искусства, особенно живописи и гравированія.

Пробужденіе нашего общественнаго самосознанія, вызванное внѣшними политическими событіями начала XIX-го вѣка, не могло не отразиться благотворно на общемъ состояніи отечественнаго искусства; оно внесло въ него элементъ самобытности и породило въ художникахъ стремленіе къ освобожденію отъ рабскаго подражанія иностранцамъ. Первая четверть XIX столѣтія является, въ особенности, эпохою въ исторіи русской книжной иллюстраціи; этому роду искусства посвятили свои труды лучшіе тогдашніе художники и граверы, сумѣвшіе впервые поставить русскую иллюстрацію на должную высоту и оставившіе намъ превосходные образцы дѣйствительно изящно украшенныхъ книгъ, которыми мы съ полной справедливостью можемъ до сихъ поръ гордиться. Впервые русская иллюстрація отошла отъ слѣпого подражанія иностранному, отъ стереотипнаго изображенія миеологическихъ фронтисписовъ и виньетокъ, или нехудожественныхъ воспроизведеній фейерверковъ и

иллюминацій; съ высотъ Парнаса молодые художники смѣло спустились на землю, не гнушаясь своимъ карандашемъ изображать сцены повседневной городской и деревенской жизни.

Большое вліяніе на развитіе русской книжной гравюры оказала дѣятельность извѣстнаго любителя-художника и мецената Алексѣя Николаевича Оленина, котораго, по справедливости, можно назвать отцомъ русской иллюстраціи. Еще въ 1795 году онъ лично нарисовалъ 92 виньетки къ сочиненіямъ Державина на рукописи, поднесенной авторомъ императрицѣ Екатеринѣ II. Хлопоча объ украшеніи своихъ изданій, Державинъ и потомъ обращался къ нему за совѣтами, и Оленинъ тогда же высказалъ въ особой запискѣ свой взглядъ на значеніе и смыслъ иллюстраціи къ литературнымъ произведеніямъ.

О своихъ виньеткахъ къ Державину онъ писалъ: „Всѣ почти изображенія какъ при заглавныхъ листахъ, такъ и при окончаніи каждой поэмы, почерпнуты изъ самаго содержанія оныхъ. Изографъ однако не повторяетъ автора и не то же представляетъ въ лицахъ первый, что второй написалъ въ стихахъ. Сіе повтореніе, довольно впрочемъ обычное, казалось ему плеоназмомъ; почему и старался художникъ домолвить карандашемъ то, что словами стихотворецъ не могъ, или не хотѣлъ сказать, оставляя иногда тонкій смыслъ, или таинственное значеніе на собственное проницаніе читателей“...

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ широко понималъ Оленинъ задачи книжнаго иллюстратора, предъявляя къ нему требованія, можетъ быть не всегда выполнимыя и, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно трудныя. Дополнять и пояснять непонятное въ произведеніи автора задача, — которая могла бы быть слишкомъ произвольно истолкована художниками, въ зависимости отъ индивидуальности cadaго, и не всегда можетъ быть согласно желаніямъ самого автора. Впрочемъ, любовь къ чистому искусству Оленина и его художественное чутье должны были сейчасъ же допустить исключенія изъ этого правила. Немного далѣе онъ пишетъ: „въ заглавіи нѣкоторыхъ однако поэмъ, то же, или почти то же изображено въ лицахъ, что сказано въ поэмѣ. Но сіе въ такомъ только случаѣ предпочтено иносказательному изображенію, что дѣйствительное представляетъ столь же хорошую картину для глазъ, сколько словесная кисть для разума, и художникъ, по любви только къ художеству своему не хотѣлъ оставить безъ начертанія такой картины“... Здѣсь уже онъ признаетъ иллюстрацію какъ чистый плодъ фантазіи художника вдохновленной поэтическими образами произведенія.

Собственные рисунки Оленина къ сочиненіямъ Державина, несмотря на всѣ ихъ достоинства, по содержанію своему еще всецѣло принадлежатъ искусству XVIII вѣка, но этому причину, конечно, самъ характеръ иллюстрируемыхъ одъ и посланій. Любя искренно искусство, обладая самымъ разностороннимъ европейскимъ образованіемъ и тонкимъ художественнымъ чутьемъ, Оленинъ не могъ не чувствовать всю отжитость царившаго ложно-классицизма, и, будучи глубокимъ знатокомъ древне-русскаго быта и литературы, понималъ всю необходимость обновленія роднаго искусства въ духѣ національной самобытности. Самъ Державинъ въ посланіи къ нему называетъ его:

„Обычевъ русскихъ, вида, чувства,
„Моей поэзіи изографъ“...

Оленинъ любилъ покровительствовать художникамъ и поэтамъ, и окружилъ себя въ своемъ имѣнїи „Прїютино“ цѣлою толпою молодежи, которая привыкла смотрѣть на него какъ на незыблемый авторитетъ во всѣхъ вопросахъ литературы и искусства, особенно же въ дѣлѣ книжной иллюстраціи.

Какъ писатели, такъ и художники обращались къ нему за совѣтомъ, приступая къ иллюстрацію книги. Первые просили у него набросковъ для картинокъ, вторымъ онъ исправлялъ ихъ рисунки и эскизы, рисуя и самъ свои „цвѣтки“ и „кашки“, какъ онъ называлъ виньетки и концовки на старомъ русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, уже съ самого начала XIX-го столѣтія мы видимъ, какъ русская книжная иллюстрація понемногу скидываетъ съ себя чужестранное иго и приобрѣтаетъ тотъ характеръ самобытности, который послужилъ залогомъ ея дальнѣйшаго развитія.

Красивой галереей проходятъ передъ нами знаменитый Венеціановскій Волшебный фонарь, офорты Мартынова, рисунки Иванова и Зауревейда къ баснямъ Крылова 1815 и 1825 г.г., эти лучшія русскія иллюстраціи превосходно гравированныя Галактіоновымъ, Ческимъ и Иорданомъ, отличныя картинки Зеленцова къ сочиненіямъ Булгарина, Ивановскія иллюстраціи 5-го изданія сочиненій Озерова и еще многіе другіе. Цѣлый рядъ изящно изданныхъ альманаховъ съ картинками лучшихъ мастеровъ дополняетъ блестящую картину состоянія иллюстрированной книги этой эпохи. То было, по словамъ Ровинскаго, счастливое время для русской гравюры; талантливые рисовальщики шли объ руку съ не менѣе даровитыми и искусными граверами и блестящій рѣзецъ Уткина, Галактіонова, Ческаго, К. Афанасьева, Скотникова умѣлъ достойно передавать всю красоту и грацію ихъ рисунковъ.

Въ твореніяхъ величайшаго русскаго поэта художники-иллюстраторы, должны были найти себѣ богатѣйшій матеріалъ. Живые образы, создаваемые Пушкинымъ, сами просились подъ карандашъ художника; его исключительная способность проникаться колоритомъ и характеромъ описываемой эпохи, умѣнье съ живописующей яркостью воспроизводить въ стихахъ тона и краски изображаемой имъ природы, все это какъ нельзя болѣе способствовало художнику при иллюстраціи его произведеній. Стихи Пушкина казались взятыми изъ самой жизни картинками, ихъ надо было только умѣть перевести на бумагу. Та струя новой самобытной жизни, которую Пушкинъ внесъ въ застоявшуюся и окованную традиціями ложно-классицизма литературу, должна была найти откликъ въ сердцахъ художниковъ его эпохи, также какъ и онъ, искавшихъ новыхъ путей въ своемъ искусствѣ, омертвѣвшемъ въ тѣхъ же цѣпкихъ и тяжелыхъ оковахъ. И мы видимъ этихъ художниковъ, сумѣвшихъ проникнуться духомъ поэзіи Пушкина въ лицѣ Оленина, Галактіонова, Иванова и нѣкоторыхъ другихъ. Къ сожалѣнію ихъ было немного, но и то немногое что они успѣли сдѣлать, является до сихъ поръ лучшимъ въ длинномъ ряду пушкинскихъ иллюстрацій.

Настоящимъ, вдохновеннымъ иллюстраторомъ Пушкина, былъ С. Ф. Галактіоновъ, соединявшій, счастливимъ образомъ въ своемъ лицѣ талантливаго рисовальщика и превосходнаго гравера, и умѣвшій своимъ граціознымъ и изящнымъ рѣзцомъ передавать всю прелесть безсмертныхъ сценъ лучшихъ твореній поэта.

Пушкинъ и самъ нерѣдко пытался иллюстрировать ту или другую

2 рисунка Галактионова к «Бахчисарайскому Фонтану»

Рисунок И. Иванова к «Кавказскому пленнику».

сцену своихъ сочиненій и его рукописи часто покрыты различными рисунками и набросками. Таковы напримѣръ, его иллюстраціи на рукописяхъ: „Домика въ Коломнѣ“ (изображеніе бредущей кухарки), „Сказки о Кузьмѣ Остолопѣ“, воспроизведенныя въ изданіи Анненкова 1855 г. ¹⁾, или рисунки на рукописяхъ „Каменнаго Гостя“, „Гробовщика“, воспроизведенныя въ Альбомѣ Пушкинской выставки 1880 года. Рукопись „Сказки о Золотомъ Пѣтушкѣ“, хранящаяся въ Имп. Публичной Библиотеѣ, также имѣетъ рисованный поэтомъ заглавный листъ съ виньеткою, а оригиналъ „Кавказскаго Плѣнника“ весь покрытъ рисунками, типами и сценами къ поэмѣ. Еще интереснѣе его набросокъ сцены изъ „Онѣгина“, на письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу, подготовлявшему 1-е изданіе романа, изъ Михайловскаго, отъ ноября 1824 года. Рисунокъ изображаетъ самого поэта съ Онѣгинымъ на набережной Невы, при чемъ сдѣланы слѣдующія надписи: 1. Хорошь. 2. Долженъ быть опершись на гранитъ, 3. Лодка, 4. Крѣпость Петропавловская (см. воспроизведение рисунка въ „Библиограф. Зап.“ 1858 г.). На оборотѣ подписано: „Братъ, вотъ тебѣ картинка для Онѣгина, найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будетъ другая, такъ все въ томъ же мѣстоположеніи. Та же сцена, слышишь ли? Это мнѣ нужно непременно“.

Въ слѣдующемъ письмѣ къ брату, онъ опять беспокоится объ этой картинкѣ и спрашиваетъ: „будетъ ли картинка у Онѣгина?“

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ Л. С. не исполнилъ настоящей просьбы брата, и 1-е изданіе романа (отдѣльными главами) вышло безъ картинки. Уже позднѣе, въ „Невскомъ Альманахѣ“ 1829 года, художникъ А. Нотбекъ использовалъ эту тему для перваго рисунка, но, къ сожалѣнію, довольно неудачно.

Не здѣсь, конечно, анализировать причины колоссальнаго успѣха первыхъ произведеній Пушкина, замѣтимъ, однако, что одною изъ нихъ было всеобщее тогдашнее увлеченіе поэзіею и новымъ направлениемъ ея — романтизмомъ, занесеннымъ къ намъ Жуковскимъ. Стихи были любимымъ чтеніемъ русскаго общества Александровской эпохи, откуда и успѣхъ новаго рода изданій, альманаховъ, первыхъ проводниковъ литературнаго романтизма²⁾. На страницахъ этихъ маленькихъ изданій, бывшихъ настольными книжками всей русской интеллигенціи, увидѣли впервые свѣтъ многія творенія Пушкина, въ альманахахъ же появилось и большинство первыхъ иллюстрацій къ его сочиненіямъ. Впрочемъ, самой первой, по времени, изданной иллюстраціей къ Пушкину является фронтиспись 1-го изданія „Руслана и Людмилы“, исполненный по рисунку Оленина И. Ивановымъ и гравированный М. Ивановымъ. Онъ изображаетъ 4 сцены изъ поэмы (Фарлафъ и Наина, Борьба Руслана съ Головою, Сонъ Людмилы и Борьба съ Черноморомъ) и является вообще одною изъ лучшихъ русскихъ гравюръ. Самъ авторъ былъ отъ него въ восторгѣ и интересовался имъ еще до полученія книжки въ готовомъ видѣ. Высланный изъ Петербурга, въ маѣ 1820 года, онъ не могъ лично закончить дѣла по изданію поэмы и поручилъ ихъ Гнѣдичу. Послѣдній,

¹⁾ Интересно, что въ этомъ изданіи цензура не пропустила изображенія бѣса, помѣшеннаго позднѣе въ „Матеріалахъ“ Анненкова въ 70-хъ годахъ.

²⁾ Какъ примѣръ успѣха альманаха можно привести „Полярную Звѣзду“ 1824 года разошедшуюся въ 3 недѣли въ количествѣ 1500 экз. До того времени только исторія Карамзина имѣла подобный громаднй успѣхъ.

уже въ его отсутствіе, получилъ Оленинскій рисунокъ и Пушкинъ до выхода книги не зналъ даже о его авторѣ. 4-го декабря 1820 года, онъ пишетъ Гнѣдичу изъ „Каменки“: „Въ газетахъ читаль я, что „Русланъ“, напечатанный для пріятнаго препровожденія скучнаго времени, продается съ превосходною картинкою. Кого мнѣ за нее благодарить?“ А благодарность его, по полученіи книжки, была дѣйствительно велика, рисунокъ Оленина привелъ его въ положительный восторгъ и въ другомъ письмѣ изъ Кишинева, отъ 24 марта 1821 г. онъ писалъ Гнѣдичу: „Платье, сшитое по заказу вашему на „Руслана и Людмилу“, прекрасно. И вотъ уже четыре дня, какъ печатные стихи, виньетка и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго А. О. (Оленина); эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности“. Вполнѣ представляется понятнымъ, что желая иллюстрировать „Руслана“, Гнѣдичъ обратился къ такому знатоку древне-русскаго быта какъ Оленинъ, къ тому же такъ любившему изящную книгу. Ему, болѣе чѣмъ кому либо, долженъ былъ прійтись по душѣ народный духъ поэмы и онъ вполнѣ сумѣлъ передать этотъ новый самобытный колоритъ творенія молодого поэта въ своемъ превосходномъ рисункѣ. Участіе такого знатока и то вниманіе, которое онъ оказалъ молодому автору, не могли не тронуть Пушкина, который и выражаетъ это въ послѣднихъ, приведенныхъ нами, строкахъ своего письма.

Гравированіе виньетки заняло много времени и она немного запоздала; въ „Сынѣ Отечества“ 1820 г. ч. 63, мы читаемъ:

„... Принадлежащая къ ней виньетка, на которой [изображены всѣ лица и главнѣйшія явленія нами еще не кончена.

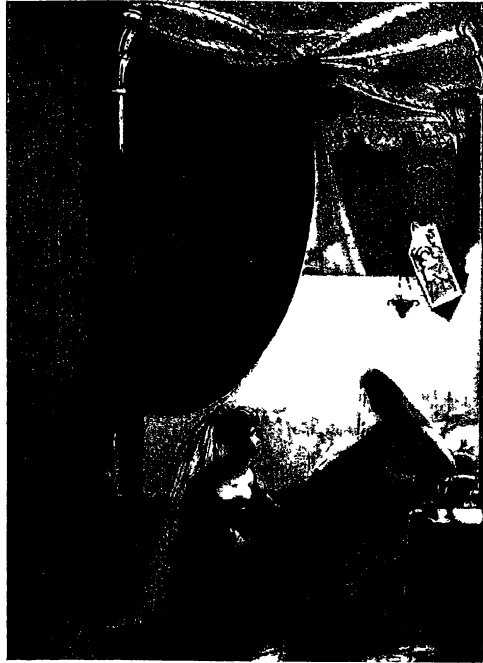
Она нарисована весьма удачно, гравировается искуснымъ художникомъ и купившимъ поэму будетъ раздаваться бесплатно“.

Вотъ причина, почему экземпляры Руслана съ гравюрою попадаютъ такъ рѣдко.

Послѣдовавшіе за „Русланомъ“, „Кавказскій Плѣнникъ“ (1822 г., съ портр. автора) и „Бахчисарайскій Фонтанъ“ (1824 г.), изданы безъ рисунковъ, но въ письмахъ Пушкина сохранилось свѣдѣніе, о предположеніи его иллюстрировать и послѣднюю поэму: 20 декабря 1823 года онъ писалъ изъ Одессы къ кн. П. Вяземскому: „Рисунокъ съ „Фонтана“, оставимъ до другого изданія. Печатай скорѣе. Не ради славы прошу; а ради Мамона“. Очевидно, предполагалось помѣстить видъ „Бахчисарайскаго Фонтана“ и только необходимость поскорѣе выпустить книгу помѣшала автору исполнить свое желаніе.

Слѣдующія затѣмъ, въ хронологическомъ порядкѣ, иллюстраціи къ Пушкину появились въ альманахѣ „Полярная Звѣзда“ 1824 — 25 г.г. Это были: рисунокъ И. Иванова, къ „Кавказскому Плѣннику“, гравированный Галактіоновымъ и Ческимъ, и рисунокъ къ „Братьямъ Разбойникамъ“, гравированный однимъ Галактіоновымъ. Рисунки эти, не смотря на свои достоинства, вызвали неудовольствіе со стороны критика „Вѣстника Европы“, вообще недолюбивавшаго альманахи. Недоволенъ былъ онъ и „Полярной Звѣздой“ какъ по содержанію, такъ и по рисункамъ, которые онъ назвала „плохими“. Исключительный успѣхъ этого альманаха доказалъ, что публика не согласилась со строгимъ мнѣніемъ критика.

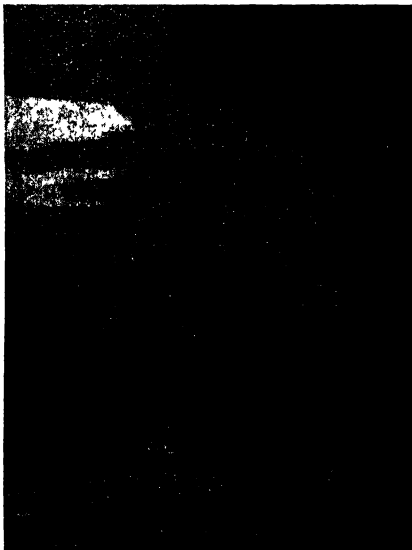
Затѣмъ въ 1827 г. въ „Невскомъ Альманахѣ“ появились лучшія работы Галактіонова, 4 картинки къ „Бахчисарайскому Фонтану“, гравиро-

*3 литографии из французскаго издания «Бахчисарайскаго Фонтана» Парижъ 1826 г.
Собств. Пушкинскаго Музея*

ванные имъ по собственнымъ рисункамъ. Очаровательныя гравюры эти полны изящества и граціи, и вполне достойны прелестнаго произведенія поэта¹⁾. Тѣ же рисунки вошли и въ отдѣльное 2-е изданіе поэмы, вышедшее въ концѣ 1827 года (цензурная помѣтка „Альманаха“ 27 окт. 1826 г., помѣтка отдѣльнаго изданія 20 окт. 1827). Превосходный рисунокъ къ „Борису Годунову“, въ „Невскомъ Альманахѣ“ 1828 г., также рисованъ и гравированъ Галактіоновымъ и является одною изъ лучшихъ его работъ²⁾. Наконецъ, въ „Альманахѣ“ на 1829 г., помѣщены 6 рисунковъ Нотбека къ „Евгенію Онѣгину“, гравированныхъ Гейтманомъ, Галактіоновымъ, Збруевымъ, Ивановымъ и Ческимъ. Рисунки эти явились довольно слабою данью художника шумному успѣху пушкинскаго романа; они зна-

2 рисунка Нотбека къ *Евгенію Онѣгину* („Невскій Альманахъ“ 1829 г.).

чительно хуже всѣхъ предыдущихъ, и не могли быть украшены даже участіемъ лучшихъ гравировъ. Интересны они только какъ единственные, современные автору, рисунки къ роману, причѣмъ тема для одного изъ нихъ даже, какъ мы видѣли, была дана имъ самимъ. Картинками этими были недовольны и современники, и кн. П. Вяземскій, въ письмѣ къ Пушкину, 25 янв. 1829 г., смѣется надъ рисункомъ, изображающимъ Татьяну, говоря, что она изображена „пьяною“.

Въ 1833 г. вышло 1-е изданіе знаменитаго Смирдинскаго „Новоселья“ — сборника, составленнаго изъ произведеній лучшихъ русскихъ ли-

¹⁾ Галактіоновскія иллюстраціи къ „Фонтану“ не были 1-ми рисунками къ этой поэмѣ. Еще въ 1826 г., въ Парижѣ вышелъ французскій переводъ ея съ 3-мя интересными литографіями, воспроизведенными здѣсь по рѣдчайшему экземпляру Лицея.

²⁾ Любопытно что Гришка Отрепьевъ былъ сперва нарисованъ Галактіоновымъ съ бородой и лишь позднѣе изъ бороды сдѣланъ ксендзовскій галстухъ. Гравюра въ первоначальномъ видѣ находилась въ коллекціи И. И. Ваулина.

тераторовъ. Обѣ части не обошлись, конечно, безъ Пушкина, портретъ котораго помѣщенъ на обѣихъ заглавныхъ виньеткахъ, гравированныхъ Галактіоновымъ по рисункамъ А. Брюллова и Сапожникова. Въ 1-й части помѣщена поэма „Домикъ въ Коломнѣ“, во 2-й „Анджело“. Къ 1-й поэмѣ приложенъ интересный рисунокъ А. Брюллова, къ сожалѣнію, довольно блѣдно гравированный Ческимъ. Второе изданіе этого сборника вышло уже послѣ смерти Пушкина, въ 1845 г., и рисунокъ къ „Домику въ Коломнѣ“ помѣщенъ въ немъ въ измѣненномъ видѣ, гравированъ на деревѣ въ обратную сторону и не подписанъ. Въ началѣ приложена превосходно исполненная виньетка, изображающая видъ Коломны (церковь Покрова), рисованная и гравированная на деревѣ Бернадскимъ. Къ поэмѣ „Анджело“ также прибавлена гравюра на деревѣ, съ монограммою Д.

Гравюра лубочной работы находится въ 12 томѣ пѣсенника Гурьянова 1838 г. съ подписью „къ рѣкѣ бѣжить гремучій валъ“, предназначенная иллюстрировать „черкесскую пѣснь“ изъ поэмы „Кавказскій Плѣнникъ“.

Остается еще упомянуть о недурномъ рисункѣ А. Брюллова къ „Каменному Гостю“ въ первомъ томѣ „Ста русскихъ литераторовъ“ (1839 г.), къ сожалѣнію, очень слабо гравированномъ на стали. Вотъ и всѣ книжныя иллюстраціи къ Пушкину, появившіяся при его жизни или вскорѣ по смерти. Почти всѣ онѣ, какъ мы видѣли, вышли при сборникахъ или альманахахъ; изъ отдѣльныхъ изданій мы могли назвать только „Руслана“ и „Бахчисарайскій Фонтанъ“.

Впрочемъ, самъ Пушкинъ предполагалъ дать рисунки и къ другимъ своимъ сочиненіямъ, какъ мы уже видѣли при 1-мъ изданіи „Фонтана“, но желанія эти, по разнымъ причинамъ, иногда не осуществлялись. Вообще, онъ придавалъ большое значеніе внѣшности книги и, напримѣръ, предпринимая изданіе своихъ стихотвореній (вышедшее въ 1826 г.), въ письмѣ къ брату и Плетневу (15 марта 1825 г.) давалъ точныя указанія относительно распредѣленія стиховъ на страницахъ, просилъ избѣгать некрасивыхъ типографскихъ концовокъ и особенно настаивалъ на помѣщеніи виньетки, давая даже для нея тему: „Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ“. Рисунокъ этотъ онъ мечталъ поручить лучшимъ мастерамъ, восклицая:

„Что если бы волшебная кисть
Θ. Толстого!

„Нѣтъ слишкомъ дорога!

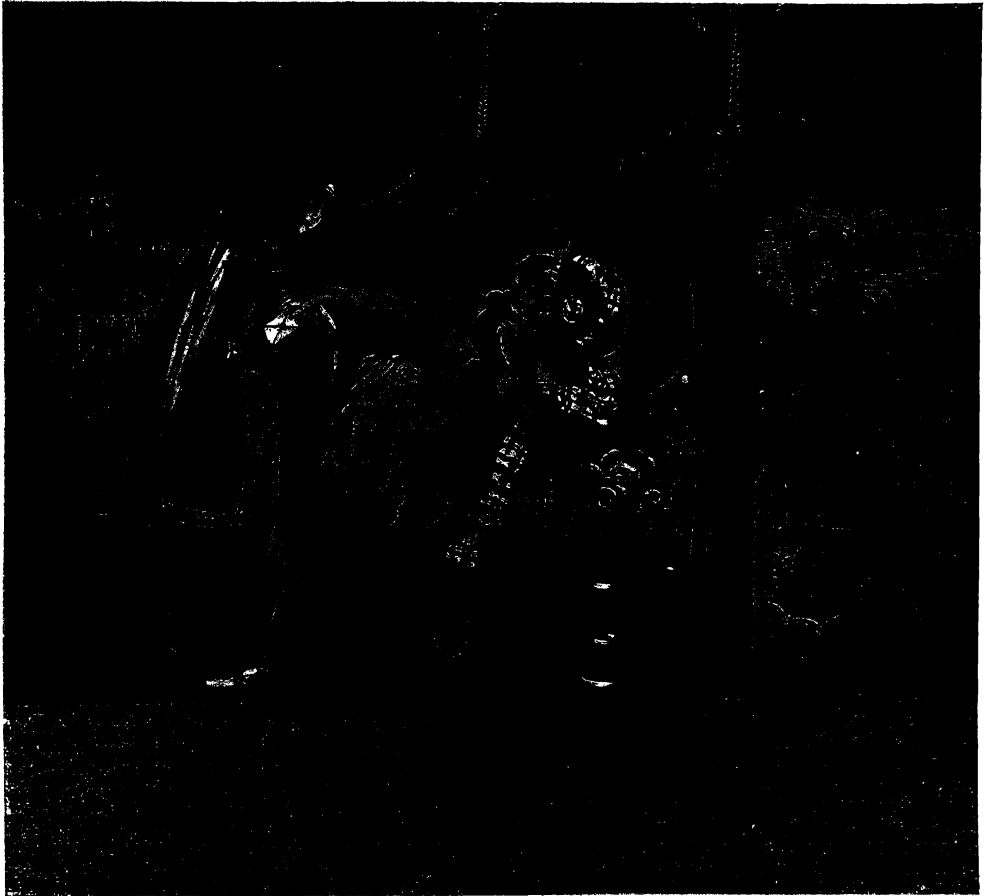
„А ужасъ какъ мила!

„Къ тому же, кромѣ Уткина, ничей рѣзецъ не достоинъ его карандаша...“¹⁾

Тѣмъ не менѣе, Стихотворенія 1826 года вышли безъ виньетки; Плетневъ не сумѣлъ найти для нея подходящаго художника. 26 Сентября 1825 года онъ писалъ Пушкину: „Виньеты, рѣшительно говорю, не будетъ. Съ художниками нашими невозможно имѣть дѣла. Они всѣ побочныя дѣти Аполлона: не понимаютъ насъ они. Да и что придасть твоимъ стихамъ какая-нибудь глупая фигура надъ пустоцвѣтомъ?“

Въ 1826 г. Дельвигъ въ своихъ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“ хотѣлъ иллюстрировать отрывки изъ „Овидія“ Пушкина, но почему-то также не

¹⁾ Иллюстрація книги, по тому времени, была дѣйствительно довольно дорога. Изъ смѣты, представленной Уткинымъ въ 1816 г. Державину, хотѣвшему иллюстрировать свои стихи, видно, что одна только гравировка обходилась по 200 р. (ассигн.) съ фронтисписа и по 100 р. съ виньетки, не считая стоимости рисунка и печати.

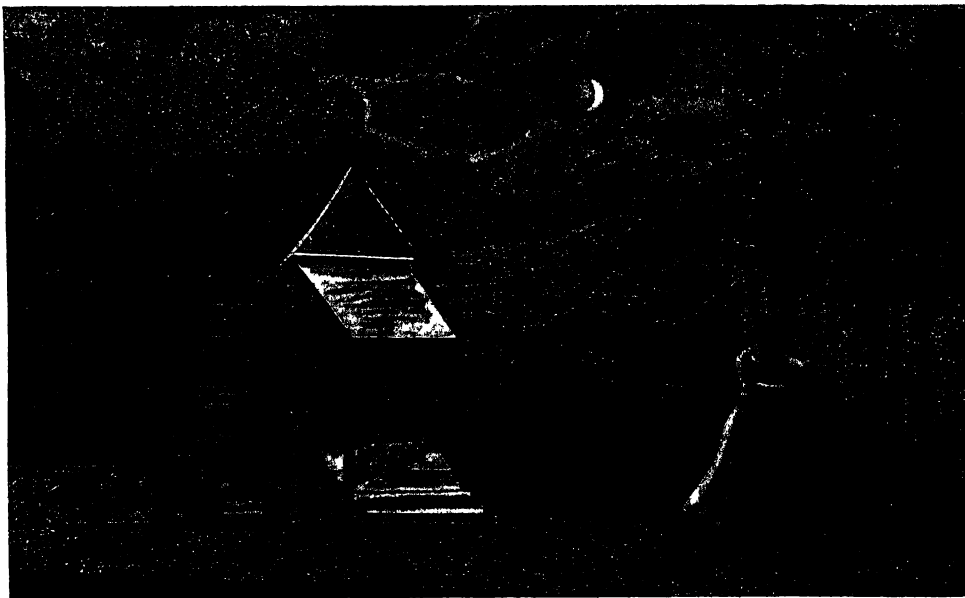
*Лубокъ 1833 г., иллюстрирующий стихотворение Пушкина «Талисманъ».
Собств. Пушкинскаго Музея.*

поладилъ съ художниками. 7 апр. 1826 г. онъ писалъ поэту: „Я было выпросивши у тебя позволенія напечатать отрывокъ объ Овидіи, хотѣлъ помѣстить къ нему картинку; да что дѣлать съ нашими скотами-академиками! Ни одинъ не могъ сдѣлать что нибудь сносное. Съ досады Дельвигъ бросился къ Григоровичу, уговорилъ его написать статью о русскихъ художникахъ и велѣлъ гравировать съ пяти русскихъ хорошихъ картинъ. Граверы сдѣлали сколько могли. Къ будущему году жду отъ нихъ еще большаго“.

Позднѣе, въ 1835 году, предполагая, вмѣстѣ съ Плетневымъ, издавать альманахъ, Пушкинъ въ письмѣ къ нему рекомендуетъ, какъ иллю-

Лубочная картинка 1832 г. „Слѣдствіе порочной любви“.

стратора, извѣстнаго Лангера, гравировавшаго виньетки въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ Дельвига.

Извѣстна затѣмъ гравюра, приписываемая Шевченко „Цыганскій таборъ“, которую предполагалось помѣстить при изданіи поэмы „Цыганы“, а также гравюра кн. Г. Гагарина къ „Пиковой Дамѣ“, предназначавшаяся для изданія повѣстей 1834 года. По рисунку этого же художника исполнена рѣдкая литографія пролога къ „Руслану“ 40-хъ годовъ, находящаяся въ собраніи В. И. Яковлева.

Перечисленными выше книжными иллюстраціями не исчерпываются, впрочемъ, всѣ рисунки къ произведеніямъ поэта. Популярность его при жизни была настолько велика, стихи его такъ быстро распространились между всѣми классами русскаго общества, что иллюстраціи ихъ появились сейчасъ же и въ популярной формѣ, ввидѣ грубаго лубка, приспособленнаго къ пониманію низшихъ классовъ. Картинки эти стали по-

являться уже въ началѣ 30-хъ годовъ и сперва обыкновенно гравировались; литографированные лубки появились нѣсколько позднѣе и издавались, главнымъ образомъ, въ Москвѣ. Къ числу первыхъ лубковъ принадлежитъ воспроизводимый нами „Талисманъ“, гравированный пунктиромъ (М. 1833 г.), и такая же гравюра къ Романсу („Подъ вечеръ осени ненастной“), подъ названіемъ „Слѣдствіе порочной любви“ М. 1832 г. Вообще народныхъ картинокъ, иллюстрирующихъ этотъ „Романсъ“ особенно много, существуютъ еще изданія: 1839 г. (М. изд. Стрѣльцовыхъ), 1848 г. (изд. Бѣлянкина), 1852 г. (лит. Глушковскаго), 1857 г. (лит. Васильева), 1866 г. (лит. Яковлева) и др., болѣе позднія.

Въ 40-хъ годахъ много лубковъ издавала литографія Логинова въ Москвѣ, изъ Пушкина она издала 4 листа къ „Кавказскому Плѣннику“ 1843 г. и недурную литографію „Гусарь“ 1849 года. Одною изъ наиболѣе излюбленныхъ темъ для издателей лубковъ наряду съ „Романсомъ“, былъ „Кавказскій Плѣнникъ“, издававшійся множество разъ.

Количество этихъ листовъ росло прогрессивно съ каждымъ годомъ, но качество ихъ, за то, едва ли не ухудшалось. Изъ издателей и литографовъ особенно охотно печатавшихъ ихъ, кромѣ уже упомянутыхъ, назовемъ литографію и хромолитографію Абрамова (изд. 1878-1890 гг.: Черная шаль, Братья Разбойники, Русланъ и др.). Хромол. М. Соловьева (изд. 1888-9 г.г.: Фавнъ и Пастушка, Полтава, Діонея и др.), лит. Руднева (1876 г., 3 листа Кавк. Плѣнникъ), хромолит. Васильева (изд. 1886-8 г.г., Барышня Крестьянка, Полтава), хром. Сытина (съ 1887 г., разн. сцены на 1 листѣ и др.), лит. Пурецкаго (1880-91 г.г. Утопленникъ и др.); все это московскіе издатели, изъ петербургскихъ можно назвать только литографію Штремера напечатавшую въ 1879 г. рисунокъ къ „Мѣдному Всаднику“.

Особенно помогали распространенію стиховъ Пушкина ихъ музыкальныя переложенія, которыми такъ охотно занимались современные ему композиторы. Стихи его также вдохновляли музыкантовъ, какъ и художниковъ, и нерѣдко на однѣ и тѣ же строфы писали романсы многіе композиторы. Особенно посчастливилось романсу „Я васъ любилъ“ переложенному на музыку 9-ю композиторами. Популярность такихъ романсовъ какъ „Черная Шаль“ или „Подъ вечеръ осени ненастной“ была такъ велика, что нерѣдко ихъ считали за народныя пѣсни, забывая совершенно о ихъ авторѣ. На обложкахъ нотъ этихъ романсовъ иногда также встрѣчаются виньетки, иллюстрирующія стихотворенія. Между ними нѣкоторыя довольно интересны, особенно на старыхъ, современныхъ автору изданіяхъ. Мы воспроизводимъ здѣсь три обложки, изъ которыхъ одна (Зимняя Дорога, 1831 г.) литографирована, другія двѣ гравированы. Оригиналы ихъ принадлежатъ Пушкинскому музею Имп. Александровскаго Лицея.

Подробное описаніе всѣхъ этихъ листовъ и обложекъ, какъ не относящихся къ книжной иллюстраціи и имѣющихъ небольшое художественное значеніе, не входитъ, впрочемъ, въ рамки нашей статьи, и мы ограничиваемся, по этому, приведенными краткими замѣтками.

Перечисленные нами выше рисунки къ изданіямъ пушкинскихъ сочиненій можно, вообще, отнести къ первому, лучшему ихъ періоду, совпадающему, съ одной стороны, съ наибольшею популярностью и успѣхомъ

Слова Александра Пушкина

МУЗЕЯ

НИКОЛАЯ ДЕВИТТЕ.

№ 15

Обложка нотъ на «Романсы» Пушкина Собств. Пушкинскаго Музея.

произведеній поэта, съ другой же — съ эпохою блестящаго состоянія русской иллюстрированной книги.

Но расцвѣтъ русской книжной иллюстраціи продолжался сравнительно не долго; уже къ концу 40-хъ годовъ XIX столѣтія мы замѣчаемъ упадокъ этого искусства, въ тѣсной связи съ упадкомъ русскаго гравированія вообще. Развитіе литографіи, этого дешеваго и легкаго, но не всегда художественнаго, способа воспроизведенія рисунковъ, по немногу стало вытѣснять хорошую ручную гравюру на мѣди. Тогда же вошли въ моду гравюры на стали, занесенныя къ намъ англійскими кипсеками; холодный и безжизненный характеръ этого рода гравюръ, исполнившихся обыкновенно въ Лейпцигѣ скорѣе ремесленниками, чѣмъ граверами-художниками не могъ, конечно, заставить забыть всей прелести чудесныхъ гравюръ талантливыхъ мастеровъ начала вѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ иллюстрація книги 40—50-хъ годовъ почти утратила свое первоначальное чисто художественное значеніе. Появленіе сатирической литературы, во главѣ съ Гоголемъ, смѣло бичевавшей недостатки и пороки нашего дореформеннаго быта, вызвало совершенно новое обличительное направленіе и въ иллюстраціи книги. Отсюда успѣхъ карикатурныхъ журналовъ, альбомовъ и тому подобныхъ изданій этой эпохи. Цѣлый рядъ талантливыхъ рисовальщиковъ какъ Тиммъ, Агинъ, Лебедевъ, Боклевскій, Неваховичъ и др. работали на этомъ поприщѣ и создали такіе превосходные журналы, какъ „Листокъ для Свѣтскихъ Людей“, „Ералашъ“, такіе альбомы, какъ „Маскарадъ“, „Колпакъ“ и мн. др.

Общественное значеніе этихъ изданій весьма велико, но несомнѣнно, что внутренняя, обличительная сторона ихъ преобладаетъ надъ чисто художественной и лишаетъ рисунки того значенія иллюстраціи, какъ его понимали художники начала вѣка.

Наиболѣе интересными иллюстрированными книгами этого времени надо считать книги, украшенныя гравюрами на деревѣ лучшихъ мастеровъ этого рода искусства, какъ Бернардакаго, Клодта, Дерикера и нѣкоторыхъ другихъ. Первый награвировалъ превосходные рисунки Агина къ „Мертвымъ Душамъ“, второй исполнилъ знаменитые Тиммовскіе рисунки къ сочиненіямъ Мятлева. Можно назвать и еще не мало красивыхъ книгъ съ полнотипажамы, но всѣ онѣ несомнѣнно уступаютъ изданіямъ предшествовавшаго періода.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что дѣятельность иллюстраторовъ этой эпохи, носившая совершенно опредѣленный сатирической характеръ, не могла найти себѣ частаго примѣненія въ иллюстрированіи такого поэта какъ Пушкинъ — художника по преимуществу. Девизъ его, характеризующій всю его литературную дѣятельность: „Цѣль поэзіи — поэзія“¹⁾, обязывалъ и иллюстратора его произведеній исповѣдовать принципъ — „Цѣль искусства — искусство“...

Гоголь и Мятлевъ, позднѣе Островскій и Щедринъ вотъ авторы, произведенія которыхъ были ближе таланту художниковъ этой эпохи,

¹⁾ См. письмо къ Жуковскому 1825 года: „Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзіи — поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого)“.

и дѣйствительно, рисунки къ Пушкину стали появляться довольно рѣдко, и между ними лишь немногіе представляютъ художественный интересъ.

Въ 1842 году вышелъ альбомъ рисунковъ К. Шредера, къ „Борису Годунову“ изъ 15 листовъ, гравированныхъ на камнѣ очеркомъ въ литографіи Тюлева.

Рисунокъ К. Шредера къ „Борису Годунову“ (изд. 1842 г.).

Въ „Дамскомъ Альбомѣ“ 1844 года изъ числа 18 недурныхъ рисунковъ Е. Ковригина (талантливый рисовальщикъ, давшій намъ знаменитые рисунки къ Типамъ Современныхъ Нравовъ) два иллюстрируютъ Пушкина, — „Бахчисарайскій Фонтанъ“ и „Руслана“.

Въ Альманахѣ для дѣтей Спб. 1845 г., по рисункамъ этого же художника выгравированы Неттельгорстомъ на деревѣ 3 картинки къ Пушкину: 1) „Гонимы вешними лучами“ (вин. и рис.); 2) „Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ“; 3) „Москва“.

Ранѣе мы уже говорили о 2-мъ изданіи „Новоселья“ съ превосходными виньетками Бернадскаго и Дерикера.

Въ томъ же 1845 году въ Петербургѣ вышелъ сборникъ на польскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Niezapominajki Ukrainca, E. F. Daszkow-

Зимняя Дорога

СЛОВА

А. ПУШКИНА

Музыка
А. Алябьева.

Москва

музыка
А. ВЕРСТОВСКАГО.

МОСКВА.

skiego“ заключающій въ себѣ, между прочимъ, переводы „Цыганъ“, „Братьевъ разбойниковъ“ и „Бахчисарайскаго Фонтана“. Къ послѣдней поэмѣ приложена превосходная литографія по рисунку извѣстнаго рисовальщика Р. Жуковскаго и въ началѣ помѣщена рѣзанная на деревѣ виньетка, изображающая видъ Фонтана.

Затѣмъ въ 1852 году въ Спб. вышелъ альманахъ „Незабудочка“ съ 10 литографіями, между которыми 2 рисунка иллюстрируютъ Пушкина: „Красавица передъ зеркаломъ“ и „Кавказскій Плѣнникъ“. Рисунки исполнены довольно слабо художникомъ Педановымъ и очень грубо литографированы.

Въ Русскомъ иллюстрированномъ альманахѣ 1858 г., кромѣ фронтисписа съ портретомъ Пушкина и сценами изъ его произведеній, находится еще рисунокъ Агина къ стихотворенію „Гусарь“.

Въ 1859 году въ знаменитомъ „Художественномъ Листкѣ“ Тимма, появилась литографія къ „Братьямъ Разбойникамъ“ безъ подписи художника. Затѣмъ въ № 30 и 33, 1861 г. и № 9, 1862 г. помѣщены отличные рисунки А. Шарлеманя къ „Руслану“, „Капитанской Дочкѣ“ и „Онѣгину“, изображающіе различныя сцены изъ произведеній въ орнаментальной рамкѣ.

Къ этой же эпохѣ принадлежатъ 3 интересныя литографіи, въ 2 тона, фотографическіе снимки съ которыхъ хранятся въ Пушкинскомъ Музеѣ Лицея. Онѣ изображаютъ различныя сцены изъ „Руслана и Людмилы“ и никѣмъ не подписаны. Существовало предположеніе, что онѣ предназначались для обложекъ нотъ, или были приготовлены для „Листка“ Тимма, какъ извѣстно, прекратившагося въ 1862 г. Между тѣмъ, есть извѣстіе, что эти литографіи были исполнены для неосуществившагося изданія альбома иллюстрацій къ произведеніямъ Пушкина; въ № 75 журнала „Иллюстрація“ за 1859 г. (отъ 25 Юня), мы читаемъ:

„Мы слышали, что къ сочиненіямъ Пушкина готовятся литографированные рисунки; заинтересованные этою новостью, мы полюбопытствовали познакомиться съ ними и смѣло можемъ обѣщать успѣхъ прекрасной мысли, исполненной художниками гг. Медвѣдевымъ и Лебедевымъ (авторами Пикника). Цѣна за полное собраніе рисунковъ самая дешевая. Уже сдѣланы рисунки по поэмѣ: „Русланъ и Людмила“, за 9 рисунковъ къ этой поэмѣ назначено 3 р. серебромъ: рисунки въ два тона, большого формата на прекрасной бумагѣ; работа въ полномъ смыслѣ художественная“.

Литографія по рисунку Р. Жуковскаго къ «Бахчисарайскому Фонтану» (изд. Daszkowskiego).

Несомнѣнно, что воспроизводимые здѣсь рисунки тѣ самые, о которыхъ говоритъ приведенная замѣтка.

Въ той же „Иллюстраціи“ 1863 г. въ № 259, помѣшенъ превосходный рисунокъ П. Фодотова, изображающій „Татьяну“ изъ „Евгенія Онѣгина“, рисунокъ этотъ взятъ изъ собранія А. Сомова, и владѣлецъ его пишетъ въ томъ же № журнала:

Надѣмся, что читатели не будутъ строги къ этимъ политипажамъ, когда сообразятъ съ какимъ трудомъ гравюра на деревѣ передаетъ мягкость и свободу карандаша.
А. Сомовъ.

Рисунокъ К. Брюллова къ «Бахчисарайскому Фонтану» («Сѣверное Сіяніе» т. 1).

Въ 1862 году вышелъ 1-й томъ извѣстнаго Генкелевскаго сборника „Сѣверное Сіяніе“, предпринятаго издателемъ по образцу модныхъ тогда англійскихъ и французскихъ кипсековъ. 12 рисунковъ посвящены въ этой книгѣ Пушкину, но нельзя сказать, чтобы они могли назваться удачными. Они носятъ на себѣ яркіе слѣды спѣшной работы по заказу, и, кромѣ развѣ Брюлловскаго рисунка къ „Бахчисарайскому Фонтану“, отличаются своею нехарактерностью, безжизненностью и очень слабо выгравированы въ Лейпцигскихъ мастерскихъ. Въ этомъ изданіи особенно ясно видна разница между первыми иллюстраторами Пушкина, умѣвшими вдохновляться его поэзіей и художниками, работавшими по заказу издателя, забывавшими,

Сцены из «Руслана и Людмилы» Литография без подписи

что иллюстрація книги есть совершенно особое искусство, несомнѣнно требующее своей спеціальности.

Укажемъ, на примѣръ, на особенно слабый рисунокъ Трутовскаго къ „Графу Нулину“, рисунокъ Лебедева къ „Руслану“ и цѣлый рядъ другихъ. Недурной самъ по себѣ рисунокъ Микѣшина къ „Евгенію Онѣгину“ носить слишкомъ общій характеръ и изображаетъ скорѣе „Дѣвушку у окна“, чѣмъ именно Татьяну. Полноты впечатлѣнія не даетъ и такой внѣшній признакъ какъ писанье вензеля на окнѣ (для большей ясности даже не Е. и О. какъ у Пушкина, а Евг. О!), — приемъ, котораго должны избѣгать хорошіе иллюстраторы. Не лучше и остальные рисунки, весьма съ малымъ основаніемъ могущіе назваться иллюстраціями Пушкина.

Интересна большая литографія, печатанная въ два тона у Поль Пети, по рисунку Зичи, и изображающая сцены изъ „Бахчисарайскаго Фонтана“ (60-е годы). Къ той же эпохѣ принадлежитъ очень большой литографированный листъ со сценами изъ „Братьевъ Разбойниковъ“.

Въ 1870 году вышло извѣстное изданіе: „Декорации къ трагедіи Пушкина Борисъ Годуновъ“, рисованныя академикомъ М. Шишковымъ. 16 рисунковъ исполнены литографіею и отличаются своею вѣрностью эпохѣ. Фигуры на нихъ рисованы А. Шарлеманемъ. Изданіе это, впрочемъ, имѣетъ главнымъ образомъ театральное значеніе и не является, въ строгомъ смыслѣ, иллюстраціей трагедіи, какъ литературнаго произведенія.

Въ сборникѣ „Родные отголоски“ Спб. 1875 г. рисунки Панова иллюстрируютъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина.

Говоря объ изданіяхъ Пушкина этой эпохи, нельзя не сказать нѣсколько словъ объ извѣстномъ петербургскомъ книгопродавцѣ Я. А. Исаковѣ, такъ много потрудившемся въ дѣлѣ распространенія и популяризаціи произведеній нашего поэта. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ былъ одною изъ замѣчательныхъ личностей своего времени. Энергичный и предприимчивый, обладавшій большимъ знаніемъ дѣла и достаточнымъ образованіемъ, онъ одинъ изъ первыхъ русскихъ книгопродавцевъ завелъ большія сношенія съ Западной Европой, выписывая иностранныя книги для всей Россіи. Его издательская дѣятельность ознаменовалась въ концѣ 50-хъ годовъ пріобрѣтеніемъ исключительнаго права на изданіе всѣхъ сочиненій Пушкина. Въ 1859—60 г.г. вышло его I-е изданіе сочиненій поэта подъ редакціей Геннади, повторенное подъ той же редакціей уже въ 1869—70 годахъ и вышедшее въ 3-й разъ уже подъ редакціею Ефремова въ 1880—81 г.г. Я. А. Исаковъ поставилъ себѣ задачею популяризацію сочиненій Пушкина и распространеніе ихъ въ частности между учащимися, и его полезное изданіе „Классная Библиотека“ содержало въ себѣ, главнымъ образомъ, сочиненія великаго поэта. Чаще всего, затѣмъ, Исаковъ издавалъ сказки Пушкина, какъ сборниками, такъ и отдѣльными брошюрами для народа. Всего кромѣ 3-хъ изданій Сочиненій Пушкина, за 20 лѣтъ съ 1861—1881 г.г., онъ успѣлъ издать свыше 30 отдѣльныхъ книжекъ поэмъ и сказокъ, по большей части иллюстрированныхъ политипажами, гравированными Гогенфельденомъ, въ типографіи котораго Исаковъ печаталъ свои книги. Рисунки эти мало художественны и имѣютъ значеніе только какъ первая попытка иллюстраціи популярныхъ изданій поэта. Наболѣе интересно изданіе „Онѣгина“ 1864 г. съ гравированнымъ на деревѣ заглавнымъ листомъ и фронтисписомъ. Этотъ романъ вышелъ еще раньше въ 1862 году съ

2-мя виньетками, а затѣмъ въ 1875 и 1880 г.г. съ рисованными Крюковымъ виньетками передъ каждой главой. Въ 1874 г. вышла „Полтава“ съ 7-ю рисунками С. Макаровой. Сказки выходили въ слѣдующихъ изданіяхъ:

1) Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ: 1858 г. съ 13 хромолитографіями П. Анненскаго; 1865 г. съ рисунками въ текстѣ; 1868 г. съ 5 хромолит. Крюкова; 1869 г. съ рис. въ текстѣ и наконецъ въ 1879 г.

2) Сказка о Мертвой Царевнѣ: 1861 г. съ 8 рис. Гогенфельдена; 1864 г. 2-е изд.; 1868 и 1872 г.г. съ 1 рисункомъ; 1878 г. съ рисунками въ текстѣ и 1879 г. съ 8 рисунками.

3) Сказка о Царѣ Салтанѣ: 1861 г. съ рисунками въ текстѣ; 1865 г. съ 8 рис. и 1868, 74, 75 и 78 г.г. съ рис. въ текстѣ.

4) Сказка о Купцѣ Остолопѣ: 1873 и 79 г.г. съ рис. въ текстѣ.

5) Сказка о Золотомъ Пѣтушкѣ: 1874 и 79 г.г. съ 5 рисунками.

6) Собранія сказокъ: 3 сказки 1872 г. съ рис. въ текстѣ; Народныя Сказки изд. 1873 года съ 43 рисунками Бейдемана, Крюкова и Трутовскаго, гравированными Гогенфельденомъ и Стариковымъ. Это же изданіе повторено въ 1876 году съ другой обложкой¹⁾.

Виньетка Бернадскаго къ „Дому въ Коломиѣ“ („Новоселье“ 2-е изд.).

Мы уже видѣли, что къ концу первой половины XIX столѣтія книжная иллюстрація, достигшая къ этому времени своего наибольшаго развитія, постепенно начинаетъ приходить въ упадокъ. Такіе блестящіе художники, какъ Тиммъ, Боклевскій, Агинъ, такіе талантливые граверы, какъ Бернадскій, Клодтъ, Неттельгорстъ и нѣк. др., еще поддерживаютъ славу русской иллюстрированной книги, но они уже являются послѣдними ея представителями. Къ концу 70-хъ годовъ, можно сказать смѣло, русская изящно иллюстрированная книга болѣе не существуетъ, и лишь въ самое послѣднее время мы замѣчаемъ нѣкоторое возрожденіе этого рода иску-

¹⁾ Здѣсь перечислены только изданія, вышедшія съ иллюстраціями.

Сцены из «Руслана и Людмилы». Литография без подписи.

ства, ровно 100 лѣтъ тому назадъ переживавшаго полный расцвѣтъ и блиставшаго цѣлымъ рядомъ высокоталантливыхъ именъ.

Главныя причины окончательнаго упадка книжной иллюстраціи во второй половинѣ XIX вѣка остались тѣ же, которыя уже были нами отмѣчены — вытѣсненіе ручной гравюры новыми способами воспроизведенія, въ связи съ колоссальными успѣхами, достигнутыми техникой печатнаго дѣла. Литографію сперва смѣнила ксилографія, потомъ всевозможныя „фото“, и дешевизна всѣхъ этихъ механическихъ способовъ сдѣлала совершенно невозможной конкуренцію съ ними ручной гравюры или офорта.

Художественная сторона иллюстрацій, конечно, сильно пострадала и новые рисунки стали носить характеръ скорѣе мастерства, а не искусства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сказался и духъ времени. Увлеченіе поэзіей и романтизмомъ начала вѣка, сатирическое направленіе литературы 40-хъ годовъ, смѣнились давно уже новыми идеалами. Политическіе и экономическіе интересы захватили русское общество и создали свою литературу, свою книгу. Любителей красивой иллюстрированной книги стало меньше. Не стало и художниковъ, съ любовью посвящавшихъ свои труды этому роду искусства.

Популяризація книги сдѣлалась одною изъ главныхъ цѣлей издательей; дешевыя изданія, брошюры, лубки, появились во множествѣ, приспособляясь къ интересамъ недавно освобожденнаго народа и не давая совершенно пищи уму и художественному чувству интеллигента.

Но указанныя нами только что причины упадка иллюстрированной книги были не единственными. Наиболѣе сильный ударъ ей былъ нанесенъ нарожденіемъ новаго типа иллюстрированныхъ журналовъ, такъ называемыхъ литературно-политическихъ, по образцу давно уже существовавшихъ за границею Иллюстрацій. „Всемирная Иллюстрація“ (съ 1869 г.), „Нива“ (съ 1870 г.), „Живописное обозрѣніе“ (съ 1869 г.), „Родина“ (съ 1883 г.), съ цѣлой бібліотекой своихъ бесплатныхъ приложений наводнили Россію печатной бумагой, рѣдко заботясь о дѣйствительно художественной сторонѣ своихъ изданій.

Дешевизна и разнообразіе содержанія этихъ журналовъ, создали имъ прочный успѣхъ, надолго сдѣлавшій ненужною изящную иллюстрированную книгу.

Журналы эти, съ особой охотой, стали печатать иллюстраціи къ литературнымъ произведеніямъ, не сумѣвъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, создать собственнаго кружка специалистовъ-иллюстраторовъ и поручая эти работы часто совершенно неспособнымъ рисовальщикамъ. Неизбѣжная спѣшность исполненія этого рода картинокъ, грубое воспроизведеніе ихъ сперва ксилографією, потомъ автотипією, плохая бумага и т. п., все это лишаетъ иллюстрированные журналы всякаго художественнаго значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, до самаго послѣдняго времени, они являются единственною школою художественнаго вкуса всей русской провинціальной, да частью и столичной, читающей публики...

Если мы обратимся теперь къ Пушкину, то увидимъ, что наступилъ періодъ цѣлаго ряда его юбилеевъ, не могшій не вызвать усиленнаго движенія въ книгоиздательскомъ дѣлѣ. Прежде всего на юбилей откликнулись, конечно, иллюстрированные журналы и дали намъ цѣлый рядъ

картинокъ къ Пушкину. Особенно, въ этомъ отношеніи, старалась „Нива“, гдѣ иллюстраціи къ произведеніямъ поэта стали появляться уже съ 1871 г. (Голова къ Руслану, рисунокъ Панова). Далѣе много рисунковъ дали „Всемирная Иллюстрація“, „Живописное Обзорѣніе“ и „Родина“, кое что пушкинское появилось также въ такихъ журналахъ, какъ „Кругозоръ“ (Спб. 1876—78 гг.), „Сѣверная Звѣзда“ (Спб. 1877—8), „Лучъ“ (Спб. 1880—90), „Радуга“ (М. 1883—88), „Россія“ (М. 1883—5), „Волна“ (М. 1884—86), „Будильникъ“ (М. съ 1865 г.), „Сѣверъ“ (Спб. съ 1888 г.), „Шутъ“ (Спб. 1879—1906), „Осколки“ (Спб. съ 1881 г.). Рисунки въ этихъ журналахъ воспроизводились сперва гравюрою на деревѣ, потомъ авто-типією. Мы уже говорили, что дѣятельность этихъ журналовъ не создала у насъ специалистовъ, иллюстраторовъ и художники, исполнявшіе эти рисунки въ большинствѣ случаевъ слишкомъ легко смотрѣли на свою задачу, мало можетъ быть сознавая, что иллюстрація литературныхъ произведеній требуетъ своей специальности, требуетъ глубокаго изученія автора и полнаго проникновенія его духомъ. Несомнѣнно, нѣкоторые изъ нихъ понимали эту задачу, но ихъ было мало. Въ письмѣ къ издателю „Живописнаго Обзорѣнія“ И. Крамской говоритъ слѣдующее: „Два слова въ оправданіе рисунка (прологъ къ Руслану). Иллюстрировать такого поэта, какъ Пушкинъ, вовсе не легко (да я уже это зналъ и раньше). Что дѣлать? Вы предоставили на мой выборъ, но вѣдь это значитъ: взвалить на человѣка огромную отвѣтственность. И вотъ видите, я нарисовалъ банальныя вещи и на банальныя поэмы: впрочемъ, у „Лукоморья“ поэма не банальная, но невозможная...“.

Мы видимъ, какъ серьезный художникъ сознаетъ свою отвѣтственность, какъ онъ боится быть банальнымъ. И рисунокъ его, несмотря на скромность автора, лишень этого недостатка, и много выше стоитъ всего, что появлялось въ журналѣ позднѣе (см. „Живописн. Обзор.“ 1880 г.; картина находится въ Третьяковской галереѣ, въ Москвѣ). Другіе художники, за малымъ исключеніемъ, къ сожалѣнію, не были такъ скромны и отвѣтственности не боялись, они смотрѣли на свою задачу гораздо легче, и потому громадное большинство ихъ иллюстрацій не выходитъ за предѣлы ужасающей банальности, а иногда прямо приближается къ грубому и плохо рисованному лубку.

Отличную характеристику иллюстраціямъ этого рода даетъ неизвѣстный авторъ замѣтки подъ названіемъ: „Какъ иллюстрируются русскіе писатели“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1880 года, написанной по поводу выхода Пушкинскаго юбилейнаго альбома В. Иванова (см. ниже).

Характеристика эта относится, несомнѣнно, къ большинству журнальныхъ иллюстрацій къ Пушкину исполненныхъ художниками, также мало вникшими въ его поэзію, также мало ее понявшими.

Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этой, довольно длинной, статьи.

Пушкинская выставка (1880 г.), говоритъ авторъ, на которой собраны были всѣ иллюстраціи къ сочиненіямъ нашего поэта, наглядно доказала, какъ мало вдохновенія почерпнули наши художники изъ чтенія Пушкина.

Иллюстрацій Пушкину почти нѣтъ; количество ихъ совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что можно было ожидать отъ воздѣйствія Пушкина на художественную фантазію...

Полное отсутствіе творческой фантазіи и способности къ характеристикѣ сказывается во всѣхъ картинахъ...

Сцены из «Евгенія Онегина». Литографія по рисунку А. Шарлеманя.
Из «Художественнаго Листка» Тилма.

Пушкинъ, повидимому, не производилъ никакого впечатлѣнія на художниковъ Альбома. Они не вдумывались, не вглядывались въ него. Иначе намъ нельзя объяснить себѣ необыкновеннаго равнодушія, съ которымъ отнеслись они къ своимъ сюжетамъ и необыкновенно прозаической выборъ этихъ сюжетовъ...

Замѣчательно, что, рядомъ съ отсутствіемъ художественной характеристики, гг. иллюстраторы Пушкина точно также не выказываютъ ни малѣйшаго вниманія къ деталямъ, никакого вкуса въ ихъ комбинаціи, никакого умѣнія эффектной и красивой компановки. Ничтожество фигуръ и лицъ быть можетъ менѣе бросилось намъ въ глаза, еслибъ насъ подкупала живописность обстановки, красота ландшафта и освѣщенія, однимъ словомъ то, что называется у Французовъ *le pittoresque*. Но даже и этого нѣтъ въ анализируемыхъ нами рисункахъ...

Авторъ говоритъ, что если отнять подписи, то почти ни про какой рисунокъ нельзя сказать, что онъ иллюстрируетъ Пушкина. Перечисляя, затѣмъ, всѣ картинки, онъ упрекаетъ художника Богатова за отсутствіе фантазіи и плохой рисунокъ, Лебедева находитъ безвкуснымъ и аляповатымъ, иронизируетъ довольно зло надъ Трутовскимъ, говоря, что онъ, какъ академикъ, вполне использовалъ свое право быть скучнымъ и что фигуры на его рисунокѣ къ „Цыганамъ“, болѣе похожи на утопленниковъ.

Въ заключеніи онъ говоритъ:

Подведемъ итоги. Пушкинская выставка показала намъ всю бѣдноту существовавшихъ до настоящаго времени иллюстрацій къ Пушкину. Новѣйшая попытка такой иллюстраціи оказывается несостоятельною, и этого нужно было ожидать. Поэтическая произведенія даютъ каждому не болѣе того, что онъ самъ въ состояніи почерпнуть въ нихъ. Для того чтобы читать поэтовъ, нужно не просто знать грамотѣ, но воспитать въ себѣ чувство и пониманіе прекраснаго. Воспитано ли это чувство въ современныхъ художникахъ? Воспитываютъ ли они его въ себѣ сами? Въ этомъ можно сомнѣваться. Особенно, просмотрѣвъ Альбомъ памяти Пушкина.

Приведенныя выше выдержки еще интересны для насъ и потому, что онѣ говорятъ о художникахъ, имена которыхъ мы не разъ встрѣчаемъ при обзорѣ пушкинскихъ иллюстрацій. (См. напр. „Сѣверное Сіяніе“, Альбомы 1880—87 г., изд. Исакова и др.)

Между рисовальщиками, имена которыхъ наиболѣе часто встрѣчаются на пушкинскихъ картинкахъ, въ названныхъ журналахъ назовемъ: Н. Негадаева („Всем. Илл.“), рисунки котораго къ „Капитанской Дочкѣ“ вышли въ 1879 г. отдѣльно, приложеніемъ къ „Огоньку“, И. Панова („Вс. Илл.“, „Родина“, „Нива“), Мясоѣдова („Жив. Обзор.“), Петра Соколова („Ж. О.“), Н. Каразина („Нива“), Земцова („Нива“), М. Клодта („Нива“), Р. Штейна („Нива“, „Родина“), И. Коверзнева („Нива“, „Ж. О.“), К. Брожа („Вс. Илл.“), А. Зауерлендера („Родина“), Самокишъ („Нива“), Самокишъ-Судковскую („Нива“), Соломко („Нива“) и др.

Между граверами на деревѣ можно указать развѣ на Сѣрякова, работавшаго въ 70—80-хъ годахъ для „Всемирной Иллюстраціи“.

Въ концѣ настоящей статьи мы помѣщаемъ подробный списокъ иллюстрацій къ Пушкину въ журналахъ: „Всем. Иллюстр.“, „Нива“, „Живоп. Обзор.“ и „Родина“.

Большое количество альбомовъ, отдѣльныхъ листовъ, портретовъ, брошюръ и тому подобныхъ народныхъ изданій наполнили рынокъ, особенно послѣ 1887 года, т. е. послѣ истеченія срока авторской собственности. Главнымъ образомъ, много народныхъ изданій выходило въ Москвѣ. Съ 1887 г. появились Сытинскія изданія, съ рисунками на обложкахъ, въ краскахъ; въ 1897 г. въ этомъ же изданіи вышли „Сказки“ съ 5 рис., а въ 1890 г. „Капитан-

ская Дочка“ съ 188 рис. Малышева; позднѣе, съ 1899 г. въ этихъ изданіяхъ помѣщались рисунки К. Лебедева. Библиотечку Ступина 1896 г. (сказки) иллюстрировалъ художникъ М. Нестеровъ. Въ Москвѣ же выходили иллюстрированныя изданія для народа Щеглова, съ рисунками Газенкампа, изданія Лузиной, Рихтера и др. Въ Петербургѣ въ 1888 г. началъ свою Иллюстрированную Пушкинскую бібліотеку Павленковъ, издавшій болѣе 40 книжечекъ, приспособленныхъ для учащихся и народа. (Въ Москвѣ изданіе подъ тѣмъ же названіемъ Панафидина стало выходить съ 1900 г.).

Къ 1899 г. и провинція дала кое какія народныя изданія Пушкина, между которыми иллюстрированныхъ не много, назовемъ напримѣръ изданія Тихомірова во Владимірѣ (сказки 1899 г.), „Евгеній Онѣгинъ“, напечатанный въ слѣдующемъ году въ Поневѣжѣ. Къ послѣднему юбилею (1899 г.) вышло кромѣ того нѣсколько собраній избранныхъ сочиненій поэта, по большей части также народнаго или образовательнаго характера, между ними назовемъ слѣдующія съ рисунками: изд. Сытина въ Москвѣ въ I томѣ съ рис. К. Лебедева; его же изданіе подъ названіемъ: Полное собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ съ рис. А. Лебедева, московскія изданія Конради; Панафидина; Ступина (Для школы, съ 98 рисунками); петербургское изд. Павленкова въ I томѣ съ 160 рис.; изданіе для юношества подъ ред. Авенариуса въ 3-хъ томахъ; Избранныя сочиненія для дѣтей младшаго возраста изд. журнала „Игрушечка“; „Пушкинъ для ребятишекъ“ Сальникова съ рис. В. Табурина и др.

Изданія эти совершенно лишены художественнаго значенія и украшены, обыкновенно, плохими рисунками, работы мало извѣстныхъ художниковъ.

Переходя теперь къ такъ называемымъ художественнымъ изданіямъ, мы должны упомянуть сперва о юбилейныхъ альбомахъ 80-ыхъ годовъ. Въ Московскомъ альбомѣ, изданномъ В. Ивановымъ, помѣщены портретъ и 15 литографированныхъ рисунковъ художниковъ Н. Богатова, А. Лебедева и Трутовскаго; о недостаткахъ этихъ рисунковъ мы уже говорили выше. Не лучше и московскій альбомъ „Баянъ“ съ рисунками Сѣдова, Поспѣлова, Пашкова и Калмыкова.

Альбомы 1885 (Спб. 20 рис.) и 1887 г.г. (Спб. 47 рис.) не смотря на участіе такихъ именъ, какъ Рѣпинъ, Васнецовъ и др. также мало интересны, какъ и московскія изданія Анскаго 1882 г. (3 книги сказокъ, Онѣгинъ и Сочиненія въ 3-хъ томахъ) съ рисунками В. Маковского (2-е изд. Сочиненій вышло въ 1884 г. у Салаева).

Другія изданія съ рисунками Изенберга (Силуэты къ Русалкѣ 1889 г. и къ Руслану 1890 г.), Малышева (Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ, изд. Суворина 1887 г. съ 6 хромолит.), Крюкова, Трутовскаго, Каразина, Далькевича (альбомы 1885 и 87 г.г.) еще менѣе, конечно, могутъ удовлетворить серьезнымъ требованіямъ къ изящной иллюстраціи.

90-е года отмѣчены двумя попытками дать роскошныя изданія произведеній Пушкина съ иллюстраціями, возникшими въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ 1891 г. московскій книгопродавецъ Готье выпустилъ свою „Капитанскую Дочку“ съ рисунками Павла Соколова, гравированными А. Ламотъ. Эта попытка дать дѣйствительно роскошное, украшенное ручными гравюрами, любительское изданіе, отпечатанное по образцу заграничныхъ на лучшей бумагѣ, въ нѣсколькихъ тиражахъ, съ особыми оттисками гравюръ до подписей и т. д. заслуживаетъ, конечно,

полнаго одобренія, но, къ сожалѣнію, внутренняя, художественная сторона книги оказалась ниже ея внѣшности. Суховатые рисунки Соколова, иногда грѣшашіе незнаніемъ быта и исторіи, очень слабо, по любительски, гравированы Ламотомъ, и не могутъ служить образцами изящной иллюстраціи. Второе изданіе Готье: „Евгеній Онѣгинъ“, вышедшее въ 1893 году украшено 6-ю рисунками и 16 виньетками того же художника и 2-мя рисунками Бѣлянкина. Недостатки рисунковъ и въ этомъ изданіи тѣ же, а исполненіе ихъ фототипіею отнимаетъ отъ него и ту роскошь внѣшнюю, которой отличается первая книга. Еще раньше, въ 1892 г., этотъ же издатель выпустилъ альбомъ изъ 48 рис. П. Соколова къ „Евгенію Онѣгину“, исполненныхъ фототипіею.

Совершенно иного характера петербургскія изданія Суворина, съ той же претензіею на роскошь. Они совершенно неудовлетворительны ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны. Мы говоримъ о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ 1892, „Утопленникъ“ 1895 г., „Каменномъ Гостѣ“ 1895 г., и „Сказкѣ о Царѣ Салтанѣ“ 1896 г. съ рисунками художника С. Соломко. Рисунки эти, воспроизведенные фототипіею въ одномъ тонѣ, отличаются своею манерностью и банальностью, и совершенно недостойны украшать собою перлы поэзіи Пушкина. Къ тому же и внѣшность книгъ отличается своимъ удивительнымъ безвкусіемъ и потребность во второмъ изданіи „Бахчисарайскаго Фонтана“¹⁾, только доказала отсутствіе пониманія въ нашей читающей публикѣ, образовавшей свой вкусъ на „Нивѣ“ и „Родинѣ“...

Къ этой же эпохѣ относятся интересные рисунки Ѳ. Сологуба къ „Сказкѣ о Золотомъ Пѣтушкѣ“, печатанные хромолитографіею въ журналѣ „Артистъ“ 1890-93 г.г. и представляющіе первую попытку къ иллюстраціи сказокъ Пушкина въ чисто народномъ духѣ.

Съ 90-хъ годовъ начинаются изданія открытокъ съ иллюстраціями къ Пушкину. Между ними много оригинальныхъ рисунковъ: Бѣмъ, Бернштама, Рериха и др. Пушкинскій Музей обладаетъ коллекціей открытокъ въ 200 №№.

Упомянемъ еще объ изданіи „Онѣгина“ съ рис. Бельзена въ Спб. 1897 г. и объ „Сказкахъ“ съ 8-ю рисунками въ краскахъ В. Табурина, изданныхъ въ Спб. въ слѣдующемъ году, и перейдемъ къ изданіямъ, вышедшимъ по поводу послѣдняго юбилея Пушкина, столѣтія со дня его рожденія, минувашаго въ 1899 году.

Пушкинскій юбилей 1899 года засталъ разгаръ борьбы самыхъ крайнихъ теченій въ русскомъ искусствѣ, и иллюстрировать Пушкина принялись художники самыхъ различныхъ школъ и направленій. Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ мы не можемъ отмѣтить изданій, могущихъ считаться вполне удовлетворительными. Ни слашавая манерность рисунковъ Соломки, ни неясность и расплывчатость Малютинскихъ эскизовъ не могли быть истинными выразителями поэзіи Пушкина, поражающей простотой и естественностью стиха, ясностью и законченностью образовъ.

Въ Москвѣ, въ изданіи Мамонтова, вышло три сочиненія Пушкина, иллюстрированныхъ художниками новаго крайняго направленія. „Капитанская Дочка“ съ 8 рис. К. Высотскаго и 2 книги съ рисунками въ краскахъ упомянутаго уже Малютина, „Русланъ“ и „Сказка о царѣ Салтанѣ“.

¹⁾ Къ этому изданію приложены очень плохо воспроизведенные рисунки Галактіонова.

Рисунки послѣдняго художника, какъ мы уже говорили, страдаютъ своею неясностью и эскизностью. Подражанія старому лубку въ „Сказкѣ“, вплоть до невѣрностей и уродливостей рисунка, кажутся, теперь особенно, верхомъ преувеличенія въ стремленіи къ новизнѣ и носятъ яркіе слѣды декадентства, такъ мало вяжущагося съ поэзіею Пушкина. Изданіе сказки о „рыбакѣ и рыбкѣ“, съ рисунками Афанасьева, представляетъ собою грубую карикатуру и никакъ не заслуживаетъ названія иллюстраціи къ произведенію великаго поэта.

Наиболѣе любопытнымъ изданіемъ этой эпохи являются Сочиненія Пушкина въ 3-хъ томахъ, съ портретомъ автора, работы Сѣрова, и 66 рисунками. Издана эта книга художникомъ Канчаловскимъ въ Москвѣ и интересна, хотя бы, уже по одному перечню именъ участвовавшихъ въ ней художниковъ. Тутъ и Рѣпинъ, и Васнецовъ, тутъ и Врубель, и Коровинъ, и Сомовъ и Лансере. Несомнѣнно, такое разнообразіе художниковъ самыхъ различныхъ направленій не можетъ служить достоинствомъ изданія съ художественной его стороны, лишая его цѣльности и единства впечатлѣнія. Къ тому же, и отдѣльно взятые рисунки, въ большинствѣ, не вполне удовлетворительны.

Грубая поддѣлка подъ лубокъ Малютина, неясные и эскизные пейзажи Левитана, мрачные рисунки самого издателя, всѣ эти иллюстраціи не могутъ никоимъ образомъ быть причисленными къ разряду удачныхъ. Мы уже не говоримъ о невозможности плохихъ картинкахъ Сурикова, помѣщеніе которыхъ можно объяснить только недоразумѣніемъ.

Изъ наиболѣе удачныхъ рисунковъ этого изданія, надо назвать интересный и не банальный рисунокъ къ „Пророку“ Врубеля, виньетки Лансере къ „Выстрѣлу“ и „Дубровскому“, нѣсколько прелестныхъ картинокъ Коровина къ „Онѣгину“, и иллюстраціи „Пиковой Дамы“ А. Бенуа.

Интересно петербургское изданіе „Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ“ съ рис. В. Васнецова, на большомъ складномъ листѣ, отпечатанное въ краскахъ въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

До нельзя аляповато и безвкусно изданіе, „Онѣгина“ Дамскаго художественнаго Кружка, съ рисунками Бухцъ, Палень и др. Спб. 1899 г.

Московское изданіе Гросмана и Кнебель „Бахчисарайскаго Фонтана“, съ фототипіями по рисункамъ В. Суреньянца, заключаетъ въ себѣ нѣсколько довольно интересныхъ картинокъ, изображающихъ виды Крыма.

О цѣломъ рядѣ популярныхъ изданій Сочиненій Пушкина съ рисунками мы уже говорили, прибавимъ еще названія нѣкоторыхъ юбилейныхъ сборниковъ, въ которыхъ были помѣщены иллюстраціи: 1. Юбилейный сборникъ, изд. „Народная Польза“, 2. Сборникъ Пушкину Кіевскаго Педагогическаго Общества, 3. Альбомъ, изд. Комарова, 4. Альбомъ „Нивы“ 5. Альбомъ „Будильника“ и др.

Изданія эти не преслѣдовали художественныхъ цѣлей и рисунки ихъ не представляютъ никакого интереса.

Прежде чѣмъ закончить нашъ обзоръ пушкинскихъ иллюстрацій, мы должны сказать нѣсколько словъ объ изданіи хотя и вышедшемъ уже въ XX вѣкѣ, но интересномъ для насъ по количеству воспроизведенныхъ рисунковъ къ сочиненіямъ поэта.

Мы говоримъ о пяти томахъ Сочиненій Пушкина подъ редакціей С. Венгерова, вышедшихъ въ Петербургѣ въ 1907—11 г.г.

Издание это отличается исключительной полнотой материала литературного и обиліемъ приложенныхъ документовъ и рисунковъ. Множество портретовъ, воспроизведеній подлинныхъ рукописей и рисунковъ Пушкина, современныя ему иллюстраціи, лубки и т. п., все это дѣлаетъ издание чрезвычайно цѣннымъ въ смыслѣ библиографическомъ.

Большой интересъ, далѣе, представляютъ воспроизведенія неизданныхъ рисунковъ изъ коллекцій частныхъ лицъ, какъ напр. превосходные рисунки А. Бенуа къ „Мѣдному Всаднику“ и „Пиковой Дамѣ“, рисунки Беренштама къ „Фаусту“, иллюстраціи Врубеля къ „Моцарту и Сальери“, отличныя силуэты Гельмерсена къ „Онѣгину“ и „Выстрѣлу“ рисунки В. Шварцъ къ „Руслану“, акварели Суреньянца, Гартмана и др.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили главнѣйшія попытки книжныхъ и, отчасти, журнальныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ Пушкина въ теченіе XIX вѣка, въ связи съ общей картиной состоянія русской иллюстрированной книги этой эпохи. Мы видѣли при этомъ, что, кромѣ первоначальныхъ картинокъ къ сочиненіямъ поэта, все позднѣйшее рѣдко выходило за предѣлы посредственности, и можемъ смѣло сказать, что имя Пушкина требуетъ отъ нашихъ художниковъ большаго къ себѣ вниманія. Мы вправѣ ожидать отъ нихъ правильнаго и вдохновеннаго толкованія произведеній нашего великаго народнаго поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо надѣяться, что въ переживаемое нами время подъема интереса къ искусству и старинѣ, время замѣтнаго пробужденія въ обществѣ вкуса къ изящной книгѣ, воскреснетъ, наконецъ, вновь искусство русской книжной иллюстраціи. Задатки этого мы видимъ въ нѣкоторыхъ, дѣйствительно изящныхъ, изданіяхъ послѣднихъ лѣтъ и въ появленіи нѣкоторыхъ талантливыхъ художниковъ, съ любовью посвящающихъ свои труды иллюстраціи книги. И для Пушкина ими уже кое что сдѣлано; укажемъ, напримѣръ, на названные рисунки Бенуа къ „Мѣдному Всаднику“ и „Пиковой Дамѣ“ (часть вошла въ изд. Канчаловскаго и Венгерова, всѣ выходятъ на дняхъ при книгѣ, издаваемой Т-вомъ Голике и Вильборгъ), или виньетки Лансере къ „Выстрѣлу“ и „Дубровскому“.

Все это, повторяемъ, даетъ намъ надежду, что въ недалекомъ будущемъ мы дождемся, наконецъ, изданія твореній нашего великаго поэта, достойнаго его имени и таланта, украшеннаго рисунками художника, вдохновеннаго красотою его безсмертнаго генія.

Н. Соловьевъ.

Рисунокъ А. С. Пушкина къ поэму «Галубъ». Изъ рукописи Румянцевскаго Музея.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ КЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ ПУШКИНА въ ЖУРНАЛАХЪ:
 „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“, „НИВА“, „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, „РОДИНА“,
 „ВОЛНА“, „ЛУЧЬ“, „КРУГОЗОРЪ“, „РОССІЯ“.

- Анджело. „Нива“. 93. — 28.
 Арапъ Петра В. „Нива“. 86. — 43.
 Барышня Крестьянка. „Живоп. Обозр.“ 79. — 35. „Нива“. 86. — 47. „Россія“. 83. — 1. „Лучь“. 81. — 31.
 Бахчисарайскій Фонтанъ. „Нива“. 82. — 19; 84. — 38, 41; 90. — 1.
 Блаженство. „Нива“. 94. — 44.
 Борисъ Годуновъ. „Всем. Иллюстр.“ 70. — 98, 99; 77. — 442. „Нива“. 72. — 47; 83. — 43; 84. — 35; 87. — 42; 90. — 39;
 Графъ Нулинъ. „Живоп. Обозр.“ 80. — 21.
 Гусарь. „Родина“. 99. — 22.
 Домикъ въ Коломнѣ. „Лучь“. 82. — 24.
 Дубровскій, „Нива“. 86. — 6, 19. „Жив. Обозр.“ 99. — 21.
 Евгенийъ Онѣгинъ. „Нива“. 83. — 28; 87. — 49; 89. — 35; 91. — 51; 94. — 2, 39; 97. — 1; 99. — 37; 900. — 2. „Волна“. 85. — 5. „Россія“. 83. — 12. „Кругозоръ“. 76. — 27.
 Египетскія Ночи. „Нива“. 92. — 25.
 Кавказскій Плѣнникъ. „Нива“. 85. — 5; „Родина“. 89. — 8.
 Каменный Гость. „Вс. Илл.“ 72. — 201. „Нива“. 82. — 15. „Жив. Об.“ 75. — 44.
 Капитанская Дочка. „Всем. Илл.“ 75. — 361. „Нива“. 80. — 44; 86. — 24. 46; 900. — 1.
 Мечты, мечты... „Родина“. 98. — 24. „Лучь“. 2. — 40.
 Молитва (Отцы Пустынники). „Родина“. 89. — 9.
 Моцартъ и Сальери. „Нива“. 85. — 48. „Живоп. Обозр.“ 79. — 43.
 Мѣдный Всадникъ. „Нива“. 82. — 14.
 Она подъесть бубень свой... „Лучь“. — 82. — 28.
 Осгарь. „Нива“. 93. — 2.
 Пиковая Дама „Родина“ 99 — 22 (2 рис.).
 Полтава. „Нива“. 82. — 21; 84. — 33. 85. — 51; 86. — 1; 88. — 46; 99. — 48; 93. — 38. „Жив. Об.“ 75. — 26. 87. — 5. „Родина“ 89. — 2; 93. — 6, 11; 95. — 39; 97. — 3; 99. — 21. „Волна“; 85. — 2. „Кругозоръ“. 76. — 29. „Огонекъ“. 82. — 36.
 Братья Разбойники. „Всем. Илл.“ 80. — 621. „Нива“. 74. — 50; 86. — 39. „Волна“. 85. — 7. „Родина“. 97. — 45; 99. — 22.
 Бѣсы. „Нива“. 74. — 47; 87. — 44. „Живоп. Обозр.“ 79. — 47. „Родина“. 89. — 11; 97. — 13.
 Предъ Испанкой благородной... „Нива“. 93. — 47.
 Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. „Нива“. 85. — 1. „Родина“. 89. — 19; 93. — 7; 97 — 5; 99. — 21.
 Русалка. „Нива“. 74. — 7; 77. — 1; 87. — 8; 88. — 36; 90. — 7. „Живоп. Обозр.“ 75. — 40; 87. — 5.
 Русланъ и Людмила. „Всем. Илл.“ 70. — 102; 72. — 157 (3 рис.). „Нива“. 71. — 51; 76. — 21; 78. — 11; 80. — 9; 91. — 32; 92. — 8, 40, 49; 900. — 27. „Жив. Обозр.“ 80. — 21 (2 рис.). „Родина“ 89. — 38, 39. „Волна“ 85. — 3. „Лучь“. 82. 24, 27. „Кругозоръ“. 76. — 27. „Радуга“. 83. — 27.
 Сказки. „Всем. Илл.“ 71. — 153; 73. — 209. „Нива“. 81. — 38, 85; 90. — 6; 92. — 50; 93. — 4, 11. „Родина“. 89. — 8.
 Скупой Рыцарь. „Нива“. 82. — 1. „Радуга“. 84. — 17.
 Сраженный Рыцарь. „Нива“. 75. — 6. „Родина“. 89. — 17.
 Станціонный Смотритель. „Нива“. 87. — 19; „Родина“. 99. — 22.
 Узникъ. „Родина“. 89. — 2.
 Утопленникъ. „Нива“. 82. — 46.
 Цыганы. „Нива“. 84. — 8. „Живописное Обозр.“ 79. — 45; 99. — 21. „Лучь“. 83. — 5. „Кругозоръ“. 76. — 26.

Рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянцевскаго Музея.

*А. С. Пушкинъ, литографія по рисунку Р. Коношенко.
Собств. Имп. Публ. Библиотеки.*

ТУРГЕНЕВЪ О ПУШКИНѢ.

Въ своей книгѣ о Тургеневѣ покойный профессоръ С.-Петербургскаго университета А. И. Незеленовъ писалъ: Тургеневъ говорилъ о поэтѣ: человекъ желающій создать что нибудь цѣлое, долженъ употребить на это цѣлое свое существо... такимъ истиннымъ, полнымъ поэтомъ считалъ Тургеневъ Пушкина; такимъ поэтомъ хотѣлъ онъ быть самъ. Здѣсь и разгадка весьма извѣстной мысли его, что онъ ученикъ Пушкина... Онъ видѣлъ въ Пушкинѣ: „полную соразмѣрность, соответственность таланта съ жизнію автора“ и этому онъ учился у величайшаго нашего художника. Въ одномъ частномъ письмѣ, говоря о Пушкинѣ, онъ выразился: „я всегда считалъ себя его ученикомъ, и мое высшее литературное честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы быть современнымъ признаннымъ за хорошаго его ученика“¹⁾.

Письмо это было написано И. С. Тургеневымъ въ отвѣтъ на посланное ему проф. А. И. Незеленовымъ сочиненіе послѣдняго: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. Первый и второй періоды жизни и дѣятельности (1799—1826). Спб. 1882 (V—248 стр. in 8). Оригиналъ письма былъ подаренъ мнѣ покойной супругою профессора, О. И. Незеленовой. Сохранился и конвертъ съ маркой въ 25 сантимовъ и штемпелемъ: Paris 18 dec. 82 и Спб. 10 дек. 1882. Адресъ написанъ рукой Тургенева: Russie. S. Pétersbourg Monsieur Nézenoff. С.-Петербургъ, Поварскій пер., д. № 5, Его Высокородію Александру Ильичу Незеленову.

Проф. И. Шляпкинъ.

Парижъ.
50 Rue de Douai
17/5-го Дек. 82.

Милостивый Государь

Александръ Ильичъ!

Я получилъ Ваше письмо вмѣстѣ съ прекраснымъ подаркомъ книги о Пушкинѣ. Искренно благодарю Васъ. — Вамъ, конечно, извѣстно мое благоговѣніе передъ нашимъ великимъ поэтомъ. — Я всегда считалъ себя его ученикомъ и мое высшее литературное честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы быть современнымъ признаннымъ за хорошаго его ученика.

А потому Вы легко можете себѣ представить, съ какимъ вниманіемъ я прочту Вашъ трудъ. — Съ какимъ чувствомъ долга я сообщу Вамъ мое сильное мнѣніе о немъ. А пока прошу Васъ принять, вмѣстѣ съ повтореніемъ моей благодарности, изъясненіе совершеннаго уваженія, съ которымъ пребываю Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Ив. Тургеневъ.

¹⁾ А. Незеленовъ. Тургеневъ въ его произведеніяхъ. Спб. 1885, стр. 4. Собр. сочиненій проф. А. И. Незеленова, II, СПб. 1903, стр. 5.

Рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянцевскаго Музея.

ЗАМѢТКИ О ПУШКИНѢ.

I.

„ЧТО ВЪ ИМЕНИ ТЕБѢ МОЕМЪ?“...

(О датѣ и посвященіи пьесы).

Впервые пьеса появилась, подъ заглавіемъ „Въ альбомъ“ и безъ даты, въ „Литературной Газетѣ“ 6-го апрѣля 1830 г., № 20, стр. 158, а затѣмъ была перепечатана въ сборникѣ стиховъ „Венера“, М., 1831 г., стр. 86—87, и вошла въ III-ью часть „Стихотвореній Александра Пушкина“, изд. 1832 г., стр. 39—40, гдѣ помѣщена среди стихотвореній 1829 г., третьей отъ конца, безъ заглавія, перенесеннаго въ оглавление книги. Слѣдуя пушкинской датировкѣ, всѣ издатели печатали пьесу подъ 1829 годомъ, но П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи ¹⁾ помѣтилъ ее „1823 г., Одесса“ и снабдилъ подзаголовкомъ: „Графъ Собаньской“, объясняя это такъ ²⁾: „старинный знакомецъ Пушкина М. А. Максимовичъ въ „Письмахъ о Кіевѣ и Тавридѣ“ (Спб., 1871 г.) сообщилъ, что въ 1836 г. онъ посѣтилъ близъ Ялты кн. Анну Сергѣевну Голицыну, писательницу, рожденную Всеволоджскую, бывшую за кн. Иваномъ Александровичемъ, адъютантомъ великаго князя Константина Павловича. „Подъ ея защиту являлась въ это время (май 1836 г.) изъ Одессы

¹⁾ Суворина, т. I, 1903 г., стр. 484.

²⁾ То же изданіе, т. VIII, 1905 г., стр. 192—193.

покинутая и обманутая гр. Виттомъ, для него покинувшая своего мужа графиня Собаньская, въ альбомѣ которой видѣлъ я стихи, нѣкогда писанные ей Пушкинымъ: „Что въ имени тебѣ моемъ...“ Гр. Собаньскій (?) жилъ въ 1823 г. въ Одессѣ и, по неправильному указанію Зеленецаго, оказывался даже соперникомъ Пушкина у г-жи Ризничъ“.

Каролина Адамовна Собаньская, рожд. графиня Ржевуская (род. около 1794 г., умерла 17-го іюля 1885 г.), умница и красавица, воспѣтая Мицкевичемъ, который называлъ ее дантовскимъ именемъ (изъ „Vita Nuova“): „Doppa Giovanna“, превосходная пианистка, много лѣтъ блистала въ одесскомъ большомъ свѣтѣ временъ Воронцовыхъ и провела бурную и романтическую жизнь. Разведшись съ Собаньскимъ, она была замужемъ за графомъ И. О. Виттомъ, потомъ, съ конца тридцатыхъ годовъ, за Х. Чирковичемъ; потомъ, уже лѣтъ подъ шестьдесятъ, вышла за французскаго поэта Ж. Лакруа¹⁾.

Стихотвореніе, о которомъ упоминаетъ Максимовичъ, видѣлъ также извѣстный польскій историческій писатель Крашевскій. Вотъ что записано въ его путевомъ дневникѣ²⁾ подъ 17-мъ августа 1843 г.: „разсматривалъ у госпожи Хирковичъ (sic), рожденной гр. Ржевуской, любопытное собраніе автографовъ; цѣлыя письма Шатобріана, Питта, Веллингтона Лафатера, Дельфины Гей, г-жи Сталь, Пушкина, Мицкевича, Фелинскаго, г-жи Крюднеръ и т. д. Стихотвореніе Пушкина нарочито (umysłnie) написано“.

Изъ всего, что извѣстно объ одесской жизни Пушкина, 1823—1824 г.г., никакъ нельзя заключить, что стихотвореніе было написано именно тогда; неизвѣстно даже, былъ ли Пушкинъ тогда лично знакомъ съ Собаньской, и ефремовскую датировку нельзя не признать произвольной. Стараясь примирить ее съ пушкинской датировкой, Модзалевскій³⁾ рѣшилъ: „что касается 1829 г., выставленнаго Пушкинымъ въ изданіи 1832 года, то эта дата можетъ означать время окончательной (?) отдѣлки стихотворенія, первоначальной (?) редакціи которой, въ альбомѣ Собаньской, мы не знаемъ“. Однако, въ такомъ ничѣмъ не оправдываемомъ предположеніи о двухъ редакціяхъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ единственнымъ поводомъ къ нему послужила произвольная датировка Ефремова. Къ тому же извѣстно, что Пушкинъ не разъ встрѣчался съ Собаньской въ концѣ двадцатыхъ годовъ и бывалъ у нея въ 1828 г. вмѣстѣ съ Мицкевичемъ, одно время безумно влюбленнымъ въ нее⁴⁾. Такимъ образомъ пушкинская дата остается непоколебленной⁵⁾.

Въ обоихъ первыхъ своихъ изданіяхъ П. А. Ефремовъ⁶⁾ безъ всякихъ основаній предположилъ, что разсматриваемая пьеса относится къ А. А. Олениной; П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ⁷⁾ и П. Усти-

¹⁾ Свѣдѣнія о ней собраны Б. Л. Модзалевскимъ въ „Архивѣ Раевскихъ“, т. II, стр. 311—314.

²⁾ „Wspomnienia Odessy“..., т. III, Вильно, 1846 г., стр. 229—230; приводимъ эти строки въ переводѣ съ польскаго.

³⁾ „Арх. Раевскихъ“, II, стр. 313—314.

⁴⁾ „Русск. Арх.“ 1872 г., ст. 1906—1907.

⁵⁾ См. „Историч. Вѣстникъ“ 1905 г., июнь, 957; „Труды и дни Пушкина“, изд. 2-ое, стр. 184.

⁶⁾ 1880 г., т. II, стр. 427; 1882 г., т. II, стр. 412.

⁷⁾ Литерат. фонда, II, 63; „Просвѣщенія“, II, 458 (съ невѣрной ссылкой на Анненкова).

мовичъ въ статьѣ объ Олениной¹⁾ уже категорически связали ее съ именемъ Олениной. Не въ томъ дѣло, что, какъ находить г. Модзалевскій²⁾, сравненіе имени поэта „съ узоромъ надписи надгробной на непонятномъ языкѣ“ было бы неумѣстно, если бы Пушкинъ обращался къ А. А. Олениной, русской; это сравненіе, само по себѣ, могло бы быть толкуемо и иначе: поэтъ говоритъ, что имя его будетъ такъ забыто, станетъ такимъ чуждымъ, что альбомный листокъ, гдѣ оно записано, не вызоветъ никакихъ воспоминаній, — и проситъ сохранить память о немъ не на бумагѣ, а въ сердцѣ. Не вдаваясь ни въ какія излишнія, въ данномъ случаѣ, толкованія и предположенія, слѣдуетъ просто принять во вниманіе согласныя показанія Крашевскаго и Максимовича. Пьеса посвящена Каролинѣ Собаньской. Къ этой увлекающейся, бурной натурѣ въ самомъ дѣлѣ такъ подходит намекъ на „волненья новыя и мятежныя“. Великій поэтъ благоговѣлъ передъ кротостью и цѣломудріемъ мадонны, но милы ему были и причудливые пути „беззаконной кометы въ кругу расчисленномъ свѣтилѣ“.

Иной вопросъ, — какъ судить по этому альбомному посвященію о личныхъ отношеніяхъ поэта къ Собаньской. Имя его, сказалъ онъ, не могло дать ея душѣ „воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ“, но изъ этого еще, конечно, не слѣдуетъ, что въ ихъ отношеніяхъ было что-нибудь „нечистое“ и тяжелое, о чемъ ей грустно было бы вспоминать.

Трогательная задумчивость и печальный тонъ пьесы не позволяютъ счесть ее обычнымъ мадригаломъ красавицѣ, а объ увлеченіи Пушкина, хотя бы мимолетномъ, Каролиной Собаньской нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Не любовь сказала въ этомъ стихотвореніи, а, вѣрнѣе, простое „человѣческое“ сочувствіе, нѣжный отголосокъ котораго примирительнымъ аккордомъ завершаетъ печальное дружеское признаніе.

II.

СТИХИ О ГРЕЦИИ.

(Текстъ и хронологія).

Вотъ въ какой редакціи печатается во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина стихотвореніе „Возстань, о Греція“...

Возстань, о Греція, возстань!
Не даромъ напрягаешь силы,
Не даромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Фермопилы.

Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла.

¹⁾ „А. А. Андрю, рожденная Оленина“ — „Русск. Стар.“ 1890 г., авг., стр. 393.
²⁾ I. с.

Страна героев и боговъ,
 Расторгни рабскія вериги
 При пѣньи пламенныхъ стиховъ
 Тиртея, Байрона и Риги.

Такъ напечатана пьеса Анненковымъ ¹⁾, замѣнившимъ точками, по цензурнымъ условіямъ, слово „Святые“ въ седьмомъ стихѣ, восстановленное въ изданіи Г. Н. Геннади ²⁾. Во всѣхъ остальныхъ изданіяхъ, второмъ Геннади ³⁾, трехъ Ефремова ⁴⁾, двухъ Морозова ⁵⁾, вплоть до венгероваго ⁶⁾, помѣщенъ этотъ текстъ, для котораго анненковская редакція служила неопровергаемымъ первоисточникомъ.

Однако есть серьезныя основанія сомнѣваться въ авторитетности анненковскаго текста. Изъ нихъ ближайшимъ является показаніе самого Анненкова, озаглавившаго пьесу:—„Планъ стихотворенія въ честь Греціи“. Слово „Планъ“ ясно указываетъ, что Анненковъ пользовался не отдѣланнымъ оригиналомъ, а работой болѣе или менѣе далеко отстоящей отъ завершения. На это же указываетъ и странное содержаніе второго четверостишія. Въ 7-мъ и 8-мъ стихѣ должно усматривать либо приложеніе къ подлежащему „свобода древняя“, что, конечно, недопустимо, либо самостоятельное предложеніе съ подразумеваемымъ сказуемымъ „возникли“, что столь же мало вѣроятно, такъ какъ трудно приписать Пушкину мысль о восстановленіи „гробовъ Тезея и Перикла“. П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина ⁷⁾, кажется, обратилъ вниманіе на это обстоятельство, когда писалъ: „листокъ отъ Анненкова перешелъ къ г. Шляпкину, но, повидимому, не тотъ, по которому печаталъ Анненковъ“.

Но вотъ вопросъ: былъ ли у Анненкова тотъ „листокъ“, существованіемъ котораго Ефремовъ пытался оправдать анненковскую редакцію? Автографъ пьесы, дѣйствительно принадлежавшій Анненкову, дошелъ до насъ. Онъ описанъ И. А. Шляпкинымъ ⁸⁾. Приводимъ это описаніе со всѣми замѣчаніями г. Шляпкина, позволяя себѣ лишь замѣну цифръ, которыми нумерованы у него сноски, буквами (чтобы не смѣшивать примѣчаній г. Шляпкина съ нашими):

Возстань, о Греція, возстань —
 Недаромъ а) напруг(аешь) силы,
 Не даромъ потрясаетъ брань
 Олимпъ б), и Пиндъ, и Фермопилы.
 Страна в) героев и боговъ
 Разсторгла г) рабскія вериги
 При пѣньи д) пламенныхъ е) стиховъ
 Тиртея, Байрона и Риги
 Подъ сѣнью ветхой ж) ихъ вершинъ
 Свобода юная з) возникла. —
 Тезея гробъ и гробъ и) Перикла
 Средь и) мраморныхъ Аевинъ

¹⁾ Въ VII, дополнит. томѣ его изданія соч. Пушкина, стр. 87—88.

²⁾ 1859 г., I, 28.

³⁾ 1870 г., I, 269—270.

⁴⁾ Т. I, 1880 г., стр. 444—445; 1882 г., стр. 411; 1903 г., стр. 492.

⁵⁾ Т. I, литерат. фонда, стр. 298; „Просвѣщ.“, стр. 343—344.

⁶⁾ II, 179.

⁷⁾ VIII, 196.

⁸⁾ „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, СПб., 1903, стр. 18—19.

а) Было: Твой .... неб(осклонъ) не даромъ; б) было: Парнасть
 в) было: О люб...; г) было: освободилась; д) оба слова написаны
 сверху, раньше было: Объ насть...; е) sic; ж) было: снѣжной;
 з) было: древняя; и) въ оригиналѣ эти четыре слова зачерк-
 нуты, и написано: (на) гробахъ; н) слово средь зачеркнуто,
 какъ и выше слово на; вообще конецъ не дописанъ.

По сообщенію г. Шляпкина, стихотвореніе написано на четвертой
 страничкѣ оборваннаго и сложеннаго полулиста бумаги 1830 г. Аннен-
 ковъ, примѣру котораго слѣпо послѣдовали всѣ другіе издатели, дати-
 ровалъ пьесу 1823 годомъ. Обративъ вниманіе на разногласія рукопис-
 наго и печатнаго текстовъ и на несоотвѣтствіе анненковской датировки
 клейму бумаги, на которой находится автографъ, г. Шляпкинъ выска-
 залъ „три предположенія: а) или что прежніе издатели, начиная съ Ан-
 ненкова, невѣрно прочли 10-й стихъ: „Расторгни“... вмѣсто „Расторгла“...
 и тогда оба отрывка, напечатанное стихотвореніе и наша редакція, пред-
 ставляющая его черновую, относятся къ 1829 г. ¹⁾, когда Греція полу-
 чила благодаря Адрианопольскому миру положеніе свободнаго государ-
 ства, а съ другой стороны въ ней начались новыя междоусобія; или
 б) что Пушкинъ въ 1829 году снова возвратился къ старому, тогда еще
 ненапечатанному стихотворенію и задумалъ передѣлать его на новую
 тему — это предположеніе ²⁾ мало вѣроятно въ виду того, что наше
 стихотвореніе несомнѣнно представляетъ черновую ³⁾,
 или, наконецъ, с) что Анненковъ по своему опредѣлилъ дату, прочелъ и
 напечаталъ наше стихотвореніе“.

Подлинникъ, находящійся нынѣ у г. Шляпкина, былъ въ рукахъ
 Анненкова; и по описанію, и по прямому свидѣтельству г. Шляпкина это —
 черновики. Переданная Анненковымъ „бѣловая“ пьеса озаглавлена:
 „Планъ стихотворенія“, изъ чего слѣдуетъ, что Анненковъ пользовался
 не перебѣленнымъ авторскимъ текстомъ, и что не Пушкину, а Анненкову
 принадлежитъ „чистота отдѣлки“, сквозь которую слишкомъ явно про-
 свѣчиваютъ нелѣпо привязанные къ шестому стиху „святые мраморы“
 и „гроба“. Послѣднимъ обстоятельствомъ особенно подкрѣпляется наше
 убѣжденіе, что у Анненкова двухъ черновыхъ редакцій не было, а была
 только одна, описанная г. Шляпкинымъ черновая, которую Анненковъ
 передѣлалъ начисто, переставивъ строфы, извративъ иныя слова, но изъ
 нѣкоторой осторожности предупредивъ читателя, что это не вполне от-
 дѣланная авторомъ пьеса, а только „планъ“. За Анненковымъ во вре-
 мена котораго, впрочемъ, надо замѣтить, еще далеко не были выработаны
 правильные научные приемы, числится много погрѣшностей подобнаго
 рода.

Отбрасывая второе предположеніе г. Шляпкина, которое онъ самъ
 признаетъ „мало вѣроятнымъ“ и даже не пытается отстаивать, оста-
 новлюсь на двухъ остальныхъ. Въ первомъ г. Шляпкинъ старается
 объяснить, почему издатели (хотя отъ Анненкова до г. Шляпкина ни
 одинъ издатель не задавался провѣркой анненковскаго текста и не обра-

¹⁾ Хотя на бумагѣ клеймо 1830 г., но она могла поступить въ продажу и нѣ-
 сколько ранѣе этого времени.

²⁾ Къ нему присоединился П. А. Ефремовъ (*ibid.*) чтобы оправдать рутинную
 датировку пьесы 1823 годомъ.

³⁾ Курсивъ нашъ.

шался къ первоисточникамъ) датировали пьесу 1823 г., и объясняютъ это ошибочнымъ чтеніемъ „Расторгни“ вмѣсто „Расторгла“: первое можно было сказать только о странѣ еще не освобожденной, т. е. задолго до 1829 г., когда Греція получила свободу; вмѣстѣ съ тѣмъ г. Шляпкинъ склоненъ признавать анненковскую редакцію авторитетной, а свой подлинникъ считать ея черновикомъ. Но мы уже видѣли, что у Анненкова, который самъ назвалъ свою редакцію „планомъ“, никакого бѣловика не могло быть, и потому перейдемъ къ послѣднему предположенію г. Шляпкина: — „что Анненковъ по-своему опредѣлилъ дату, прочелъ ее и напечаталъ стихотвореніе“ по тому самому автографу, который г. Шляпкинымъ описанъ. Къ этому предположенію я присоединяюсь всецѣло.

Анненковъ не только небрежно прочиталъ текстъ и самовластно распорядился съ нимъ, но, не обративъ вниманія на клеймо бумаги, датировалъ пьесу 1823-мъ годомъ предположительно, отнеся ее къ „эпохѣ пребыванія Пушкина на Югѣ, когда глаза всего края были обращены на происшествія въ Греціи“¹⁾. Я уже указывалъ²⁾ на невозможность датирования ея 1823-мъ годомъ, такъ какъ къ концу пребыванія на югѣ отношеніе Пушкина къ эллинскому движенію, прежде восторженное, смѣнилось холоднымъ желаніемъ блага „пакостному народу, состоящему изъ разбойниковъ и лавочниковъ“ и не имѣющему ничего общаго съ „Ѳемистокломъ и Перикломъ“; но пьеса мнѣ казалась написанною на югѣ, и, объясняя восклицаніе: „Возстань“ какъ прямой призывъ возстать, я отнесъ ее къ 1821 г., такъ какъ и по настроенію, и по мыслямъ она вполне гармонируетъ съ отношеніемъ Пушкина къ греческому возстанію въ 1821 году, когда онъ упоенно описывалъ „восторгъ умовъ“, „прекрасныя минуты надежды и свободы“³⁾. Отъ этого предположенія я теперь отказываюсь.

Что стихотвореніе написано не на югѣ, а гораздо позднѣе, это доказывается не только клеймомъ бумаги, но и тѣмъ, что на оборотѣ его Пушкинымъ записанъ другой набросокъ, создавшійся, уже внѣ всякаго сомнѣнія, по случаю Адрианопольскаго мира (2-го сентября 1829 г.); въ немъ прямо говорится: „Въ Эдырне миръ провозглашенъ“, и даже приводятся нѣкоторыя условія мира: „Россія... Югъ облегла... и пол-Евксина подняла“; онъ также описанъ г. Шляпкинымъ⁴⁾. „Возстань“ въ данномъ случаѣ употреблено въ смыслѣ: „воспрянь“, „возникни вновь“. Подъ впечатлѣніемъ Адрианопольскаго мира Пушкинъ написалъ также стихотвореніе „Олеговъ шить“, въ которомъ⁵⁾ высказалъ глубокое удовлетвореніе, доставленное ему такимъ финаломъ войны; въ стихахъ на лицейскую годовщину 1831 года Пушкинъ съ гордостью вспомнилъ о немъ: „воскресла грековъ древнихъ слава“... И. А. Шляпкинъ довольно основательно предположилъ,⁶⁾ что „Возстань, о Греція“... и записанный на оборотѣ набросокъ составляютъ одно цѣлое (осторожнѣе было бы

1) Сочинен. Пушкина, изд. Анненкова, VII, 88.

2) „Русск. Стар.“ 1908 г., мартъ, 661—662; Соч. Пушкина, изд. Венгерова, II, 615—616; „Груды и дни Пушкина“, изд. 2-е, стр. 485—486.

3) См. нашу ст. „Письмо Пушкина о началѣ греческаго возстанія“ — „Русск. Стар.“ 1909 г., апрѣль, 199—206.

4) Тамъ же, стр. 16—17.

5) См. мой примѣчанія къ этому стихотворенію — Соч. Пушкина, изд. Венгерова, т. V, стр. XXXIV—XXXV.

6) Шляпкинъ, 17, 19.

сказать, — продиктованы однимъ и тѣмъ же ходомъ мысли). Поэтому стихотвореніе: „Возстань, о Греція, возстань“... слѣдуетъ датировать приблизительно сентябрёмъ — декабрёмъ 1829 года или началомъ 1830 г. и вносить въ собранія сочиненій Пушкина не въ анненковской редакціи, авторитетность которой не только ничѣмъ не оправдывается, но всѣми вышесказанными доводами совершенно уничтожается, а въ томъ видѣ, въ какомъ набросано оно самимъ поэтомъ. Шляпкинскую передачу, хотя и болѣе осторожную, по тѣмъ же принципиальнымъ соображеніямъ также нужно оставить въ сторонѣ и обратиться, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, къ автографу. Этотъ рациональный пріемъ избавитъ собраніе произведеній Пушкина отъ лишняго, плохо скомпонованнаго и въ значительной степени не-пушкинскаго стихотворенія.

III.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЖУРНАЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПУШКИНА.

1.

Пушкинъ или Гоголь?

Посылая Н. М. Языкову первый томъ „Современника“, Пушкинъ писалъ ему (14 Апрѣля 1836 года): „изъ статей критическихъ моя одна — о Конискомъ“. Но „Разборомъ сочиненій Георгія Конискаго“ (такъ названа статья въ оглавленіи книги), а также большой статьёй Гоголя „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году“, не исчерпывается весь отдѣлъ критики въ первомъ томѣ. Ей посвященъ еще особый отдѣлъ: „Новыя книги“, состоящей изъ рецензій на послѣднія русскія книжныя новости; среди нихъ Пушкинъ помѣстилъ рецензію на гоголевскіе „Вечера на хуторѣ“ и замѣтку объ извѣстномъ переводѣ „Вастолы“ Виланда, которую слѣдуетъ считать собственно не рецензіей, а личнымъ объясненіемъ публикѣ обстоятельствъ, благодаря которымъ на заглавную страницу „Вастолы“ попало имя поэта, перенесшаго за свое доброе желаніе помочь бѣдняку-литератору довольно серьезную неприятность. Ни одна изъ рецензій въ „Новыхъ Книгахъ“ не подписана; не подписанъ и весь этотъ отдѣлъ. Большая часть ихъ, какъ извѣстно, принадлежитъ Гоголю, въ сочиненіяхъ котораго (пользуемся лучшимъ изданіемъ, 10-мъ) онѣ и помѣщены; въ собраніяхъ же сочиненій Пушкина, начиная съ изданія П. В. Анненкова (т. I, стр. 414—416), помѣщаются упомянутыя строки о „Вечерахъ на хуторѣ“ и „Вастолѣ“. Ни одинъ изъ изслѣдователей послѣ Анненкова не потрудился обратить свое вниманіе на отдѣлъ „Новыхъ книгъ“. Анненковъ вполне справедливо приписалъ Пушкину эти замѣтки, „несомнѣнно составленныя имъ“, хотя, не располагая точными данными, тутъ же отнесъ на счетъ Пушкина двѣ рецензіи изъ числа гоголевскихъ.

По подлинной рукописи Гоголя Н. С. Тихонравовъ (Соч. Гоголя, изд. 10-е, V, 522—529 и 661—671) установилъ точно, какія именно рецензіи въ первомъ томѣ „Современника“ принадлежатъ Гоголю. За вычетомъ изъ отдѣла „Новыхъ книгъ“ этихъ рецензій и двухъ пушкин-

скихъ, приходится рѣшить вопросъ объ одной маленькой библиографической замѣткѣ и о заключеніи, которымъ завершается отдѣлъ. Первой не заинтересовался никто; на второе обратили въ свое время вниманіе Кулишъ и Тихонравовъ.

Кулишъ („Записки о жизни Гоголя“, I, Спб., 1856, стр. 166) предположилъ, что „заключеніе обзора писано Гоголемъ“, но ничѣмъ своего предположенія не подтвердилъ. Тихонравовъ (Соч. Гоголя, V, 661) уклонился отъ рѣшенія вопроса: „въ записныхъ книгахъ Гоголя этого заключенія нѣтъ, и мы не рѣшаемся ни утверждать, ни отрицать принадлежность его Гоголю“. Наша попытка рѣшить вопросъ привела насъ къ убѣжденію, что заключеніе написано не Гоголемъ, а Пушкинымъ. Приводимъ этотъ отрывокъ.

„Вотъ книги, вышедшія въ продолженіи первой четверти сего года. О большей части ихъ мы ничего не говорили, потому что о нихъ рѣшительно ничего нельзя сказать. Иныя по значительности своей требуютъ особаго разбора. Иныя, взятыя отдѣльно, не принадлежатъ собственно къ Словесности, которой преимущественно посвященъ журналъ нашъ, но, будучи сложены въ общій итогъ книгъ, входятъ такимъ образомъ въ область Литтературы и въ этомъ отношеніи получили здѣсь мѣсто. Изъ сего реэстра книгъ ошутительно замѣтно преобладаніе Романа и Повѣсти, этихъ властелиновъ современной Литтературы. Ихъ почти вдвое больше противъ числа другихъ книгъ. Безпрерывнымъ появленіемъ въ свѣтъ они, не смотря на глубокое свое ничтожество, свидѣтельствуютъ о всеобщей потребности. Исторія заглядываетъ урывками въ Русскую Литтературу. Капитальныхъ и большихъ Историческихъ сочиненій нѣтъ ни въ переводахъ, ни въ оригиналахъ. На Статистику и Экономію одни намеки. Даже въ знаніяхъ практическихъ, не вторгающихся въ бытъ Литтературный, замѣтно тоже мелководіе“.

Соображенія, по которымъ мы приписываемъ это заключеніе Пушкину, слѣдующія: допустивъ участіе молодого Гоголя въ библиографическомъ отдѣлѣ „Современника“, которое, впрочемъ, пришлось скоро ограничить, Пушкинъ, хотѣвшій быть и бывший, какъ выразился Гоголь („О движеніи“... — „Соврем.“, I, 211), „сильной пружиной“ своего журнала, „виднымъ лицомъ“ въ немъ, едва ли бы позволилъ ему высказать столь рѣшительное и общее мнѣніе, налагающее серьезную отвѣтственность на журналъ. Намекаетъ на авторство Пушкина также выраженіе „журналъ нашъ“. Особенную же вѣроятность нашему убѣжденію придаетъ слѣдующее обстоятельство. Отдѣлъ „Новыхъ книгъ“ начался (стр. 296) обѣщаніемъ, что „книги, означенныя звѣздочкой, будутъ въ послѣдствіи разобраны“. Вскорѣ Пушкинъ объявилъ „отъ редакціи“ („Соврем.“, III, 331—332), что „въ списокѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными, или которыя намѣренъ онъ былъ прочитать; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литтературы, о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не приобрѣлъ“. По сходству послѣднихъ словъ этого заявленія съ тѣми строками приведеннаго заключенія, гдѣ говорится о книгахъ, которыя „не принадлежатъ собственно къ Словесности“, можно съ значительной вѣроятностью предположить, что второе писано тою же рукою, что и первое, — рукою Пушкина.

„Исторія — говорится въ заключеніи — заглядываетъ урывками въ Русскую Литтературу“, въ которой не появляется „капитальныхъ и большихъ Историческихъ сочиненій ни въ переводахъ, ни въ оригиналахъ“. Эта же мысль высказана въ вышеупомянутой краткой библиографической замѣткѣ, также не имѣющей въ гоголевскихъ рукописяхъ. Приводимъ и ее („Соврем.“, I, 302).

„Исторія среднихъ вѣковъ, составленная Берлинскимъ Профессоромъ Циммерманомъ. С.-П.-бургъ. 1836.

Непонятно, отъ чего у насъ Переводчики изъ множества оригинальныхъ сочиненій выбираютъ именно худшее. У насъ не переведены до сихъ поръ Гизо, Тіери, Гюльманъ и проч.“.

Авторъ этой маленькой замѣтки — либо Гоголь, какъ извѣстно, занимавшійся исторіей въ качествѣ специалиста, либо Пушкинъ, также интересовавшійся научно-исторической литературой. Если набросать ее Гоголь, то Пушкинъ въ заключеніи, конечно, воспользовался его наблюденіемъ. Если она принадлежитъ Пушкину, то въ заключеніи онъ повторилъ свое собственное наблюденіе. Во всякомъ случаѣ, замѣтка можетъ быть съ равнымъ правомъ приписываема какъ Гоголю, такъ и Пушкину.

2.

О двухъ замѣткахъ Пушкина.

Намъ извѣстны двѣ попытки отвергнуть принадлежность Пушкину одной рецензіи и одного редакціоннаго объявленія, помѣщенныхъ въ „Современникъ“, и намъ представляется нелишнимъ рассмотреть этотъ вопросъ, такъ какъ изслѣдователямъ и издателямъ произведеній Пушкина придется съ нимъ считаться.

Первая изъ нихъ касается напечатанной въ „Современникъ“, т. III, стр. 310 — 314, рецензіи на „Словарь о Святыхъ, прославленныхъ въ Російской Церкви, и о нѣкоторыхъ сподвижникахъ благочестія мѣстно-чтимыхъ“, которая входитъ въ собранія сочиненій Пушкина начиная съ анненковскаго изданія (т. V, стр. 621 — 623, 636). И. А. Шляпкинъ („Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, СПб., 1903, стр. 242) находитъ, что эта рецензія, „которую обыкновенно приписываютъ Пушкину, и, кажется, безъ достаточныхъ основаній“, — „можетъ быть приписана“ М. П. Погодину. Самъ г. Шляпкинъ никакихъ основаній въ подкрѣпленіе своей догадки не приводитъ такъ же, какъ и Анненковъ, еще разъ указавшій, что эта рецензія принадлежитъ Пушкину (то же изданіе, I, 423), но, замѣтимъ, Анненковъ пользовался такими источниками свѣдѣній, которые для насъ уже не существуютъ или еще остаются недоступными, и къ сожалѣнію, онъ не всегда указывалъ ихъ. Сомнѣваться въ его показанія можно, но для этого мало одной безпочвенной догадки. Въ данномъ же случаѣ послѣдняя сугубо излишня, потому что за принадлежность рецензіи перу Пушкина ручается ея содержаніе, — и намеки на Н. Полевого (въ началѣ рецензіи), и высказанные въ ней нравственные взгляды, и похвала типографіи второго отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи (этой типографіей, въ которой была отпечатана „Исторія Пугачевского бунта“, управлялъ лицейскій товарищъ Пушкина М. Л. Яковлевъ, и поэтъ, очевидно, хотѣлъ доставить пріятелю удовольствіе). Предметъ „Словаря“

живо интересовалъ Пушкина. Онъ однажды писалъ Плетневу, чтобы тотъ посоветовалъ Жуковскому, „если все еще его несетъ вдохновеніемъ — читать Четь-Минею, особенно легенды о кievскихъ чудотворцахъ, прелесть простоты и вымысла!“ (Переписка Пушкина, академич. изд., II, 237). Жалоба Пушкина, который „дивится крайнему нелюбопытству“ людей, „не имѣющихъ никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно“, сходится съ другими его жалобами, — что „мы лѣнливы и нелюбопытны“ („Путешествіе въ Арзерумъ“, гл. II), что „прошедшее для насъ не существуетъ“ („Отрывки изъ романа въ письмахъ“).

Анненковъ же въ своемъ изданіи (I, 419 — 420; V, 635) приписалъ Пушкину помѣщенное во II томѣ „Современника“ (стр. 311 — 312) объявленіе „Отъ редакціи“ о парижской „Хроникѣ Русскаго“ А. И. Тургенева. Повидимому, Анненковъ нѣсколько колебался въ этомъ опредѣленіи; онъ писалъ, что объявленіе „вѣроятно“ принадлежитъ Пушкину; „последнія слова этого объявленія, имѣющія совершенно характеръ Пушкинскій“, онъ выписалъ въ I томѣ („Матеріалы для біографіи“); эти „последнія слова“, впрочемъ, занимаютъ болѣе половины „объявленія“. Однако, Н. И. Тургеневъ въ предисловіи къ „Письмамъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, Лпц., 1872, стр. V, VI, приписываетъ объявленіе князю П. А. Вяземскому („издатель (?) журнала, князь Вяземскій, сдѣлалъ слѣдующее объясненіе“...) Читая неизмѣнно богатыя содержаніемъ заграничныя письма бойкаго на перо и общительнаго А. И. Тургенева, его друзья говорили, какъ писалъ ему однажды Вяземскій: „жаль, что нѣтъ журнала, куда бы выливать весь этотъ кипятокъ, сочный бульонъ изъ животрепещущей утробы настоящаго“ („Ост. Арх.“ III, 281). Скоро Пушкинъ затѣялъ „Современникъ“, и Вяземскій писалъ Тургеневу: „Пушкинъ надѣется на тебя“ (ib., 287), но послѣ появленія въ первомъ томѣ журнала писемъ Тургенева послѣдній сталъ жаловаться, что опубликованіе ихъ причинило ему „большія неприятности въ Парижѣ“, и потребовалъ прекращенія хроники (ib., 318 — 319). Вяземскій успокаивалъ его: „во второй книжкѣ „Современника“ есть оправданіе тебѣ отъ редакціи“ (ib., 321 — 322). Прочитавъ его, Тургеневъ повеселѣлъ и благодарилъ друзей (ib., 323 — 324), и въ IV томѣ „Современника“ появилось продолженіе хроники. Такъ какъ переговоры А. Тургенева съ Пушкинымъ велись черезъ Вяземскаго, то онъ и могъ приписать замѣтку „Отъ редакціи“, въ которой послѣдняя оправдывала Тургенева, принимая на себя грѣхъ нескромности въ пользованіи его письмами, — Вяземскому, а отъ А. Тургенева могъ позаимствоваться этимъ свѣдѣніемъ Н. Тургеневъ. Но блескъ и изящество слога (не говоря уже о прямыхъ указаніяхъ: „мы желали по обязанности редакторской“ и т. под.) слишкомъ ясно обличаютъ пушкинскую руку, и объявленіе о „Хроникѣ“, такъ же, какъ рецензія на „Словарь о Святыхъ“, не должно быть исключено изъ числа журнальныхъ работъ Пушкина.

IV.

Вопросъ объ окончаніи „Братьевъ Разбойниковъ“.

Въ напечатанныхъ при жизни Пушкина изданіяхъ поэмы не было тѣхъ шестнадцати стиховъ, которыми оканчивается она въ посмертномъ

издании (1838 г. т. II, стр. 202) отъ: „Умолкъ и буйной головою“... до: „Она проснется въ черный день“. Редакторы всѣхъ послѣдующихъ болѣе или менѣе критическихъ изданий, Анненковъ, Геннади, Ефремовъ, Поливановъ, Морозовъ, печатали поэму съ этими заключительными стихами. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ издании (Суворинъ т. VIII, 1905 г. стр. 391) замѣтилъ, что отсутствіе въ прижизненныхъ изданіяхъ этихъ стиховъ, „впервые появившихся въ посмертномъ изданіи по неизвѣстной рукописи, однако не даетъ никакихъ основаній считать ихъ не Пушкинскими“. Во второмъ изданіи П. О. Морозова помѣстившаго ихъ ранѣе въ своемъ первомъ изданіи (Литер. Фонда, II, 308), мы ихъ, однако, не находимъ. „Они, говоритъ Г. Морозовъ (изд. „Просвѣщенія“, III, 153), неизвѣстны въ рукописяхъ и явились только въ посмертномъ изданіи, — быть можетъ по недошедшей до насъ рукописи самаго Пушкина, а можетъ быть прибавлены и Жуковскимъ, которому, какъ извѣстно, принадлежить довольно много измѣненій посмертнаго пушкинскаго текста. Мы печатаемъ поэму въ томъ видѣ, какъ она была напечатана при жизни Пушкина, а заключительные 16 стиховъ даемъ въ примѣчаніяхъ“. (См. *ibid.* стр. 622—623).

Между тѣмъ для сомнѣнія въ авторѣ нѣтъ мѣста, и Жуковскій тутъ не при чемъ. Есть прямое указаніе участвовавшаго въ редакціи посмертнаго изданія сочиненій Пушкина, его близкаго друга П. А. Плетнева (Современникъ т. X, 1838 г. Матеріалы біографій русскихъ писателей: А. С. Пушкинъ, стр. 39) на подлинную рукопись Пушкина въ которой находились заключительныя строки поэмы: „прибавленіе къ поэмѣ, найденное въ бумагахъ автора помѣшено въ новомъ его полномъ изданіи на концѣ поэмы“. На цитированныя слова Плетнева ссылается и Л. Поливановъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, изд. 2-е, стр. 84). Найденныя въ бумагахъ Пушкина стихи были присланы Плетневымъ въ сентябрѣ 1837 г. на разсмотрѣніе петербургскаго цензурнаго комитета, который поручилъ цензору А. В. Никитенкѣ разсмотрѣть ихъ (см. „Изв. Имп. Ак. Наукъ“ 1911, стр. 518). Къ какому времени относится заключеніе поэмы сказать невозможно за отсутствіемъ рукописи и какихъ бы то ни было другихъ данныхъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду что самъ Пушкинъ смотрѣлъ на „Братьевъ Разбойниковъ“ не какъ на вполне законченное произведеніе (часть его онъ сжегъ, первоначальный замыселъ былъ гораздо шире), а какъ на отрывокъ изъ поэмы (такъ гласитъ ихъ подзаголовокъ въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 г., гдѣ они появились впервые). Мнѣ кажется что „моральное“ окончаніе произведенія не въ духѣ Пушкина начала 20-хъ годовъ. Не было ли оно написано въ концѣ тридцатыхъ?

Въ связи съ этимъ вопросомъ возникаетъ другой, — вправѣ ли была редакція посмертнаго изданія вводить эти 16 стиховъ въ текстъ? Пушкинъ въ послѣдній разъ напечаталъ свою поэму въ 1835 г. (Поэмы и Повѣсти, ч. 2-я). Если занимающіе насъ стихи были написаны ранѣе этого времени и не были внесены имъ въ „Поэмы и повѣсти“, это вѣроятно должно значить, что онъ ихъ сознательно отбросилъ. Если же они написаны послѣ выхода Поэмъ и Повѣстей, то конечно Плетневъ поступилъ правильно, присоединивъ ихъ къ поэмѣ. Можно допустить также, что Плетневъ, близкій къ Пушкину и помогавшій ему въ его издательской работѣ, пользовался даже точнымъ указаніемъ самаго Пуш-

кина. Если же подобнымъ мотивомъ Плетневъ не располагалъ, и если рукопись на которую онъ ссылается, принадлежала къ болѣе раннему времени, то едва ли онъ имѣлъ право присоединить къ печатному пушкинскому тексту найденное имъ окончаніе поэмы. И съ нимъ, и безъ него она производитъ вполне цѣльное впечатлѣніе. Эти шестнадцать стиховъ несомнѣнно принадлежатъ Пушкину, но можно ли связывать ихъ съ поэмой въ одно цѣлое, — вотъ вопросъ, который при наличныхъ данныхъ мы отказываемся считать поддающимся опредѣленному рѣшенію.

Н. ЛЕРНЕРЪ.

Рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянцевскаго Музея.

Рисунок А. С. Пушкина, из рукописи Румянцевскаго Музея.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПУШКИНА И ИХЪ ПЕРЕДѢЛКИ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СЦЕНѢ ВЪ НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ.

I.

Положеніе Петербургской сцены Николаевской эпохи можетъ быть охарактеризовано, выражаясь по старинному, какъ „печальное позорище“.

Правда, изрѣдка на сценѣ появлялись, подобно блестящимъ, яркимъ метеорамъ, произведенія Гоголя, говоря о томъ, что и для русской сцены загорается новая заря; правда, конецъ этого періода русской жизни далъ намъ Островскаго съ его „Банкротомъ“ или „Свои люди сочтемся“, — но всѣ эти пьесы, жемчужины русской сцены, были исключеніемъ, не болѣе, а показателемъ общаго положенія, лучшей характеристикой русской драматической сцены разбираемой нами эпохи — является водевиль.

„Въ настоящее время“, писалъ въ 1850 году нѣкто П — ъ въ своей статьѣ „Нѣчто о водевилѣ вообще и о русскомъ водевилѣ въ особенности“¹⁾: „водевиль наводнилъ нашу сцену, онъ грозитъ вытѣснить и драму и комедію: онъ преобладаетъ на театральной аренѣ... въ одинъ вечеръ даютъ у насъ по пяти, по шести и даже по семи водевилей“.

Такое положеніе вещей признавалось ненормальнымъ даже и въ то время, и законодатель петербургской сцены, рецензентъ „Сѣверной Пчелы“ Р. S. = Рафаилъ Зотовъ — многозначительно изрекалъ въ одномъ изъ своихъ театральныхъ обзоровъ слѣдующее²⁾:

„Мы охотно допускаемъ водевиль, какъ забавное и веселое препровожденіе времени послѣ хорошей драмы или умной комедіи, но спектакли только изъ водевилей свидѣтельствуютъ о печальной бѣдности литературы“.

Водевиль былъ или переводный или передѣлкою иностраннаго водевиля на русскіе нравы.

Очень часто водевиль своимъ названіемъ какъ бы отвѣчалъ на запросы минуты.

Гастролировали у насъ балетныя знаменитости того времени Марія Тальони и Фанни Эльслеръ — на Александринскомъ театрѣ появлялись водевили „Ложа 1 яруса въ бенефисъ Тальони“ или „Мнимая Фанни Эльслеръ“; возобновились полеты воздушныхъ шаровъ, воспрещенные въ 20-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія, на сценѣ поставили шутку „Шаръ воздушный“; началась постройка Московской желѣзной дороги — поставшикъ театральныхъ піесъ уже доставлялъ: „Нѣсколько лѣтъ впередъ или желѣзная дорога между С.-Петербургомъ и Москвою“, водевиль въ трехъ отдѣленіяхъ.

Составлялись эти водевили очень просто, брался подходящий иностранный водевиль, измѣнялись нѣмецкія или французскія имена на російскія прозвища, вводился какой-нибудь русскій типъ: или пьяный купецъ, или маленькій чинуша — и появлялось новое театральное произведеніе.

При этомъ дѣло не обходилось безъ курьезовъ. Такъ въ бенефисъ любимца публики того времени Максимова 1 былъ данъ водевиль шутка „Максимовъ въ провинціи“ и, не смотря на такое названіе, не смотря на то, что Максимовъ, дѣйствительно, игралъ въ провинціи, шутка оказалась передѣлкою нѣмецкой піесы, не задолго до бенефиса Максимова, игранной въ Петербургѣ же, въ бенефисъ нѣмецкаго артиста Голланда, подъ названіемъ „Holland in Noth“ 3).

Но, если въ русской дѣйствительности не случалось такого явленія — не говоримъ событія, потому что выводить событіе изъ текущей жизни на сцену считалось вполнѣ недопустимымъ, — которое могло бы послужить сюжетомъ для водевиля, то для большей привлекательности, нужно было придумать какое-нибудь сверхъестественное — пусть даже бессмысленное — названіе. И въ этомъ отношеніи поставщики водевилей иногда, дѣйствительно, побивали рекордъ.

Появлялись водевили: „Нѣтъ денегъ, дайте сдачи, мнѣ не съ чѣмъ ѣхать съ дачи“, „Пять лѣтъ въ два часа или какъ дороги утки“, „Два брата съ Арабата, а третій къ нимъ хватъ“ и т. д.

Про первый изъ приведенныхъ нами водевилей писалось: „кто бы могъ думать, что геній человѣческой дойдетъ до того, что простое французское названіе „Riche d'amour“ переведетъ такимъ кудреватымъ и многосмысленнымъ наборомъ фразъ“ 4).

Наконецъ, какъ послѣдній козырь для водевиля того времени было вывести среди дѣйствующихъ лицъ какое-нибудь живое лицо, преимущественно журналиста.

Начало этому въводу было положено княземъ Шаховскимъ въ его водевилѣ „Фениксъ или утро журналиста“, гдѣ былъ представленъ Н. И. Гречъ, причемъ игравшій эту роль артистъ Рязанцевъ далъ точную копію, не только изучивъ и усвоивъ всѣ привычки и манеры Н. И. Греча, но и соблюдая въ гриммѣ полный портретъ изображаемаго имъ лица.

Отмѣтимъ здѣсь же еще и печальной памяти водевиль: „Свои собаки грызутся, чужая не приставай или Семейный судъ“.

Даже въ то время находили 5), что „это самый скучный и безтолковый судъ... піеса тянется, идетъ, спотыкается и падаетъ“.

Но для рецензента „Сѣверной Пчелы“ не отмѣтить этотъ водевиль не было возможности.

„Но есть тутъ лицо весьма забавное“, читаемъ мы дальше: „Виссаріонъ Григорьевичъ Глупинскій, который, точно журналъ, безпрестанно толкуетъ о Гегелевской философіи, о прекраснѣйшей, о объективной индивидуальности, о просвѣщеніи, любезномудріи и моритъ этимъ всю публику со смѣху“.

Намъ не удалось отыскать этого водевиля, кажется, онъ не былъ напечатанъ, хотя, можетъ быть, и сохранился въ тайникахъ архива Императорской дирекціи театровъ, однако, по приведенной выдержкѣ можно судить, что за произведеніе „литературы“, конечно, въ ковычкахъ, былъ этотъ водевиль, но все таки онъ интересенъ, какъ яркій образецъ литературныхъ приемовъ того времени.

Не смотря на строгость цензуры, вывести живое лицо (конечно, Виссаріонъ Григорьевичъ Глупинскій равняется неистовому Виссаріону Бѣлинскому), народное по своимъ мнѣніямъ, подъ такимъ прозрачнымъ псевдонимомъ — разрѣшалось и считалось вполне цензурнымъ.

II.

Кромѣ водевилей другою, также яркою, особенностью сцены Николаевской эпохи были передѣлки.

Чуть только появлялся романъ, повѣсть, рассказъ — ножницы театральныхъ писателей того времени начинали усиленно работать и, самое позднее, въ слѣдующемъ театральномъ сезонѣ новая драма или комедія — сюжетъ заимствованъ — ставилась на сценѣ Александринскаго театра.

Какъ яркій примѣръ передѣлокъ того времени укажемъ, что „какой-то изъ нашихъ сценическихъ писателей“ — цитируемъ одну изъ рецензій ⁶⁾ — „склепалъ изъ баллады Жуковскаго „Людмила“ драму въ трехъ отдѣленіяхъ“ и не только поставилъ ее на сценѣ, но и издалъ отдѣльнымъ изданіемъ, и эта драма имѣла громадный успѣхъ у публики, неоднократно повторялась, а въ провинціи возбуждала фуроръ спустя много и много лѣтъ.

Весьма понятно, что спекулянты того времени не могли оставить безъ вниманія Пушкина — солнце нашей поэзіи — по выраженію одного изъ некрологовъ поэта, и его произведенія.

Мы уже указывали, какъ князь Шаховской съумѣлъ смастерить изъ повѣсти Пушкина „Пиковая дама“ піесу „Хризоманію, драматическое зрѣлище въ трехъ частяхъ и трехъ сценахъ, съ прологомъ, съ эпилогомъ, съ пѣснями“ ⁷⁾.

Въ настоящей статьѣ постараемся собрать всѣ свѣдѣнія того времени о другихъ передѣлкахъ произведеній А. С. Пушкина, а также прослѣдить вообще о постановкахъ произведеній Пушкина въ ихъ неприкосновенной цѣлости и въ измѣненномъ видѣ.

III.

Первымъ по времени былъ поставленъ „Моцартъ и Сальери“, который шелъ въ 1832 году только два раза: 27 Января и 1 Февраля, причемъ въ первый разъ былъ данъ въ бенефисъ одного изъ лучшихъ артистовъ того времени, Брянскаго.

„Моцартъ и Сальери“ былъ данъ цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій и передѣлокъ. Но съ постановкою этого произведенія Пушкина произошла печальная случайность.

„Удивительно, даже не понятно“ — писалось въ „Сѣверной Пчелѣ“⁸⁾, „какъ бенефициантъ, человекъ, понимающій достоинство истинной поэзіи, отважился (надо отдать справедливость, выраженіе допущено слишкомъ сильное) дать эти сцены въ началѣ спектакля: одни изъ зрителей не слышали отъ того, что входили въ залъ, искали свои мѣста, усаживались; другіе, бывшіе уже въ театрѣ, не могли слышать отъ стука дверьми, шарканья ногами входящей публики. Удивительно, непонятно. Чтобы начать спектакль Бѣдовымъ Маскарадомъ (другая пьеса бенефиса Брянскаго) бѣды отъ этого не было бы никому. Правда, что сцены Моцарта и Сальери созданы для немногихъ, но эти немногіе не могли наслаждаться ими вполне“.

Упрекая бенефицианта, „Сѣверная Пчела“, конечно, хорошо знала, что бенефициантъ не виноватъ: распорядокъ спектакля зависѣлъ вовсе не отъ бенефицианта, а отъ дирекціи театровъ, но упрекнуть послѣднюю въ то время было невозможно и поэтому „Сѣверная Пчела“ воспользовалась артистомъ Брянскимъ, — которому она вообще сильно покровительствовала. Но стрѣла, конечно, попадала въ цѣль.

Въ своей рецензіи „Сѣверная Пчела“ подчеркивала, что сцены „Моцартъ и Сальери“ „для немногихъ“ и, дѣйствительно, не смотря на талантливое выполненіе своей роли Брянскимъ — „Моцартъ и Сальери“ Пушкина не выдержалъ даже традиціонныхъ трехъ представлений, которыя давались чуть ли не каждой пьесѣ, попавшей на сцену Императорскихъ театровъ.

Послѣ двухъ представлений, „Моцартъ и Сальери“, — насколько намъ удалось прослѣдить — въ разсматриваемую нами эпоху уже не былъ возобновляемъ.

Въ томъ же, 1832 году были поставлены „Цыгане драматическое представленіе, взятое изъ поэмы Пушкина“.

Въ этомъ году оно шло два раза: 9 и 12 июня, затѣмъ было поставлено одинъ разъ въ 1838 году, тоже въ іюнѣ мѣсяцѣ 4-го числа, и, наконецъ, дано три раза въ 1845 году — 13, 17 и 19 декабря⁹⁾.

Въ 1838 году „Цыгане“ были даны въ бенефисъ талантливаго комика Дюра и вотъ какъ отзывалась критика на попытку Дюра возстановить эту передѣлку или приспособленіе поэмы Пушкина для сцены.

„Среди пустынныхъ степей лѣтнихъ спектаклей, жаркихъ и тощихъ подобно пескамъ Сахары, бенефисъ г. Дюра возвышается, какъ отраднѣйшій оазисъ, привлекающій подъ тѣнь свою усталаго путника, странствующаго по раскаленнымъ улицамъ С.-Петербурга“.

„Сверхъ того въ афишѣ стояло еще одно имя, драгоценное для каждого изъ русскихъ, имя Александра Сергѣевича Пушкина, но мы не будемъ останавливаться на Цыганахъ, которыхъ всякій знаетъ наизусть

и скажемъ только, что такія піесы, какъ „Русалка“ и „Цыгане“ написаны поэтомъ для чтенія, не для сцены, и по тому естественно, что постановка ихъ на театрѣ всегда остается неудачною попыткою“.

„Картина Рафаэля требуетъ дневного свѣта, сцена въ свою очередь требуетъ декораціи, освѣщаемой лампами; поставьте на сцену картину Рафаэля и она потеряетъ все свое достоинство“.

„Тоже самое бываетъ и съ литературными произведеніями, не предназначенными для сцены и этимъ объясняется неуспѣхъ ихъ въ театрѣ“.

Въ этой рецензіи очень характерно слѣдующее: она напечатана всего черезъ годъ съ небольшимъ послѣ смерти поэта, послѣ того, какъ Гречъ получилъ строгій выговоръ отъ Бенкендорфа за слова, напечатанные въ „Сѣверной Пчелѣ“: „Россія обязана Пушкину благодарностью за 22 лѣтнія заслуги на поприщѣ словесности“; Краевскій, редакторъ „Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду“ имѣлъ неприятели за нѣсколько строкъ, напечатанныхъ въ похвалу поэту, Никитенко долженъ былъ вымарать нѣсколько такихъ же строкъ, назначавшихся для „Библіотеки для чтенія“¹⁰⁾, когда всѣ цензора еще помнили хорошо письмо Уварова о статьяхъ по поводу смерти Пушкина¹¹⁾ — и что же? въ этой рецензіи уже появляется фраза: „одно имя драгоцѣнное для каждаго изъ русскихъ—имя Александра Сергѣевича Пушкина“, указывается, что „Цыгане всякій знаетъ наизусть“.

Насколько извѣстно, авторъ рецензіи не получилъ замѣчанія, хотя, можетъ быть, его рецензія и ускользнула отъ аргусовскихъ очей того времени.

Въ 1845 году Цыгане, кажется, были возобновлены специально для Самойловой 2-ой, которая должна была блеснуть исполненіемъ пѣсенки Заиры: „Старый мужъ, грозный мужъ!“

Неуспѣхъ постановки „Цыганъ“ трудно объясняется вышеприведенными причинами.

Дѣло въ томъ, что цыганскія піесы были изъ любимѣйшихъ піесъ того времени. Водевиль „Цыганка“ прошелъ безконечное количество разъ, такимъ же успѣхомъ пользовались и „Цыганскій Таборъ“¹²⁾ и „Картины степной жизни цыганъ“¹³⁾.

Въ литературномъ отношеніи всѣ эти піесы были гораздо ниже передѣлки поэмы Пушкина, въ которой было достаточно вставныхъ нумеровъ цыганскаго пѣнія — главной приманки для публики.

Поэтому приходится не удовлетворяться объясненіями рецензента „Сѣверной Пчелы“ и поискать другого объясненія неуспѣха передѣлки поэмы Пушкина.

Намъ кажется, что мы нашли ключъ этой загадки или, правильнѣе, попали на вѣрный путь.

Въ рецензіи на водевиль „Цыганка“, указавъ, что „весь водевиль былъ составленъ изъ цыганскихъ пѣсенъ, прекрасно набранныхъ и аранжированныхъ нашимъ талантливымъ капельмейстеромъ Котинскимъ“, рецензентъ добавляетъ: „намъ жаль только, что Самойлова прикидывалась цыганкой въ пѣніи. На что это?“ спрашиваетъ театральнй Катонъ того времени и тотчасъ послѣ вопроса: „чтобы быть вѣрной своей роли“, наставительно добавляетъ: „Напрасно, по нашему мнѣнію, если уже подобныя лица выведены на сцену, то надобно ихъ облагораживать!“¹⁴⁾.

Вотъ эта то фраза, пожалуй, и даетъ ключъ къ разгадкѣ неуспѣха передѣлки „Цыганъ“ Пушкина на театральной сценѣ — ихъ просто на просто рѣшили не давать, такъ какъ онѣ должны были „необлагораживающе“ дѣйствовать на публику — мотивы бѣгства Алеко къ цыганамъ, сцена убійства, рѣчи цыганъ, нераскаяніе Алеко, все это возбуждало и сомнѣніе и подозрѣніе.

Конечно, эта наша догадка не имѣетъ подъ собою документальныхъ данныхъ, но въ одной изъ рецензій того времени содержится слѣдующее указаніе ¹⁵⁾:

„Измѣны женъ, допускаемыя на сценѣ, должны быть оправданы какимъ-нибудь обстоятельствомъ, облегчающимъ вину, иначе лицо жены не только не занимательно, но даже отвратительно... литература не много отъ нея (т. е. отъ пьесы, въ которой выведена эта измѣна), выиграла“.

Оправданіе свободы чувства, несуществованія для чувства какихъ либо узъ — чѣмъ и проникнуты „Цыгане“ — могло показаться еще страшнѣе, чѣмъ неоправданная какимъ нибудь обстоятельствомъ измѣна жены.

Наше объясненіе находитъ еще подтвержденіе и въ томъ обстоятельстве, что „Цыгане“ Пушкина шли только въ исключительныхъ случаяхъ — въ бенефисъ Дюра, котораго очень любилъ Императоръ Николай I, или въ дебютъ Самойловой...

Укажемъ еще, что въ 1853 году поставлены были сцены „извѣстной“ — какъ писалось тогда — „не сценической пьесы „Скупой Рыцарь“ ¹⁶⁾, (онѣ были играны только два раза), что въ 1837 году, въ годъ смерти поэта, князь А. А. Шаховской использовалъ поэму Пушкина „Бахчисарайскій Фонтанъ“ въ „романтическую трагедію въ 5 дѣйствій“ ¹⁷⁾ — „Керимъ Гирей“, которая въ 1837 году была поставлена 26 мая, 2 июня, 27 августа, 12 ноября и 29 декабря, и два раза по возобновленіи въ 1851 году 19 и 27 сентября* — и что, наконецъ, Каратыгинъ въ концѣ своей театральной дѣятельности восхищалъ публику, декламируя извѣстныя сцены изъ поэмы Пушкина „Мѣдный Всадникъ“ ¹⁸⁾:

Люблю тебя, Петра Творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ...

IV.

Изъ передѣлокъ и приспособленій произведеній Пушкина къ сценѣ выпалъ сравнительно большой успѣхъ для одной изъ повѣстей Бѣлкина „Барышня Крестьянка“ и для поэмы „Евгеній Онѣгинъ“:

„Барышня Крестьянка“ была дана въ 1839 году 6 разъ: 5, 8, 16 мая, 13 июня, 25 августа и 1 декабря, въ 1840 году 2 раза: 21 января и 9 мая, въ 1841 году 3 раза — 18 августа, 14 и 22 октября, въ 1842 году 3 раза — 19, 31 іюля и 16 декабря и наконецъ, въ 1843 году одинъ разъ —

* Объ этой пьесѣ писалось въ то время слѣдующее: „въ ней такъ много прекрасныхъ, счастливыхъ стиховъ, въ ней роли Заремы почти цѣликомъ писаны Пушкинымъ. Обставленъ былъ Керимъ Герей лучшими нашими сюжетами съ величайшею роскошью и великолѣпіемъ, а новыя декорации съ настоящимъ фонтаномъ, представляющія дворъ Бахчисарая, превосходно устроены Роленомъ“.

19 августа, т. е. эта передѣлка не сходила со сцены въ течение пяти лѣтъ, а это было, по тому времени, большимъ успѣхомъ

Передѣлалъ повѣсть покойнаго Бѣлкина г. Коровкинъ, одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ и умѣвшихъ уловить настроеніе публики водевилстовъ. Въ первый разъ передѣлка шла въ бенефисъ Самойловой 2-ой.

Впечатлѣніе отъ водевиля и сама передѣлка повѣсти въ водевилъ, судя по отзывамъ того времени, были слѣдующія:

„Мы съ наслажденіемъ читали повѣсти Пушкина“, начинается свой разборъ рецензентъ¹⁹⁾ и тотчасъ задаетъ вопросъ: „а какъ то смотрѣть ихъ на сценѣ. Посмотримъ“.

Далѣе слѣдуетъ пересказъ пьесы:

„Пьеса Коровкина не сжата, а коротка, такъ коротка... словомъ короче воробынаго носа. Вотъ она сцена за сценой:

1. Барышня и служанка разговариваютъ. Служанка говоритъ, что видѣла хорошенькаго сосѣда Берестова, барышня говоритъ, что хочетъ его видѣть и для этого наряжается крестьянкой. 2. Г. Муромскій, помѣщикъ, англоманъ, который въ ссорѣ съ Берестовымъ хочетъ ѣхать верхомъ и ѣдетъ. 3. Сцена остается пустою. 4. Г. Берестовъ старикъ съ Бубновымъ идутъ на охоту, но не стрѣляютъ дичи, а только говорятъ о томъ, о семъ, причемъ упоминается, что Берестовъ хотѣлъ бы женить сына на дѣвицѣ Муромской. 5. Муромскій-медвѣдь падаетъ съ лошади. Берестовъ помогаетъ ему встать, за это они мирятся. Всѣ уходятъ, сцена пустая. 7. Берестовъ идетъ на охоту, ему попадается Лиза Муромская, въ видѣ крестьянки; нашатнувшись на такую птицу, Берестовъ тратитъ весь свой сердечный порохъ, стрѣляетъ въ нее любезностями, обнимаетъ, цѣлуетъ и обучаетъ грамотѣ. Лиза поетъ: Ахъ вы, молодчина и Какъ вечеръ тоска нападаетъ, сочиненіе И. А. Рупини, размѣтается всѣхъ приводитъ въ восторгъ, потому что и складъ и голосъ пѣсней отличный...“

Продолжая въ такомъ же юмористическомъ тонѣ свой пересказъ пьесы, рецензентъ заканчиваетъ его: „выходятъ всѣ, Муромскій смѣется, Берестовъ 1-й изумляется, Лиза влюбляется, а Берестовъ 2-й на ней женится“.

Резюме критика таково:

„Изъ этого видно, что автору негдѣ было развить характеръ, запутать движеніе, распустить соль, вся пьеса длится $\frac{3}{4}$ час. Хотя водевилъ и названъ оригинальнымъ, ядовито добавляетъ Ѳ. Кони, но собственно оригинальнаго въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ одной мысли Пушкина нарядить барышню крестьянкою. Но въ повѣсти подробности разсказа, слогъ, искры ума наблюдательнаго и быстраго, придають ей прелесть. Сцена потребуетъ своего колорита: если не полность характеровъ, то по крайней мѣрѣ рѣзкихъ очерковъ. Передѣлкѣ не посчастливилось, по всему видно, что пьеса была сдѣлана на скорую руку и для одного лица“.

Такимъ образомъ отношеніе г. Коровкина къ произведенію Пушкина было болѣе, чѣмъ легкомысленное, нужна была пьеса для бенефиса, подходящей темы не находилось, а такъ какъ бенефицианткой была Самойлова 2, то можно было надѣяться, что вслѣдствіе талантливой игры артистки всякая пьеса сойдетъ — почему же не воспользоваться именемъ

Пушкина, тѣмъ болѣе, что это имя, безъ сомнѣнія, должно привлечь публику.

И, дѣйствительно, г-жа Самойлова — продолжаемъ цитировать отзывъ — „показала тутъ свой разнообразный талантъ въ полномъ блескѣ. Не говоря уже о томъ, что русскія пѣсни поетъ превосходно, она сыграла свою метаморфозу изъ свѣтской милой дѣвушки въ простую деревенскую дѣвку и потомъ въ чопорную англичанку съ такимъ правдоподобіемъ, искусствомъ и умомъ, что едва ли можно было повѣрить, что эта артистка всего только пять мѣсяцевъ на сценѣ“.

Но, если повѣсть „Барышня Крестьянка“ была передѣлана въ пьесу на скоро, то неизвѣстный передѣльватель „Евгенія Онѣгина“, судя по отзывамъ того времени, отнесся къ дѣлу вполнѣ серьезно и добросовѣстно.

Передѣлка „Евгенія Онѣгина“ въ первый разъ шла 24 апрѣля 1846 года опять таки въ бенефисъ Самойловой, затѣмъ эта передѣлка давалась 26, 29, 30 апрѣля, 2, 6, 8, 23 мая 1846 года, 2 декабря 1849 года, 12 января, 1 февраля, 26 мая 1850 года и 2 июля, 27 и 30 августа и 23 ноября 1851 года.

„Главною пьесою бенефиса, такъ начинается рецензія²⁰⁾, былъ „Евгеній Онѣгинъ“. Конечно, каждый изъ зрителей, не видавъ пьесы, могъ заранѣе знать въ чемъ дѣло и быть увѣреннымъ, что изъ поэмы, продолжающейся нѣсколько лѣтъ, нельзя сдѣлать драмы, разыгрываемой въ продолженіи двухъ часовъ. Условія той и другой слишкомъ различны“ — настойчиво подчеркиваетъ театральныи обозрѣватель — „но какъ же не взглянуть на подобную новость, какъ же не послушать стиховъ нашего великаго народнаго поэта!“

„Всѣ бросились на этотъ спектакль“ — констатируетъ Р. Зотовъ — „и если и не нашли пьесы, то всѣ были довольны поэмою, потому что всякій зналъ ее наизусть. Отъ насъ, конечно, не потребуютъ, чтобы мы рассказали ея содержаніе: кто не знаетъ его. Составитель пьесы (вѣдь нельзя же его назвать авторомъ) вставилъ кое-гдѣ и свои стишки для общей связи и смысла сценъ и какъ ни слабо вышло все это сценическое твореніе, но мы всетаки благодарны этому г. сочинителю за удовольствіе, доставленное намъ стихами Пушкина“.

„Драма раздѣлена на 4 картины: 1) письмо, 2) отвѣтъ словесный Онѣгина, эпизодъ ссоры его съ Ленскимъ, дуэль и смерть послѣдняго, 3) встрѣча Онѣгина съ княгинею Домскою, 4) объясненіе Онѣгина въ любви и отвѣтъ Тани. Тѣмъ и кончается пьеса. Словомъ, повторимъ, что пьесы тутъ нѣтъ и не могло быть, а есть только отрывки поэмы“.

Давъ такой подробный разборъ передѣлки „Евгенія Онѣгина“ для сцены, рецензентъ начинаетъ разборъ игры артистовъ вопросомъ: „что могли изъ нихъ (т. е. изъ отрывковъ поэмы) сдѣлать дѣйствующія лица?“

Отвѣтъ для большинства игравшихъ отрицательный:

„Каратыгинъ 1-ый игралъ или лучше сказать читалъ, потому что играть было нечего, роль Онѣгина. При всемъ его (т. е. Каратыгина) высококомъ дарованіи, при всей къ нему неизмѣримой любви публики, онъ не могъ своею не сценическою ролью исторгнуть обычныя рукоплесканія у зрителей, привыкшимъ къ сильнымъ потрясеніямъ“.

Исключеніемъ была Самойлова 2.

„Гораздо счастливѣе его, т. е. Каратыгина“, продолжаетъ критикъ, „была г-жа Самойлова 2, игравшая роль Тани. Ея объясненіе съ нянею и чтеніе письма заслужили всеобщую похвалу, но, когда въ четвертой картинѣ она говоритъ Онѣгину свой знаменитый отвѣтъ на его любовное объясненіе, театръ разразился самыми оглушительными рукоплесканіями. Признаемся“, добавляетъ Р. Зотовъ, „мы еще въ первый разъ видимъ ея талантъ въ такомъ истинномъ, неподражаемомъ блескѣ. Эта минута потрясла насъ какою то электрическою струею; мы были въ восторгѣ“.

Но, оказывается, Самойлова 2 не удовлетворилась этими восторгами публики, продолжала работать надъ ролью „Татьяны“ и когда черезъ 5 лѣтъ, 21 іюля 1851 года, она снова выступила въ этой роли, то у того же критика вырвались слѣдующія, искреннія строчки²¹⁾:

„Нынѣшній разъ она, т. е. Самойлова, даже придала этому отрывку (объясненію съ Онѣгинымъ) другой видъ: прежде она говорила въ видѣ твердой оскорбленной женщины, дающей урокъ своему преслѣдователю, нынѣ она играла Таню, все еще любящую Онѣгина и почти падающую подъ бременемъ этого чувства. Первое исполненіе было эффектно для сцены, нынѣшнее намъ нравится больше по физиологіи чувства и по женственности выраженія“.

Мы исчерпали собранный нами матеріалъ; укажемъ еще, что въ 1838 году 25 Апрѣля, 1, 6, и 8 Мая на Александринской сценѣ ставилась „Русалка“ —²²⁾ но мы, къ сожалѣнію, не могли прослѣдить, была ли это передѣлка произведенія Пушкина или возобновленіе старой пьесы чуть ли не Александровскихъ временъ.

V.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что почти всѣ крупныя произведенія Пушкина, которыя такъ или иначе могли пойти на сценѣ, были поставлены въ разсматриваемый нами періодъ времени.

Отношеніе передѣльвателей было почти одинаково, какъ при жизни поэта, такъ и послѣ его смерти, авторы драматическихъ произведеній съ аншлагомъ: сюжетъ заимствованъ изъ Пушкина, не церемонились съ произведеніями поэта, заботились только о личномъ успѣхѣ, и объ успѣхѣ тѣхъ актеровъ, для бенефиса которыхъ эти пьесы составлялись.

Далѣе, также одинаково было и отношеніе театральныхъ рецензентовъ того времени, они усиленно подчеркивали, что литературныя произведенія назначены для чтенія, а не для сцены и отдавая все должное таланту поэта и даже какъ будто пользуясь случаемъ подчеркивать все значеніе гениальнаго русскаго поэта А. С. Пушкина, рецензенты, какъ бы съ печалью, констатируютъ неудачу передѣлки...

А публика? Къ сожалѣнію, какъ относилась публика, судить трудно.

Количество представлений, которыя выдерживала та или другая пьеса въ то время далеко не обозначало успѣхъ.

Дирекція театровъ мало считалась съ мнѣніемъ публики, нерѣдки бывали случаи, когда публика встрѣчала пьесу шиканіемъ, а дирекція театровъ какъ будто на зло публикѣ, которая дерзнула высказать свое мнѣніе, неукоснительно продолжала ставить эту пьесу.

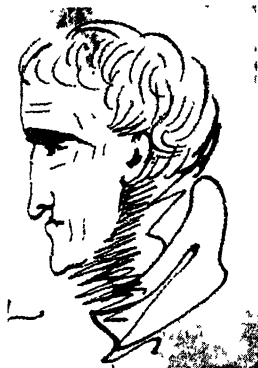
Театръ, конечно, пустовалъ, но вѣдь дирекція обращала слишкомъ мало вниманія на сборы.

Но всетаки, можно думать, что большинство передѣлокъ для сцены произведеній Пушкина было настолько неудачно, что и публика относилась къ нимъ холодно.

П. Столпянский.

ПРИМѢЧАНІЯ:

- 1) „Сѣверная Пчела“ 1850, № 13.
- 2) ib. 1851, № 203.
- 3) ib. 1846, № 14.
- 4) ib. 1846, № 252.
- 5) ib. 1839, № 26.
- 6) ib. 1830, № 75. 77. 1831, № 115. 1842 №, 258.
- 7) „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ“ 1911, № 4.
- 8) „Сѣверная Пчела“ 1832, № 28.
- 9) ib. 1832, № 143. 1838, № 158. 1845, № 290.
- 10) Никитенко, дневникъ т. 1, ст. 285.
- 11) „Шукинскій Сборникъ“. т. 1. ст. 298.
- 12) „Сѣверная Пчела“ 1832, № 117.
- 13) ib. 1851, № 295.
- 14) ib. 1850, № 21.
- 15) ib. 1850, № 36.
- 16) ib. 1853, № 76.
- 17) ib. 1837, № 190.
- 18) „Мѣдный всадникъ“ ставился 1850 г. 10 мая, 1851 г. 27 августа.
- 19) „Сѣверная Пчела“ 1839, № 114.
- 20) ib. 1846, № 98.
- 21) ib. 1851, № 203.
- 22) Дни постановки пьесы мы взяли изъ составленнаго нами изъ „Сѣверной Пчелы“ репертуара пьесъ Николаевской эпохи; намъ, къ сожалѣнію, не удалось пользоваться афишами, хранящимися въ дирекціи театровъ.

Рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянцевскаго Музея.

2 рисунка А. С. Пушкина, из рукописей Румянцевскаго Музея.

ПЕРВОЕ ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.

Въ маѣ 1837 г. всѣ русскіе губернаторы получили отъ имени тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудова оффиціальное оповѣщеніе, что „наша словесность лишилась одного изъ знаменитыхъ талантовъ, ее украшавшихъ. Преждевременная кончина Пушкина поразила друзей литературы и отечественной славы, и Государь Императоръ, первый покровитель всѣхъ высокихъ дарованій въ своемъ государствѣ, изъявивъ особое милостивое участіе въ судьбѣ покойнаго, осыпалъ своими монаршими щедротами оставленное имъ въ сиротствѣ семейство. Для усиленія всемилостивѣйше дарованныхъ оному пособій, опека, учрежденная надъ малолѣтними дѣтьми умершаго поэта, приступила съ соизволенія Его Императорскаго Величества къ изданію новаго полного собранія всѣхъ доселѣ напечатанныхъ сочиненій его“. Министръ, — зная, „сколь много творенія хорошихъ писателей способствуютъ совершенствованію языка, образованію вкуса и вообще возвышенію чувствъ изящнаго“, вмѣнялъ себѣ „въ пріятную обязанность покорнѣйше просить“ каждаго начальника губерніи „принять участіе въ раздачахъ билетовъ на собраніе сочиненій Пушкина всѣмъ любителямъ литературы, всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія“. „Кажется, нельзя сомнѣваться — заканчиваетъ Блудовъ, — что русскіе всѣхъ сословій, всегда на поприщѣ славы и добра одушевляемые примѣромъ своего Монарха, захотятъ и въ семъ случаѣ, почтивъ память поэта, съ тѣмъ вмѣстѣ способствовать и обезпеченію благосостоянія сиротъ дѣтей его“¹⁾.

Вслѣдъ засимъ губернаторскія канцеляріи облетѣлъ маленькій, напечатанный на самой простой бумагѣ листокъ въ двѣ странички, подписанный оберъ-шенкомъ графомъ Г. Строгановымъ, шталмейстеромъ графомъ М. Вельгорскимъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ В. Жу-

¹⁾ „Р. Архивъ“, 1893, № 9, стр. 121.

ковскимъ и камеръ-юнкеромъ Н. Атрѣшковымъ. То было „Объявленіе объ изданіи полныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ А. С. Пушкина въ пользу его семейства“. Въ немъ указывалось, что все изданіе будетъ состоять изъ шести томовъ въ 8-ю долю листа, цѣною, по подпискѣ, на ординарной бумагѣ 25 р. ассигнаціями, а на веленовой—40 р. Обращаться для пріобрѣтенія изданія рекомендовалось: иногороднимъ — къ служащему въ С.-Петербургскомъ почтамтѣ надворному совѣтнику Петру Андреевичу Штеру, а живущимъ въ Петербургѣ — въ Газетную Экспедицію Почтамта. Ниже скромно пріотились имена Василя Андреевича Жуковского, князя Петра Андреевича Вяземскаго и Петра Александровича Плетнева, — лицъ принявшихъ на себя „надзоръ за изданіемъ“. Текстъ объявленія былъ надлежащимъ образомъ „конфирмантъ“ подписью цензора А. Фрейганга, который, по словамъ П. Анненкова, „пользовался репутациею тонкаго эксперта по части отгадки тайныхъ авторскихъ намѣреній, благодаря только его привычкѣ встрѣчать всякую незаурядную мысль и сильное чувство вопросомъ объ ихъ происхожденіи и, по своему усмотрѣнію, опредѣлять, благонадежно ли оно и имѣетъ ли прямыя доказательства своей законности“.

По полученіи „бумаги“ Блудова были повсюду разосланы циркулярныя предписанія всѣмъ земскимъ исправникамъ, уѣзднымъ предводителямъ дворянства и городскимъ головамъ съ предложеніемъ пригласить „лицъ всѣхъ сословій къ подпискѣ на сочиненія Пушкина. На юбилейной пушкинской выставкѣ въ Московскомъ историческомъ музеѣ въ 1899 г. фигурировалъ проектъ краткаго отчета опеки надъ дѣтьми А. Пушкина за четыре года, т. е. по 1 января 1841 г. Изъ него можно убѣдиться, что опекою было получено отъ подписчиковъ на сочиненія Пушкина 262,075 р. 40¹/₂ коп. ассигнаціями и 532 р. 60 к. серебромъ. Смѣта же на изданіе, составленная управляющимъ типографіею при Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ кол. сов. Я. Я. Рейхелемъ опредѣлила цифру расхода въ 51.299 р.

П. Юдинъ, имѣвшій возможность ознакомиться въ Астраханскомъ губернскомъ архивѣ съ подлинными дѣлами о подпискѣ на сочиненія Пушкина, обратилъ вниманіе, что никто изъ городничихъ, изъ полицейскихъ чиновъ, членовъ суда, а особенно изъ духовенства, но еще болѣе странно, изъ представителей народнаго просвѣщенія, не откликнулся на призывъ изъ Петербурга. А между тѣмъ разошлось тамъ 52 экземпляра изданія. Охотнѣе всего реагировало купечество... ¹⁾

Въ декабрѣ 1838 г. въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ (стр. 1015) помѣшено было объявленіе отъ опеки, что возложенное на нее изданіе полныхъ, вышедшихъ въ свѣтъ при жизни А. С. Пушкина сочиненій, отпечатано и раздается подписавшимся... Но какъ число собранныхъ сочиненій оказалось значительно и не могло быть выпущено въ шести предположенныхъ томахъ, то и издано восемь томовъ. При нихъ прилагается портретъ А. С. Пушкина, гравированный г. Уткинымъ и снимокъ его почерка. Біографическія же о немъ извѣстія не могли быть изданы нынѣ опекою, по несобранію полныхъ свѣдѣній о литературномъ поприщѣ А. С. Пушкина, тѣмъ болѣе, что опека приступаетъ вслѣдъ засимъ къ изданію найденныхъ по смерти А. С. Пушкина непечатанныхъ сочиненій его“.

¹⁾ Р. Арх. 1899 г. № 7, стр. 139.

Но и восемь томовъ не смогли исчерпать литературнаго наслѣдія Пушкина и вотъ тогда то выступило на сцену „издивленіе Ильи Глазунова, Матвѣя Заикина и К^о“, прибавившее къ восьми томамъ еще три, цѣною, также по подпискѣ, въ 25 и 30 рублей, и закончившее первое посмертное изданіе сочиненій Пушкина въ 1841 г.

„Наступило время важнаго труда русской современной критикѣ“, признался Н. Полевой¹⁾, „она должна подать голосъ свой... Общій голосъ, говоря вообще, тотъ, что почтеннѣйшіе издатели не вполнѣ оправдали ожиданіе соотечественниковъ. Не говоря уже томъ, что безмѣрно дорогою цѣною лишили они многихъ возможности имѣть полныя сочиненія Пушкина, ни о томъ, что они томили насъ, издавая пять лѣтъ, но и самое изданіе не соотвѣтствуетъ участію и благоговѣнію, какія хранимъ мы къ памяти поэта. Начать съ того, что изданіе книги некрасиво и небрежно напечатано, даже съ ошибками и непростительными опечатками. Далѣе! для чего было издавать сначала восемь, а потомъ еще три тома? Отъ того пьесы перемѣшались, проза и стихи перепутались, не представляя никакой системы въ своемъ расположеніи... Почтенные издатели не приложили даже никакого предисловія, никакихъ поясненій, они лишили насъ даже нѣкоторыхъ напечатанныхъ прежде замѣтокъ и примѣчаній Пушкина... Не говоря уже о принадлежностяхъ, которыя считаются необходимыми при хорошихъ изданіяхъ каждаго замѣчательнаго писателя, какъ-то: библиографическихъ свѣдѣніяхъ о прежнихъ изданіяхъ, вариантахъ, примѣчаніяхъ... Издано сочиненіе его такъ небрежно, какъ будто они не такія творенія, которыя драгоцѣнны отечеству, а собраніе стиховъ и прозы какаго-нибудь писателя обыкновеннаго“.

Еще по выходѣ въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ кислую мину строилъ „Сынъ Отечества“²⁾, указывая, что „усердіе соотечественниковъ къ памяти великаго поэта и огромныя средства издателей, при усовершенствованіи печатаемыхъ нынѣ въ Россіи книгъ со стороны типографической, все обѣщало намъ изданіе достойное славы Пушкина... а между тѣмъ, не говоря уже ни о чемъ другомъ, какъ-то: примѣчаніяхъ, поясненіяхъ, хронологіи твореній Пушкина и проч. и проч., чѣмъ должно было и могло ознаменоваться полное собраніе нашего единственнаго поэта, неуклюжій форматъ и сѣрая бумага восьми изданныхъ томовъ рѣшительно не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ, какія могли имѣть читатели на полное собраніе сочиненій пѣвца Полтавы и Годунова“.

Детальнѣе, но зато рѣзче, разборъ, сдѣланный обозрѣвателемъ „Отечественныхъ Записокъ“³⁾ по выходѣ послѣдняго, одиннадцатаго тома. „Всѣмъ извѣстно — устанавливаетъ онъ — что восемь томовъ сочиненій Пушкина изданы, послѣ смерти его, весьма небрежно во всѣхъ отношеніяхъ — и типографскомъ (плохая бумага, некрасивый шрифтъ, опечатки, а индѣ и искаженный смыслъ стиха), и редакціонномъ (пьесы расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, а по родамъ, изобрѣтеннымъ Богъ знаетъ чьимъ досужествомъ). Но что всего хуже въ этомъ изданіи — это его неполнота: пропущены пьесы, помѣщенные самимъ авторомъ въ четырехъ-томномъ собраніи его сочиненій, не говоря уже о пьесахъ,

¹⁾ „Р. Вѣстникъ“, 1842, т. 5, стр. 39.

²⁾ 1838 г. т. 6, стр. 111.

³⁾ 1843, т. 28 стр., 19. Статья В. Бѣлинскаго.

напечатанныхъ въ „Современникѣ“ и при жизни и послѣ смерти Пушкина... Пропущено такъ много, что изъ дополненія составилъ бы цѣлый томъ, и тогда полное собраніе сочиненій Пушкина состояло бы пока изъ двѣнадцати томовъ“.

Авторъ „Литературной Лѣтописи“, печатавшейся въ „Библиотекѣ для Чтенія“¹⁾ высказывалъ сожалѣніе, что „по примѣру собирателей всякихъ разныхъ произведеній едва умершаго Гете, издатель новаго собранія сочиненій Пушкина счелъ долгомъ напечатать безъ разбору все, что могъ собрать изъ его неизданныхъ трудовъ. Всѣ благоразумные почитатели Пушкина будутъ сожалѣть объ этой неумѣстной поспѣшности, надлежало сдѣлать, напротивъ, осторожный выборъ и устранить многія изъ мелочей, внесенныхъ въ это собраніе.“

Въ мягкомъ тонѣ выдержано „Письмо“ къ издателю „Москвитянина“, вышедшее изъ подъ пера И. Добр — на²⁾). Для послѣдняго ясно, что „издатель хотѣлъ сохранить всякую черту поэта. Такъ и должно быть! Такъ издаютъ въ Европѣ Гете, Байрона и всѣхъ великихъ писателей. Для истинныхъ почитателей генія это величайшій подарокъ и заслуга: они думаютъ что всякая мысль его есть завѣтъ потомству. Когда поприще завершено имъ, когда всѣ отношенія земныя кончились для него, никто не имѣетъ права считать то или другое произведеніе его, тѣмъ болѣе въ полномъ изданіи, достойномъ остракизма Здѣсь нѣтъ мѣста мысли о выборѣ: здѣсь должно быть все: chefs-d'oeuvre предоставляются хрестоматіямъ... Вотъ почему очень жаль, что по какому то странному недосмотру въ изданіи Пушкина пропущены многія пьесы“.

Въ положительномъ для изданія смыслѣ высказались въ разное время „Галатея“ и „Московский Наблюдатель“. Первый журналъ³⁾ называетъ изданіе „истиннымъ подаркомъ для читателей и по дешевизнѣ, и что всего важнѣе, по внутреннему достоинству. Изданіе могло быть лучше, роскошнѣе, но оно хорошо, и такъ какъ есть. Благодарность издателямъ“. Литературный хроникеръ московскаго органа склоненъ считать новое явленіе на книжномъ рынкѣ не „великолѣпнымъ, но очень опрятнымъ изданіемъ, къ тому же еще и очень вѣрнымъ, что составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ всякаго хорошаго изданія“⁴⁾.

Любопытно, что самъ „неистовый Виссаріонъ“ разгромившій внѣшніе недочеты первыхъ восьми томовъ изданія, вышедшихъ подъ наблюденіемъ опеки, считаетъ, что „послѣдніе три тома сдѣланы компаніей издателей-книгопродавцевъ, которые, что могли сдѣлать, какъ издатели сдѣлали хорошо, т. е. издали эти три тома красиво и опрятно“.

Зато тѣхъ же Глазунова и Заикина сердито ужалила „Сѣверная Пчела“ перомъ Ѳаддея Булгарина⁵⁾, не простившаго ихъ объявленіе объ издаваемыхъ ими трехъ томахъ сочиненій Пушкина, гдѣ было сказано, что „имя Пушкина принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ именъ, которыя всякій русскій произноситъ съ гордостью и чувствомъ глубочайшей благодарности“. Булгаринъ нашель, что подобное мнѣніе страдаетъ преувеличенностью и говорить такъ можно лишь о людяхъ, „которые

1) 1841, т. 49, стр. 4.

2) Тамъ же, 1841, т. 5, стр. 457.

3) 1839 г., ч. 2, стр. 653.

4) Тамъ же, 1838, ч. 16, стр. 465.

5) Тамъ же, 1840, № 247.

способствовали трудами своими и усердною службою къ преуспѣянію великихъ предначертаній мудрыхъ царей русскихъ“.

Нѣсколько словъ о неосуществившемся планѣ нѣкогого Кирѣева, кажется, бывшего въ концѣ сороковыхъ годовъ управляющимъ петербургскою конторою императорскихъ театровъ. Суть его предложенія выясняется изъ нижеслѣдующаго письма А. А. Краевского къ князю В. Ѳ. Одоевскому, 22 января 1840 г. (Р. Стар., 1904, стр. 581):

„Отыщите гдѣ нибудь и какъ нибудь Жуковскаго или Веліогорскаго нынче-же (ибо дорогà минута) и объявите имъ, что нѣкто богатый и образованный человѣкъ Кирѣевъ, изъ благоговѣнія къ памяти Пушкина, рѣшается пожертвовать большею частью своего капитала на покупку и самое роскошное и исправное изданіе всѣхъ его сочиненій, на лучшей бумагѣ, со всѣмъ типографскимъ изяществомъ, дастъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ сколько дають купцы, просить прислать ему (черезъ меня) требованія опеки, а съ своей стороны предлагаетъ одно условіе: позволить ему сдѣлать изданіе полное, т. е. перепечатать подъ одну масть и напечатанные уже 8 томовъ Пушкина. Само-собою разумѣется, что онъ заплатитъ деньги и за оставшіеся 5,000 экз. прежняго изданія, хотя съ ущербомъ для себя, и не пуститъ ихъ въ продажу, а просто оставитъ у себя или подаритъ ихъ опекѣ съ условіемъ истребить ихъ, ибо это изданіе онъ не считаетъ достойнымъ Пушкина. Единственное его желаніе—сдѣлать изданіе монументальное, достойное памяти Пушкина, и, можетъ быть, современемъ, возвратитъ свои издержки... Неужели такой благородный порывъ не встрѣтитъ отвѣта въ душѣ Жуковскаго, и онъ охотнѣе продастъ Пушкина торгашу, который чертъ знаетъ по-каковски издастъ его, на оберточной бумагѣ, а откажетъ человѣку благомыслящему, который, забывая собственныя выгоды, жертвуетъ частью своего состоянія, что-бъ воздать должное великому поэту, подарившему ему въ жизни много сладкихъ минутъ? Прибавьте къ этому, что Кирѣевъ будетъ просить извѣстныхъ литераторовъ смотрѣть за исправностью корректуры и вообще изданія—словомъ, рѣшается употребить все, чтобъ только издать Пушкина достойнымъ его образомъ“.

Вл. Андерсонъ.

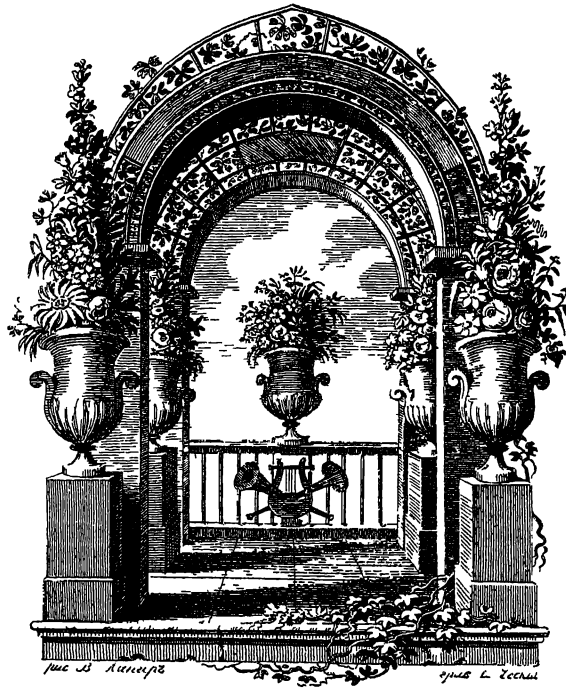
Рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянцевскаго Музея № 2375.

*А. С. Пушкина. Бюст работы Веры Федоровны Штейн.
Собств. Пушкинского Музея.*

Виньетка В. Лангера, из Альманаха «Северные Цветы» 1829 г.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

1.

17 Сентября 1870 года — по единогласному отзыву театральныхъ рецензентовъ того времени — на сценѣ Маринскаго театра должно было быть большое торжество.

Была поставлена въ первый разъ трагедія Пушкина „Борисъ Годуновъ“.

Главные роли въ этой трагедіи были распредѣлены между слѣдующими артистами. Самозванецъ — Самойловъ, Борисъ Годуновъ — Леонидовъ, Пимень — Григорьевъ, Мнишекъ — Каратыгинъ, Варлаамъ — Бродниковъ, Мисаиль — Горбуновъ, Марина — Струйская 1, Рузя — Боброва, Хозяйка корчмы — Воронова.

Но если всѣ газеты того времени единодушно привѣтствовали постановку „Бориса Годунова“, то не менѣе единодушны были они и въ отзывахъ объ исполненіи этого произведенія Пушкина, причемъ не надо забывать, что среди цѣнителей были такія величины, какъ Н. Костомаровъ, В. Стасовъ.

Н. Костомаровъ выразился о постановкѣ Бориса Годунова даже слишкомъ сильно — „съ внѣшней стороны“, говорилъ онъ — „появленіе „Бориса Годунова“ на сценѣ составляетъ истиной феноменъ“. Рецензентъ

„С.-Петербур. Вѣдомостей“ добавлялъ: „всего замѣчательнѣе въ этомъ представленіи вышла постановка пьесы: роскошная, гшательная, научно-вѣрная до невѣроятности и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько привлекательная, что заставляла до нѣкоторой степени забывать малую сценичность самой драмы Пушкина“.

Дѣйствительно, дирекція театровъ не пожалѣла ни трудовъ, ни средствъ. Были приглашены къ участию и лучшие художники-декораторы, совѣтывались съ людьми науки, археологами, историками, для одежды заказали нарочно по образцамъ того времени ткани, наконецъ переустроили даже и освѣщеніе сцены, чтобы добиться лучшихъ свѣтовыхъ эффектовъ. Работали много, долго, упорно.

Но если съ внѣшней стороны постановка Бориса Годунова удовлетворила цѣнителей искусства—то исполненіе пьесы было ниже критики.

Вл. Зотовъ писалъ въ своей „Иллюстрированной Газетѣ“ 1870 г. № 38: „Если же эти артисты (первые артисты русской труппы) не умѣютъ читать стиховъ, не похожи на бояръ, если у насъ нѣтъ самозванца помоложе, ни Марины получше, ни Бориса почеловѣчнѣе, умѣющаго хотя бы говорить по русски—въ этомъ не виновата трагедія Пушкина... Сцена у фонтана, одна изъ лучшихъ сценъ въ трагедіи, при великолѣпной постановкѣ прошла очень дурно, потому что предъ зрителями была не юная, хитрая полька, не женщина змѣя, которая и льститъ и жалитъ, опутываетъ челоуѣка, очаровываетъ его, не красавица Марина, а невыносимая барышня, съ неприятнымъ органомъ (—такое неловкое выраженіе должно было означать: неприятный голосъ), угловатыми манерами, совершеннымъ неумѣніемъ выражать кокетство, нѣжность и гордость. Такая Марина не могла бы увлечь и престарѣлаго самозванца. Самойловъ читалъ эту сцену съ поддѣльнымъ жаромъ—мудрено въ 64 года изобразить пылкаго 20 лѣтняго юношу—онъ даже твердо выучилъ стихи, рѣдко перевиралъ ихъ, но годы все таки сказывались и—Вл. Зотовъ не могъ удержаться, чтобы не кольнуть Самойлова, къ которому онъ вообще относился скептически—молодой царевичъ все таки казался очень почтеннымъ Кречинскимъ. Публика однако вызывала своего любимца по окончаніи сцены, но ни одинъ голосъ не потребовалъ Струйскую, которая рѣшительно испортила роль Марины. Большая часть нашихъ артистовъ читаетъ про себя. Эта замашка особенно замѣтна у бояръ, вѣроятно, полагающихъ, что ворчать себѣ подъ носъ важнѣе и аристократичнѣе. Что говорили гг. Зубровъ, Озеровъ и др. врядъ ли слышали и изъ первыхъ рядовъ. Г. Григорьевъ, который старше ихъ всѣхъ и былъ очень плохъ въ роли Пимена, все таки читалъ свой монологъ такъ, что его было вездѣ слышно... Вообще послѣ этого представленія остался въ памяти только рядъ чудныхъ картинъ, но почти ни одного стиха, ни одного слова высказаннаго какъ слѣдуетъ... Это представленіе, на которое потрачено столько времени, усилій, денегъ, доказало, что наша труппа сносна только въ фарсахъ“.

Подобные отзывы находимъ и въ другихъ органахъ печати, всѣ единогласно говорили, что артисты не оказались на высотѣ положенія. Въ „Голосѣ“ № 260 нѣкто Д. А. подробно разобралъ сценарій „Бориса Годунова“ доказывая, что этотъ сценарій составленъ не только неумѣло, но вполне механически: составитель сценарія вычеркивалъ то, что ему казалось не подходящимъ, соединяя несоединяемыя сцены.

И окончательное резюме было сдѣлано Н. Костомаровымъ — родители сдѣлаютъ хорошо, если станутъ водить на это представление своихъ дѣтей.

2.

М. П. Погодинъ напечаталъ въ Москвитянинѣ 1855 года два любопытные разсказа о Пушкинѣ. Первый былъ ему переданъ А. Н. Раевскимъ („Демономъ“). „Пушкинъ не пропускалъ никогда въ Одессѣ заутрени на Свѣтлое Воскресенье и звалъ всегда товарищей „услышать голосъ русскаго народа“ (въ отвѣтъ на христосованіе священника). Ошибка Погодина — „всегда“ и „никогда“ такъ какъ слышать „голосъ русскаго народа“ въ Одессѣ Пушкинъ могъ только одинъ разъ (1824 г.); едва ли ему возможно было раньше проводить Пасху въ Одессѣ.

Вспоминая о своей жизни въ Коломнѣ, у Калинкина моста, Пушкинъ (Домикъ въ Коломнѣ) писалъ:

„Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрно мечтою
Люблю летать заснувши на яву
Въ Коломну, къ Покрову — и въ воскресенье
Тамъ слушать русское богослуженье“.

Весьма характерно, что изъ сложнаго комплекта религіозныхъ чувствъ онъ особенно выдѣлялъ національный колоритъ.

„Кстати о Пушкинѣ“, продолжаетъ Погодинъ — „разскажу анекдотъ разсказанный мнѣ Гоголемъ и извѣстный еще прежде, кажется, отъ самаго дѣйствующаго лица. Около Одессы расположена была батарейная рота, и разставлены были на полѣ пушки. Пушкинъ гуляя за городомъ, подошелъ къ нимъ и началъ разсматривать внимательно одну за другою. Офицеры показали его наблюденія подозрительными, и онъ остановилъ его вопросомъ объ его имени, — Пушкинъ, отвѣчалъ онъ. — Пушкинъ! воскликнулъ офицеръ. Ребята пали! — и скомандовалъ торжественный залпъ. Весь лагерь встревожился. Сбѣжались офицеры и спрашивали причину такой необыкновенной пальбы. — Въ честь знаменитаго гостя, отвѣчалъ офицеръ. Вотъ, господа, Пушкинъ! — Пушкина молодежь подхватила подъ руки и повела съ триумфомъ въ свои цатры, праздновать нечаянное посѣщеніе. Офицеръ этотъ былъ Григоровъ, который послѣ пошелъ въ монахи и во время монашества познакомился со мною. Кажется, самъ онъ разсказывалъ мнѣ описанный случай, если не кто другой, — но я его зналъ уже, когда Гоголь, воротясь изъ послѣдняго своего неоконченнаго путешествія въ Малороссію повторилъ мнѣ этотъ разсказъ „... Объ этомъ передавалъ Гоголь также Льву Арнольди, занесшему разсказъ въ свои воспоминанія. Исторія эта, въ общемъ, заслуживаетъ довѣрія, хотя едва ли дѣло было въ Одессѣ. Петръ Александровичъ Григоровъ, такъ восторженно и красиво оказавшій въ юности царю русской поэзіи царственную почеть, умеръ въ 1851 году въ Оптиной Пустынѣ сорока семи лѣтъ отъ роду. Гоголь любилъ и цѣнилъ отца Порфирія, какъ назывался Григоровъ въ монашествѣ, и переписывался съ нимъ. (О Григоровѣ см. Ив. Щелговъ, Подвижникъ Слова, Спб. 1909, стр. 54—66, 148—153 и Новое о Пушкинѣ, Спб. 1902 (стр. 35—37).

3.

Отношенія лицейскихъ преподавателей къ Пушкину-воспитаннику и ихъ оцѣнка его способностей и характера, уже не разъ обращали на себя вниманіе біографовъ нашего поэта, и мы можемъ найти въ печати не мало интересныхъ отзывовъ о Пушкинѣ его профессоровъ и воспитателей. Въ брошюрѣ проф. И. Шляпкина: „Къ біографіи А. С. Пушкина“ Спб. 1899 г., приводится сводъ этихъ отзывовъ и мнѣній, какъ извѣстныхъ уже прежде, такъ и вновь найденныхъ. Извѣстна, на примѣръ, характеристика сдѣланная профессоромъ Россійской и Латинской Словесности Н. Кошанскимъ, въ 1812 году, помѣстившимъ Пушкина на 19-мъ мѣстѣ въ ряду воспитанниковъ, по порядку ихъ успѣховъ и прилежанія. „Александръ Пушкинъ, говоритъ онъ, больше имѣетъ понятливости нежели памяти, больше вкуса къ изящному, нежели прилежанія къ основательному: почему малое затрудненіе можетъ остановить его; но не удержитъ: ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми воспитанниками, успѣхи его въ латинскомъ довольно хороши, въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны“. Адъюнктъ А. П. Куницынъ (логика и нравственная философія), даетъ отзывъ: „Пушкинъ — весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ но крайне не прилеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень не велики, особливо по части логики“.

Гувернеръ и учитель рисованія Чириковъ говоритъ про Пушкина: (30 Сент. 1813 г.) „Легкомысленъ, вѣтренъ, неопрятенъ, нерадивъ; впрочемъ добродушенъ, усерденъ, учтивъ, имѣетъ особенную страсть къ поэзіи“.

1 Января 1814 года Адъюнктъ-профессоръ Иванъ Кайдановъ (Географія и Исторія), пишетъ: „Александръ Пушкинъ. При маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ; но менѣе противу прежняго“.

Въ настоящее время опубликованы новые, крайне интересные документы, найденные въ бумагахъ А. К. Разумовскаго (бывшаго министромъ Народнаго Просвѣщенія въ началѣ царствованія имп. Александра I), которые недавно пожертвованы Пушкинскому Музею Лицея княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ. Бумаги эти содержатъ множество крайне интересныхъ свѣдѣній о Лицеѣ и въ частности о Пушкинѣ. Въ IV книгѣ „Лицейскаго Журнала“ (1910—11 г.г.), часть этихъ бумагъ уже опубликована Д. Мышецкимъ.

Приведемъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ отзывовъ преподавателей Пушкина, по новымъ документамъ.

Проф. Де Будри въ рапортѣ директору отъ 18 Ноября 1812 г. пишетъ: „Pouchkine. Il est devenu beaucoup plus appliqué que ci-devant, et ses progrès sont toujours soutenu“.

Адъюнктъ профессоръ Карцовъ говоритъ: „Очень лѣнивъ, въ классѣ невнимателенъ и не скромнъ, способностей не плохихъ, имѣетъ остроту, но къ сожалѣнію только для пустословія, успѣваетъ весьма посредственно“.

Названный уже выше учитель рисованія Чириковъ отзывается о Пушкинѣ такъ: „Отличныхъ дарованій, особеннаго прилежанія, но торопливъ и неосмотрителенъ; а потому и успѣхи его не столь ощутительны, какъ у первыхъ трехъ его товарищей“.

Профессоръ Куницынъ, отзывъ котораго мы уже приводили по изданію г. И. Шляпкина, къ своему мнѣнію о способностяхъ Пушкина, прибавляетъ еще слѣдующія слова о его характерѣ. „Характеръ имѣетъ живой, но скрытный, и вмѣстѣ вспылчивый.“

Выше была приведена характеристика Пушкина проф. Кайданова, еще раньше, въ ноябрѣ 1812 года, онъ писалъ: „Довольно хорошіе его успѣхи должно приписать болѣе его дарованіямъ нежели прилѣжанію. На вопросы отвѣчаетъ болѣе удовлетворительно, по разсѣянности же своей требуетъ строгаго надзора, и тогда можно ожидать отъ него прекраснѣйшихъ успѣховъ“.

Особенный интересъ представляетъ далѣе: „Отчетъ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, составленный надзирателемъ по учебной и нравственной части (Мартиномъ Пилецкимъ) въ Ноябрь 1812 года“. Изъ 30 воспитанниковъ, записанныхъ по алфавиту, Пушкинъ занимаетъ въ отчетѣ 24-е мѣсто:

„Пушкинъ (Александръ), 13 лѣтъ. Имѣетъ болѣе блистательныя нежели основательныя дарованія, болѣе пылкой и тонкой нежели глубокой умъ. Прилѣжаніе его къ ученію посредственно, ибо трудолюбіе еще не здѣлалось его добродѣтелью. Читавъ множество французскихъ книгъ, но безъ выбора приличнаго его возрасту, наполнилъ онъ память свою многими удачными мѣстами извѣстныхъ Авторовъ; довольно начитанъ и въ русской словесности, знаетъ много басенъ и стишковъ. Знанія его вообще поверхностны, хотя начинаеть нѣсколько привыкать къ основательному размышленію. Самолюбіе, вмѣстѣ съ честолюбіемъ, дѣлающее его иногда застѣнчивымъ, чувствительность съ сердцемъ, жаркіе порывы вспылчивости, легкомысленность и особенная словоохотность съ остроуміемъ ему свойственны. Между тѣмъ примѣтно въ немъ и добродушіе познавая свои слабости, онъ охотно принимаетъ совѣты съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Его словоохотность и остроуміе воспріяли новый и лучшій видъ съ счастливою перемѣною образа его мыслей, но въ характерѣ его вообще мало постоянства и твердости“. (Орфографія подлинника).

Въ заключеніи Д. Мышецкій приводитъ два дѣла о проступкѣ воспитанниковъ Малиновскаго, Пушина и Пушкина, (приготовленіе и питье „напитка подъ названіемъ гогель-могель“) отъ 22 Сент. и 10 Окт. 1814 года, уже опубликованныя пр. И. Шляпкинымъ въ упомянутой брошюрѣ.

Виньетка Г. Свундеса из книги Н. Остолопова «Правила Поэзии».

PUSCHKINIANA.

Комната Пушкина на Царскосельской юбилейной выставкѣ, открытой 10 Августа помѣщается въ одномъ изъ четырехъ верхнихъ крыльевъ Эрмитажа. Мысль отвести специальные отдѣлы на выставкѣ знаменитымъ царскоселамъ, сама по себѣ несомнѣнно очень удачна, и выбранное для этой цѣли зданіе Эрмитажа, также, какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ своему назначенію. Въ частности, имя, Пушкина неразрывно связано съ Царскимъ Селомъ, здѣсь подъ тѣнью столѣтнихъ деревьевъ, среди художественныхъ памятниковъ предшествовавшаго великаго царствованія выросъ и окрѣпъ геній нашего великаго поэта, здѣсь возникли первыя проявленія его творческой дѣятельности.

Въ 1-й комнатѣ выставлены портреты, между которыми интересна литографія воспроизводимая въ настоящемъ № „Библиофила“, акварельное родословное древо, старые акварельные виды Лицея, дѣло изъ архива Лицея 1814 года „о проступкѣ воспитанника Пушкина“ съ надписью „конфиденціально“, 2 рисунка (собака и паренъ съ бочкой) и др. бумаги относящіяся къ болѣе раннему періоду. Въ особой витринѣ рукописи и рисунки воспитанниковъ лицея времени поэта Тутъ и Уставъ Общества Лицейскихъ Друзей Прекраснаго 1821 г., и рукописный журналъ, издававшійся воспитанниками въ 1820 г., съ акварельными рисунками къ статьѣ Волшебный Фонарь; тутъ и отдѣльныя карикатуры на Кюхельбекера и др., иногда рисованныя Пушкинымъ.

Во 2-й комнатѣ выставлены лицейскія стихотворенія поэта частью въ оригиналахъ, частью въ фотографическихъ снимкахъ.

Изъ книгъ интересенъ экземпляръ „Евгенія Онѣгина“ принадлежавшій императору Александру I и подаренный Лицею имп. Николаемъ Первымъ; экземпляръ *Virgilia* (Парижъ 1814 г.), принадлежавшій поэту и нѣк. др. Пушкинскій музей Лицея далъ, кромѣ того нѣсколько рѣдкихъ нотъ на стихи Пушкина въ иллюстрированныхъ обложкахъ.

Въ центрѣ помѣщается новый бюстъ поэта, работы скульпторши Вѣры Федоровны Штейнъ, отлитый изъ бронзы и весьма удачно исполненный по гравюрѣ Гейтмана, изображающей Пушкина въ молодости. Бюстъ принадлежитъ также Пушкинскому Музею Лицея

Отдѣлъ этотъ носить название: „Пушкинъ въ Царскомъ Селѣ“ и очень охотно посѣщается публикой; имя великаго поэта магнитомъ притягиваетъ къ себѣ посѣтителей, и маленькая комната съ трудомъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ желающихъ поближе посмотрѣть то, что относится къ его незабвенной памяти.

Высочайше утвержденнымъ 27 Апрѣля 1911 года, положеніемъ совѣта министровъ постановлено о приобрѣтеніи бывшаго имѣнія А. С. Пушкина при селѣ Болдино въ казну за 30 т. р. и объ устройствѣ въ усадьбѣ сего имѣнія библіотеки-читальни.

Въ Академію Наукъ передано изъ министерства финансовъ дѣло „о выдачѣ по Высочайшему повелѣнію камеръ-юнкеру Пушкину въ ссуду на 2 года 20 т. рублей“.

И. Е. Гѣпинъ закончилъ картину написанную имъ по предложенію Пушкинскаго Лицейскаго Общества на тему: Пушкинъ читаетъ „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ на лицейскомъ экзаменѣ въ присутствіи Державина. Картина поступитъ въ Пушкинскій Музей лица ко дню столѣтняго юбилея послѣдняго.

Скульпторша Вѣра Федоровна Штейнъ недавно закончила бюстъ Пушкина, исполненный ею для Пушкинскаго Музея Имп. Александр. Лицея по извѣстной гравюрѣ Е. Гейтмана, современной поэту и изображающей его въ молодости. Бюстъ только что отлитъ изъ бронзы и находится пока на Царскосельской выставкѣ. Скульпторша чрезвычайно удачно передала сходство выраженія, придерживаясь при этомъ точно копируемаго образца.

Въ новомъ томѣ „Пушкинъ и его современники“ помѣщены письма Н. О. и С. Л. Пушкина къ ихъ дочери; статья Н. О. Лернера „Ранняя любовь“, полемика М. О. Гершензона и П. Е. Щеголева и Puschkiniana за 1908—1909 г. покойнаго П. А. Дилакторскаго.

Томъ третій переписки А. С. Пушкина подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова, содержитъ 476 писемъ за время 1833—1834 г.

Печатается новое изданіе А. С. Суворина: А. Пушкинъ, Каменный гость съ рис. художника Плошинскаго.

Товарищество „Голике и Вильборгъ“ выпускаетъ роскошное изданіе „Пиковая дама“ Пушкина, съ рисунками Алекс. Бенуа и вступительной статьёю Н. Лернера.

Вышелъ пятый томъ капитальнаго изданія сочиненій Пушкина, редактируемаго С. А. Венгеровымъ. Въ него вошли прозаическія произведенія 1830-1836 г.г., автобіографическія замѣтки, програмныя наброски, дневникъ въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ, и письма 1815-1825 г.г. Комментарій состоитъ изъ статей М. О. Гершензона „Пушкинъ и Нашокинъ“, Будде „О поэтическомъ языкѣ Пушкина“, П. Н. Сакулина „Взглядъ Пушкина на современную ему французскую литературу“, А. Г. Фомина „Пушкинъ и журнальный триумвиратъ 30-хъ годовъ“ и примѣчаній къ помѣщеннымъ въ предыдущихъ томахъ стихотвореніямъ, написанныхъ Н. О. Лернеромъ (къ 1828-1829 г.г.) и П. О. Морозовымъ (къ 1830 г.) Весьма интересны и, конечно, будутъ приняты во вниманіе во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ Пушкина замѣчанія Лернера о текстѣ „Собранія насѣкомыхъ“, о хронологіи пьесъ: „Е. Н. У — вой“, „Примѣты“, „Поэтъ-игрокъ“... „Воспоминанья въ Царскомъ Селѣ“, имъ же впервые введены въ собраніе сочиненій Пушкина „Эпиграмма“ на М. А. Бестужева-Рюмина и написанная вмѣстѣ съ Е. А. Баратынскимъ эпиграмма на князя Шаликова. Томъ обильно иллюстрированъ.

Около Новаго года выйдетъ III томъ академическаго изданія сочиненій Пушкина, результатъ работъ пушкинской комиссіи, существующей уже одиннадцать лѣтъ. За это время комиссія, не дешево обошедшаяся казнѣ, успѣла выпустить пока лишь одинъ томъ, второй. Правда, комиссія собиралась обыкновенно по три-четыре раза въ году, а въ иные годы не была созываема ни разу.

Осенью текущаго года начнется изданіе Академіей Наукъ десяти томнаго изданія собраній сочиненій А. С. Пушкина, первые восемь томовъ подъ редакціей Щеголева, послѣдніе два (переписка) подъ редакціей И. А. Кубасова и Б. Л. Молдавскаго.

У недавно скончавшагося И. Л. Щеглова (Леонтьева) было, по словамъ друзей покойнаго, нѣсколько вещей, которыя онъ считалъ принадлежавшими Пушкину. Это — „перо, сохранившее еще слѣды его зубовъ“, какъ говоритъ г. Измайловъ, рюмка, по словамъ г. Ясинскаго и дорожная фляжка, которую Пушкинъ „всегда клалъ съ собою въ сани“, какъ сообщаетъ г. В. Розоновъ. Добродушный И. Л. не сомнѣвался въ томъ, что всѣ эти вещи дѣйствительно принадлежали Пушкину. Фляжку подарилъ ему Л. Павлищевъ, какъ извѣстно сочинявшій даже письма Пушкина и великодушно отказывавшійся отъ своего авторства въ пользу великаго поэта. Такое происхожденіе „реликвій“ заставляетъ отнести ихъ къ области вещественной псевдо-пушкинианы.

А вотъ нѣчто изъ псевдо-пушкинианы невещественной. Г. Садовскій нашель въ Нижнемъ Новгородѣ рукопись со стихами подписанными именемъ Пушкина. Въ ней оказались: извѣстная сатира Рылѣева „Ахъ гдѣ тѣ острова“... съ присоединенными къ ней стихами Пушкина „А въ ненастные дни“... и стихотвореніе „Смуглянка“, которое будто бы „поражаетъ своею звучностью и красотою“. Въ „Рѣчи“ появилось разъясненіе Н. Лернера, что Пушкинъ здѣсь не причемъ. — „Рылѣевская сатира, говоритъ онъ, — это сразу бросается въ глаза, — не имѣетъ, кромѣ размѣра и чередованія стиховъ, ничего облагого съ шуткою Пушкина, и присоединеніе ихъ другъ къ другу производитъ весьма несуразное впечатлѣніе. Очевидно, ихъ соединили вмѣстѣ малоинтеллигентные и не вдумавшіеся собиратели запретныхъ плодовъ литературы, которыхъ на это натолкнула общность формы обѣихъ пьесъ. Пушкинъ зналъ сатиру Рылѣева („Мнѣ вепе тамъ, гдѣ растеть тринь-трава, братцы“, — цитируетъ онъ ее въ письмѣ къ брату въ началѣ 1824 г.) и просто воспользовался ея легкимъ, веселымъ размѣромъ для своей шутки. Такимъ образомъ, показаніе Кернъ оправдывается словами поэта, и шутка Пушкина — вполнѣ самостоятельное его произведеніе, а не Рылѣева и не „передѣлка конца стихотворенія Рылѣева“, какъ думаетъ П. О. Морозовъ (Сочин. П — на, изд. „Просвѣщенія“, VIII, 488). Именно это смѣшеніе двухъ невяжущихся между собою стихотвореній служитъ лучшимъ доказательствомъ неавторитетности приобрѣтенной г. Садовскимъ рукописи, а что касается до находящейся въ ней подписи поэта (владѣлецъ рукописи и не выдаетъ ее, замѣтимъ, за автографъ), то она поставлена, конечно, самимъ переписчикомъ, какъ имя предполагаемаго автора. Затрудняюсь судить о второмъ находящемся въ ней стихотвореніи, которое г. Садовскимъ не напечатано, но, въ виду явной неавторитетности источника, я склоненъ думать, что и оно принадлежитъ къ псевдо-пушкинскимъ. О своемъ „приятелѣ“, героѣ „Египетскихъ ночей“, т. е. о самомъ себѣ, Пушкинъ писалъ: „Главной неприятностью платится мой приятель — приписываніемъ ему множества чужихъ сочиненій“... Эти „неприятности“ тянутся длинной вереницей вотъ ужъ безъ малаго цѣлое столѣтіе.

Какъ слѣдовало ожидать, такъ оно и оказалось. Спустя нѣсколько дней въ той же газетѣ г. Садовскій долженъ былъ объявить, что злополучная рукопись „ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ перу А. С. Пушкина“.

Antiquitäten Zeitung въ своемъ Юльскомъ номерѣ помѣщаетъ довольно странное извѣстіе изъ Москвы о молодой дамѣ, предлагавшей на Сухаревомъ рынкѣ 2 оригинальныхъ портрета Пушкина, съ надписями: „рисовано съ натуры“ за 2 р. Не найдя тамъ покупателей и за эту цѣну, она по чьему то совѣту, отнесла ихъ въ Археологическій Институтъ (!?) гдѣ опредѣлена была ихъ подлинность и они были приобрѣтены кн. Тенишевой въ Смоленскъ за 20.000 р.!?

За последнее время (летние месяцы) появились следующие — насколько нам удалось проследить — статьи о Пушкине. 1) Женские типы Пушкина. Е. Щепкиной. (Вѣстн. Европы 1911, № 6). 2) Нащокинскій домикъ. Александры Шипиловой. 3) О новомъ портретѣ Пушкина работы И. Е. Рѣпина. R. (Историч. Вѣстникъ 1911, № 7). 4) Изъ черновыхъ рукописей Пушкина. О 12 годѣ. Н. Лернера (Рѣчь 1911, № 159). 5) Сосѣди Пушкина по с. Михайловскому. — Д. Философова (Рѣчь 1911. № 142). 6) Неизд. статья Пушкина, Н. Лернера (Рѣчь 1911, № 208). 7) Пушкинъ и псевдо-Пушкинъ Н. Лернера (Рѣчь № 235).

Въ московскомъ „Русск. Словѣ“ (№ 181) напечатаны „открытыя“ г. Щеголевымъ въ черновыхъ рукописяхъ Румянцовскаго музея „новыя“ стихотворенія Пушкина, которыя, однако, отчасти были извѣстны прежнимъ изслѣдователямъ (напр. В. Е. Якушкину), отчасти игнорированы ими, и вполне справедливо такъ какъ (это видно изъ помѣщенныхъ въ произведеніи снимковъ) они не представляютъ собой ничего цѣльнаго и не поддаются сколько-нибудь удовлетворительной транскрипціи. Но была бы охота, и изъ хаотически исчерканныхъ и перечерканныхъ строкъ и словъ можно сложить ту или другую комбинацію. Однако, никто не повѣритъ, что Пушкинъ дѣйствительно писалъ деревянные вирши въ родѣ:

Не вымышляли съ такою силой
Такъ хитро сказокъ и стиховъ.

Къ тому же, транскрипція мѣстами совершенно не соотвѣтствуетъ подлиннику и обличаетъ плохого стихотворца не въ Пушкинѣ, конечно, а въ „открывателѣ“. Поэтому приводить ее здѣсь считаемъ лишнимъ. Л.

Н. О. Лернеромъ недавно открыта и опубликована въ выдержкахъ („Рѣчь“, № 208) анонимная статья Пушкина „Французская Академія“, появившаяся во II т. „Современника“ 1836 г. Отъ вниманія изслѣдователей она до сихъ поръ ускользала, несмотря на то, что уже Бѣлинскій подозрѣвалъ, что она принадлежитъ Пушкину. Установивъ авторство Пушкина, Н. Лернеръ справедливо заключаетъ, что на эту статью Пушкина „нужно смотрѣть не какъ на незначительное приобрѣтеніе, не какъ на простое матеріальное дополненіе къ собранному до сихъ поръ его творческому наслѣдію, а какъ на важный этапъ его писательскаго пути. Она служитъ показателемъ благотворнаго кризиса, совершавшагося въ его ранѣе сложившихся литературныхъ возрѣніяхъ, но безжалостно оборваннаго смертью и не дошедшаго до полнаго разрѣшенія, отъ котораго можно было бы ждать великихъ послѣдствій для литературы“.

Среди множества приписываемыхъ Пушкину стихотвореній большинство, конечно, составляютъ такія, принадлежность которыхъ перу Пушкина необходимо отвергнуть безъ колебаній. Но инныя заставляютъ призадуматься. Такова антологическая пѣса, на которую обратилъ недавно вниманіе Н. Лернеръ „Рѣчь“, № 201.

Nec temere, nec timide.

Въ утломъ челнѣ и беззвѣздную ночью, я, бурѣ навстрѣчу,
Въ море пускался; буря же къ пристани прямо меня принесла.
— Путникъ! Судьбы не испытывай: челны другихъ погибали.
Берегъ, на гордой триремѣ, оставилъ я въ полдень блестящей,
Тихому Эвру мой парусъ довѣря. — И что же? Погибъ я.
— Путникъ! Судьбы не страшись: многіе брега достигли.

Л. С. Пушкинъ, братъ поэта, сообщившій эти стихи Н. О. Щербинѣ и Б. М. Маркевичу, сказалъ: „никакъ не стану утверждать, что написано было это именно братомъ, а дѣйствительно на него похоже“... Щербина справедливо замѣтилъ здѣсь „пошибъ совсѣмъ Пушкинскій“. Б. М. Маркевичъ списалъ пѣсу съ подлинника, переписаннаго рукою П. В. Нащокина, лучшаго друга Пушкина. „Однажды въ Москвѣ“ — разсказалъ Левъ Сергѣевичъ — „я у него жилъ — вернулся я вечеромъ съ какого-то обѣда, на которомъ выпито было, какъ говорится, зѣло. Вхожу, вижу

сидять у него братъ, Соболевскій и Туманскій, читають что-то и смѣются. „Ну, ну, вотъ и прочитай Левушкѣ“, кричитъ братъ Нашокину. Тотъ и началъ вотъ это самое: „Въ утломъ челнѣ и безвъздной ночью“... Только конца я уже положи- тельно не слышалъ, расхотался Левъ Сергѣевичъ, сверкая изъ подъ усовъ сво- ими крупными бѣлыми зубами, — потому что ноги меня не держали; опустился я на диванъ и заснулъ, какъ убитый... Проснувшись на другой день, я и не вспомнилъ объ этихъ стихахъ, никто о нихъ не заводилъ и рѣчи, и, найдя ихъ теперь у се- бя, мнѣ стоило даже въ первую минуту труда припомнить, что это такое, гдѣ что-то подобное я слышалъ“...

Кто-то вошелъ въ эту минуту съ визитомъ къ Льву Сергѣевичу, и разговоръ нашъ оборвался.

Препровождая къ вамъ — обращается къ извѣстному библиографу князю Н. Н. Голицыну Маркевичъ — и стихи (я ихъ тогда же списалъ), и мой разсказъ къ нимъ, представляю вамъ рѣшить вопросъ: въ какой мѣрѣ вы можете въ возмож- нымъ приписать ихъ А. С. Пушкину, и не мистифицировалъ ли насъ съ Щерби- ную Левъ Сергѣевичъ (онъ отъ этого былъ не прочь), прочитавъ намъ собствен- ную свою поддѣлку подъ „пошибъ“ гениальнаго брата?

Голицынъ уклонился отъ всякаго отвѣта на вопросъ. Пробовалъ заняться имъ Л. Н. Майковъ и писалъ: „черезчуръ литературный (?) характеръ этого разсказа побуждаетъ отнестись къ нѣкоторымъ его частностямъ съ осторожностью, но въ общемъ онъ, кажется, заслуживаетъ довѣрія. Прежде всего замѣтимъ, что оба брата Пушкины дѣйствительно находились въ Москвѣ, мѣстѣ постоянного пре- быванія Соболевскаго и Нашокина, лѣтомъ 1830 года... Далѣе для приведеннаго выше антологическаго стихотворенія у А. Пушкина могутъ быть указаны параллели въ подражаніи Мосху „Земля и море“ (1821 г.) и въ заимствованіяхъ изъ греческой антологіи (1833 г.)“. Дальше этихъ осторожныхъ замѣчаній Майковъ не пошелъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, — замѣчаетъ Н. Лернеръ, — ни вѣрность разсказа Маркевича и передачи имъ стиховъ, которые онъ „тогда же списалъ“, ни справед- ливость безхитростнаго разсказа Л. С. Пушкина который не рѣшился категори- чески приписать ихъ брату. Вопреки мнѣнію Маркевича, намъ неизвѣстна ни одна мистификація Льва Сергѣевича. Въ стихахъ, какъ вѣрно замѣтилъ Щербина, дѣй- ствительно виденъ „пошибъ совсѣмъ Пушкинскій“, и такихъ стиховъ не могли на- писать ни самъ Левъ Сергѣевичъ, ни Соболевскій, этотъ „русскій Марціалъ“, съ языка и съ пера котораго сходили только юмористическіе стихи и ядовитыя эпи- граммы, ни Нашокинъ, никогда ничего не писавшій, ни посредственный поэтъ Ту- манскій, которому далеко до такихъ стиховъ.

Къ этимъ соображеніямъ не мѣшаетъ прибавить также чрезвычайное соот- вѣтствіе пьесы по духу обычному, бодрому и здоровому міроотношенію Пушкина.

Г-жа А. Шипилова сдѣлала попытку (въ „Историч. Вѣстн.“) объявить грубой поддѣлкой показываемый теперь публикѣ „домикъ Нашокина“. Дѣйствительно, въ ея замѣчаніяхъ много справедливаго, и она вѣрно указываетъ на несоотвѣтствіе однихъ деталей и вещей, грубыхъ и топорныхъ, другимъ, артистически изящнымъ, но къ сожалѣнію весьма малочисленнымъ. Отчасти Г-жа Шипилова права, домикъ, который цѣлому ряду владѣльцевъ до сихъ поръ, не смотря на всевозможныя хлопоты, никакъ не удалось сбыть всевыносящей казнѣ, не поддѣланъ, а подвергся столь неумной, безвкусной и грошевой реставраціи, что первоначальное изящество и роскошь этой великолѣпной игрушки безвозвратно утрачены и лишь нѣсколько уцѣлѣвшихъ отъ небрежнаго храненія и злостнаго расхищенія вещицъ, да воспо- минанія современниковъ Пушкина и Нашокина позволяютъ догадываться, какъ хо- рошо была выполнена эта прихоть богатаго барина. Но и въ нынѣшнемъ полураз- зоренномъ полуиспорченномъ видѣ многострадальная модель остается интереснымъ бытовымъ памятникомъ пушкинской эпохи, хотя къ такимъ деталямъ, какъ пор- третъ Пушкина, который „показыватель“ домика наивно демонстрировалъ честной публикѣ на устроенной въ Академіи Наукъ специальной выставкѣ, слѣдуетъ отно- ситься болѣе чѣмъ скептически.

„Сосѣди Пушкина по селу Михайловскому“ обрисованы недавно г. Д. Филосо- фовымъ въ озаглавленномъ такъ фельетонѣ: („Рѣчь № 142“). Благодаря тому, что семья Филосовыхъ въ родствѣ чуть не со всѣми псковскими помѣщичьими семь- ями, авторъ съ дѣтства слышалъ кое какіе разсказы о сосѣдяхъ Пушкина. Одинъ

изъ нихъ И. М. Рокотовъ, былъ родной братъ бабки автора. Это тотъ самый Рокотовъ, который по словамъ официальной бумаги бывъ назначенъ „для наблюдения за поступками и поведѣніемъ“ ссыльнаго Пушкина, „отказался отъ порученія на него возложеннаго“. Жилъ Рокотовъ не очень далеко отъ Пушкина въ своемъ селѣ Маютино. Въ молодости онъ служилъ по дипломатической части и ему разъ удалось даже съѣздить въ Дрезденъ дипломатическимъ курьеромъ. Съ тѣхъ поръ всѣ его рассказы начинались словами: *Lors de mon voyage à Dresde*.

„Подвижной, болтливый Рокотовъ, конечно, посѣщалъ Пушкина не потому, что онъ цѣнилъ его, какъ поэта, — его стиховъ онъ, вѣроятно, и не читалъ, — а потому, что Пушкинъ былъ сынъ „уважаемыхъ“ Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны.

Для того, чтобы михайловскаго узника развлечь, Рокотовъ возилъ его по сосѣдямъ. Такъ, мнѣ, со словъ отца, достоверно извѣстно, что И. М. Рокотовъ привозилъ Пушкина къ своей сестрѣ, Маріи Матвѣевнѣ Философовой, въ село Богдановское, новоржевскаго уѣзда. Отецъ рассказывалъ, что, будучи совсѣмъ маленькимъ, онъ наизусть читалъ Пушкину, пріѣхавшему въ гости къ его родителямъ, первую пѣснь „Онѣгина“ и будто бы Пушкинъ очень удивился памяти мальчика. Марія Матвѣевна недолюбливала Пушкина. Она знала его только какъ кутилу и игрока. А такъ какъ мужъ ея Д. И. Философовъ былъ самъ большой игрокъ, то естественно, что, по простотѣ сердечной, она боялась вреднаго вліянія Пушкина на Дмитрія Николаевича. Мужъ ей былъ, конечно, ближе, нежели опальный поэтъ“.

У Рокотова много было причудъ. Такъ, извѣстенъ про него слѣдующій рассказъ. Засыпая, онъ дѣлалъ наставленіе своему лакею, чтобы тотъ его будилъ каждые два часа. Когда Рокотова спрашивали, къ чему онъ это дѣлаетъ, отъ отвѣчалъ. „Ужъ очень пріятно опять заснуть“.

Гораздо менѣе типиченъ для этой среды другой псковскій сосѣдъ Пушкина, поэтъ А. Н. Креницынъ, другъ Баратынскаго „Разсказанныя мною мелочи псковской старины“ — признаетъ самъ авторъ — „показываютъ, насколько случайна была связь Пушкина съ дворянствомъ псковской губерніи. Скромная природа Михайловскаго и няня Арина Родионовна дали Пушкину въ тысячу разъ больше, чѣмъ всѣ псковскіе дворяне вмѣстѣ взятые. Все таки онъ долженъ былъ, волей неволей, встрѣчаться съ разными Харликовыми и Фляновыми, съ гостями „Лариныхъ“, и, конечно, житейскія отношенія онъ поддерживалъ со многими изъ нихъ“.

ХРОНИКА, МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ

НЕКРОЛОГИ.

Д. Я. Самоквасовъ †.

5-го августа с. г. въ Москвѣ скончался управляющій московскимъ архивомъ министерства юстиціи, заслуженный ординарный профессоръ московскаго университета тайный совѣтникъ Дмитрій Яковлевичъ Самоквасовъ.

Управляющимъ архивомъ министерства юстиціи покойный былъ назначенъ въ 1892 году. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ представителемъ отъ министерства юстиціи въ Высочайше утвержденную комиссію по преобразованію центральныхъ архивовъ въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ. Въ 1899 г. онъ былъ командированъ за границу для ознакомленія съ организаціей и дѣятельностью архивовъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Покойный широко поставилъ дѣло изученія архивнаго дѣла и издалъ нѣсколько трудовъ, относящихся къ этой области: „Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ архивной реформой въ Россіи“ и „Архивное дѣло въ Россіи“. Но главнымъ образомъ онъ былъ археологомъ и произвелъ цѣлый рядъ раскопокъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи, по преимуществу южной. Какъ историкъ русскаго права, Д. Я. пользовался большимъ авторитетомъ. Его труды въ этой области выдержали нѣсколько изданій и доселѣ являются необходимымъ пособиемъ для изучающихъ юридическій бытъ древнихъ славянъ.

Д. Я. Самоквасовъ состоялъ почетнымъ членомъ почти всѣхъ археологическихъ обществъ, архивныхъ комиссій и музеевъ.

У. Г. Иваскѣ.

Къ 10-лѣтію со дня смерти
К. Т. Солдатенкова.

19-го мая с. г. исполнилось 10 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго московскаго мецената - благотворителя Кузьмы Терентьевича Солдатенкова.

Онъ не былъ издателемъ въ томъ смыслѣ, какое это слово имѣетъ повсюду. Это былъ, вѣрнѣе, меценатъ — покровитель книгъ и писателей, предпринимавшій изданія только для того, чтобы принести извѣстную пользу наукѣ или дать заработокъ писателямъ или переводчикамъ. Онъ мало думалъ о томъ, покроятся-ли расходы по изданію.

Родившись и выросши въ темной, невѣжественной купеческой средѣ, въ Москвѣ, не получивъ никакого школьнаго образованія, съ грѣхомъ пополамъ выучившись грамотѣ, К. Т., благодаря своей любви къ наукѣ и просвѣщенію, создалъ себѣ имя, которое всегда съ благодарностью будетъ помнить русское общество.

Дѣятельность Солдатенкова началась еще въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Подъ благотворнымъ влияніемъ лучшихъ научныхъ и литературныхъ силъ той поры возникло его издательство, выпустившее сочиненія Бѣлинскаго, Кавелина, Грановскаго, Соловьева, Пыпина,

Забѣлина, Ключевского, Чичерина, Ковалевского, Моммзена и др.

Въ теченіе дѣлаго полувѣка К. Т. непрерывно выпускалъ одно сочиненіе за другимъ, и только смерть оборвала его полезную дѣятельность.

ЛѢТОПИСЬ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Исполнилось сорокалѣтіе учено-литературной дѣятельности вице президента Академіи Наукъ П. В. Никитина, учителя 2-ой петербургской гимназіи (1871 — 1873), профессора нѣжинскаго лицея (1873 — 1879), петербургскаго университета и ректора его же (1879 — 1900), ординарнаго академика по кафедрѣ классической филологии и археологіи (съ 1898) и вице президента Академіи Наукъ съ 12 іюля 1900 г.

На послѣднемъ передъ лѣтними ваканціями общемъ собраніи Академіи Наукъ была почтена память умершаго профессора и члена Академіи Д. А. Хвольсона рѣчью Академика П. К. Коковцова.

Возбуждены вопросы объ отпускѣ средствъ: 1.074.019 р. на постройку новаго зданія бібліотеки Академіи Наукъ на биржевомъ районѣ петербургской таможни; по 12.000 рублей въ теченіи 3-хъ лѣтъ на изслѣдованія мѣсторожденій радиоактивныхъ минераловъ въ Россіи; 5 т. рублей на покупку бібліотеки и архива П. А. Плетнева.

Текущей осенью состоятся три публичныхъ общихъ собраній Академіи Наукъ для присужденія наградъ по конкурсу на преміи имени митрополита Макарія, графа Уварова и А. С. Пушкина.

Для выполненія общими силами значительныхъ по своимъ размѣрамъ научныхъ предпріятій въ области славяновѣдѣнія и организациі съѣздовъ славянскихъ ученыхъ, отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Академіи Наукъ выработанъ проектъ устройства союза славянскихъ академій и ученыхъ обществъ.

Вышли и выходятъ слѣдующія изданія Академіи Наукъ: изысканіе В. И. Анучина на основаніи матеріала собраннаго имъ вовремя экспедиціи „Шаманизмъ у Енисейцевъ и описаніе шаманскаго костюма“; первый томъ описанія рукописнаго отдѣла бібліотеки Академіи Наукъ со-

ставленный В. И. Срезневскимъ и Ѳ. И. Покровскимъ и заключающій въ себѣ описаніе 554 рукописей церковнаго и религіознаго характера (изъ нихъ 68 пергаментныхъ и 468 рукописныхъ), начиная съ XI вѣка; описаніе рукописей и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, поступившихъ за послѣдніе годы въ Пушкинскій домъ, составленное Б. Л. Модзалевскимъ; 4-й томъ академическаго изданія М. Ю. Лермонтова, которымъ заканчивается печатаніе произведеній поэта и 5-й томъ посвященный біографіи поэта и заключающій въ себѣ вводныя статьи, характеризующія жизнь и творчество поэта; вдовую академика Б. Н. Чичерина пожертвовано 5 т. р. на изданіе воспоминаній ея мужа, къ печатанію которыхъ, согласно воли автора, будетъ приступлено въ 1934 году.

Академія Наукъ ходатайствуетъ о передачѣ бумагъ петровскаго времени, найденныхъ въ архивѣ Архангельскаго губернскаго правленія.

Музей этнографіи имени Петра Великаго будетъ открытъ не ранѣе 15 Сентября.

Ведутся переговоры объ уступкѣ настоящаго манежа л. гв. финляндскаго полка для геологическаго музея; приспособленіе манежа подъ музей обойдется до 80 т. р.

Въ Академію Наукъ поступила отъ Е. Ф. Климовича карта Мервскаго уѣзда съ нанесеніемъ новыхъ обозначеній и коллекція негативовъ мѣстностей и типовъ закаспійской области.

Согласно ходатайства Академіи Наукъ освобожденъ до срока П. Е. Щеголевъ, присужденный въ 1908 году къ трехлѣтнему заключенію въ крѣпости.

Академіей Наукъ получены приглашенія принять участіе въ первомъ расовомъ конгрессѣ въ Лондонѣ, въ чествованія столѣтняго юбилея Бреславскаго университета и 50-лѣтія дѣятельности знаменитаго итальянскаго геолога Джіованни Капелини.

Нынѣшнимъ лѣтомъ состоялись командировки академиковъ и членовъ комиссіи при Академіи Наукъ: академикъ

Чернышева и старшаго зоолога Книповича для участія въ X международномъ географическомъ конгрессѣ въ Римѣ, директора николаевской главной физической обсерваторіи академика М. А. Рыкачева за границу съ научною цѣлью; директора физическаго кабинета при Академіи Наукъ князя Голицына въ Манчестеръ на конгрессъ международной сейсмологической ассоціаціи, академика А. С. Лаппо-Данилевскаго въ Новгородъ на XV всероссійскій археологическій съѣздъ; ординарнаго академика Вернедскаго и исполняющаго обязанности лаборанта геологическаго музея Ненадкевича въ Ферганскую Область и въ Бухару для изслѣдованія мѣсторожденій радиоактивныхъ минераловъ; состоящаго при Академіи Наукъ Н. Д. Муринова за границу для ознакомленія съ матеріаломъ о буддизмѣ въ иностранныхъ бібліотекахъ; члена комиссіи по изданію памятниковъ древностей русской литературы В. Н. Бенешевича въ Иерусалимѣ, на Синай и въ Египетъ для изслѣдованія рукописей и художественныхъ сокровищъ мѣстныхъ монастырей; старшаго препаратора Зоологическаго музея К. И. Функса въ Восточную Африку къ экспедиціи князя А. К. Горчакова.

Выставку „Ломоносовъ и Елисаветинское время“ предполагалось послѣдовательно устроить въ помѣщеніи бывшей Государственной типографіи, во дворцѣ великаго князя Сергія Александровича, но такъ какъ эти помѣщенія по многимъ причинамъ оказались неудобны, то выставка будетъ открыта въ зданіи Академіи Художествъ, съ апрѣля по май 1912 г., но предварительно 8 ноября сего года будетъ организована въ конференцъ-залѣ Академіи Наукъ небольшая выставка, посвященная памяти Ломоносова; въ этотъ же день состоится и торжественное засѣданіе Академіи Наукъ. Организуются новые отдѣлы выставки, между прочимъ В. Н. Тукашевскому поручено собрать матеріалъ для „Масонства въ царствованіе Елисаветы Петровны“.

ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКАГО ПУБЛИЧНАГО И РУМЯНЦЕВСКАГО МУЗЕЕВЪ.

Московскій Публичный и Румянцевскій музеи.

23-го мая с. г. исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня опубликованія Высочайшаго повелѣнія объ основаніи въ Москвѣ „публичнаго музея“ и о при-

соединеніи къ нему знаменитой коллекціи петербургскаго Румянцевскаго музея.

Въ теченіе всей остальной части 1861 года и въ началѣ 1862 года коллекціи эти, состоявшія изъ большого количества книгъ, рукописей, витринъ со старинными монетами, обширнаго матеріала по русской этнографіи и т. п., собиравшіяся въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ государственнымъ канцлеромъ, графомъ Н. П. Румянцевымъ и оставленныя имъ „на благое просвѣщеніе“, переводились въ Москву и размѣщались въ помѣщеніи, предназначеномъ для музея. Такимъ помѣщеніемъ были избраны громадныя, красиво расположенныя домъ Пашкова, въ которомъ до этого находилась 4-я московская гимназія. Въ этомъ домѣ музей помѣщается и по сіе время.

Противъ перевезенія Румянцевскаго музея въ Москву возникъ цѣлый рядъ протестовъ со стороны петербургскихъ ученыхъ, во главѣ съ Костомаровымъ, но всѣ они были оставлены безъ вниманія, и 9 го мая 1862 года музей былъ уже открытъ для публики. Такимъ образомъ, фактически полувѣковое существованіе Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ исполнитъ только въ маѣ будущаго года. Празднованіе юбилея администрація музеевъ рѣшила перенести на августъ, желая приурочить его къ торжественному открытію въ Москвѣ памятника Императору Александру III и музея изящныхъ искусствъ его-же имени. Къ этому времени будетъ издана подробная историческая записка, посвященная описанію учрежденія, развитія и культурно-просвѣтительнаго значенія музеевъ.

Румянцевскому музею было суждено сдѣлаться однимъ изъ крупнѣйшихъ въ Россіи культурныхъ учрежденій, гдѣ сосредоточились памятники русской общественной мысли и русской науки. Музей росъ не по днямъ, а по часамъ. Въ составъ его вошелъ цѣлый рядъ другихъ крупныхъ бібліотекъ, собраній рукописей, этнографическихъ и др. коллекцій, частью пожертвованныхъ музею, частью имъ приобрѣтенныхъ.

У. Г. Иваскъ.

На дняхъ въ Румянцевскомъ музеѣ приступили къ приему и размѣщенію бібліотеки, завѣщанной музею покойнымъ общественнымъ дѣятелемъ прис. пов. А. Е. Носъ. Библиотека эта заключаетъ въ себѣ около 1.500 томовъ, въ числѣ которыхъ имѣется не мало рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій.

Кромѣ того покойнымъ оставлено музею собраніе картинъ, гравюръ, фотографій и скульптурныхъ произведеній въ количествѣ 425 №№.

Въ текущемъ году наблюдается отливъ посѣтителей читальнаго зала Румянцевскаго музея. За истекшіе семь мѣсяцевъ общая цифра читателей составляла 59,348 человекъ; въ прошломъ году за этотъ же періодъ читателей было 68,587 человекъ. Причину такого значительнаго уменьшенія администрація читальнаго зала усматриваетъ въ бывшихъ студенческихъ волненіяхъ.

Въ текущемъ году имѣлось въ виду произвести частичное расширеніе читальнаго зала. Подъ него предполагалось освободить часть картинной галлеи. Но Государственная Дума, за преждевременнымъ роспускомъ на каникулы, не успѣла утвердить соотвѣтствующихъ кредитовъ.

Въ послѣдніе годы въ Румянцевскомъ музеѣ рѣшено было въ библиотекѣ регистрировать кромѣ книгъ также и ноты. Пока описано нотъ до 2.000 названій, въ томъ числѣ много цѣнныхъ партитуръ Глинки, Чайковского, которыя поступили уже въ обращеніе для пользованія публики.

Газета „Раннее Утро“ сообщаетъ, что цѣнная коллекція москвички г-жи Рябушинской не будетъ передана С.-Петербургу, какъ о томъ хлопотали весьма вліятельныя лица. Это собраніе рѣдкостей, оцѣниваемое въ два милліона рублей, поступитъ въ московскій Румянцевскій музей. Коллекція г-жи Рябушинской собрана на Дальнемъ Востокѣ и богато иллюстрируетъ исторію и этнографію этой окраины. Въ настоящее время администрація Румянцевскаго музея уже поступила къ предварительнымъ работамъ по размѣщенію предметовъ этой коллекціи. Будетъ освобожденъ весь второй этажъ музея, гдѣ теперь помѣщаются древности. Коллекція прибудетъ въ Москву въ началѣ октября.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ селѣ Остафьевѣ Московской губерніи, имѣніи князей Вяземскихъ, открытъ памятникъ исторіографу Карамзину.

Объявлены конкурсъ отъ Академіи Художествъ на проектъ памятника основателю русскаго театра Ф. Г. Волкову и всероссійская подписка на постановку въ С.-Петербургѣ памятника — педагогу К. Ушинскому.

Внукъ покойнаго писателя Г. П. Данилевскаго, возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи прибить мраморную доску на домѣ № 71 по Невскому проспекту, гдѣ скончался писатель.

Огромная бібліотека кругосвѣтнаго путешественника Крузенштерна, пожертвована ревельскому дворянству.

Въ педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній, поступила часть бібліотеки академика живописи М. Я. Вилліе.

Княгиню А. Д. Тенишевой принесенъ въ даръ московскому археологическому институту смоленскій музей, въ которомъ первое мѣсто занимаютъ предметы по археологіи и этнографіи Смоленскаго края.

Возбужденъ вопросъ объ устройствѣ музея допетровскаго искусства въ этнографическомъ отдѣлѣ Русскаго Музея Александра III.

Предполагается устроить церковный музей для художественныхъ сокровищъ, хранящихся въ церквахъ и монастыряхъ с.-петербургской епархіи.

Возбуждено ходатайство, по инициативѣ художника кн. Н. А. Гедроица объ открытіи въ г. Николаевѣ южно-русскаго художественнаго музея.

Исполнилось двухсотлѣтіе со дня выхода перваго печатнаго изданія, исполненнаго синодальной типографіей. „Реляція о побѣдѣ Петра на югѣ Россіи“.

При петербургской синагогѣ рѣшено открыть музей имени барона Г. О. Гинцбурга.

Архивная Симбирская ученая комісія, выпустила отчетъ о своей дѣятельности за 15 лѣтъ; въ отчетѣ указывается, что по инициативѣ комісіи организованы торжественное чествованіе

юбилея г. Симбирска и всероссійская подписка на постановку въ немъ памятника уроженцу Симбирска И. А. Гончарову. На постановку памятника уже собрано свыше 60 т. р.

Учреждены преміи за сочиненія по педагогикѣ, имени бывшаго члена попечительнаго совѣта кievской частной гимназии А. Т. Дугинской, профессора А. Н. Ясинскаго, имени князя А. И. Васильчикова, за сочиненіе по коопераціи и мелкому кредиту и нѣсколько премій отъ 500 до 5.000 р. за работу по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи отъ вольно-экономическаго общества. На послѣднемъ конкурсѣ признана достойною 500 р. работа г-жи И. И. Игнатовичъ-Сыровской: „Помѣщичьи крестьяне накануне освобожденія“. Изд. 2, испр. и дополненное.

Поручено М. К. Соколовскому, дѣйствительному члену Императорскаго русскаго военно-историческаго общества, составленіе исторіи 8 уланскаго Вознесенскаго полка.

Въ настоящее время въ залѣ Академіи художествъ, прилегающемъ къ библиотечнымъ заламъ, идутъ приготовления къ устройству постояннаго музея имени Т. Шевченко, какъ академика по гравюрѣ, причемъ въ этомъ залѣ (бывшей мастерской, гдѣ работалъ и умеръ Шевченко) по инициативѣ профессора гравюры В. В. Матѣ, будетъ сосредоточены всѣ его работы, начиная съ ребяческихъ лѣтъ, а также предметы, иллюстрирующіе его жизнь и домашнюю обстановку за время пребыванія Шевченко въ стѣнахъ академіи въ качествѣ ея ученика, когда онъ жилъ въ мансардныхъ помѣщеніяхъ до-реформенной академіи вмѣстѣ съ извѣстнымъ живописцемъ Мартыновымъ.

Въ Имп. Публ. Библиотеку поступили въ даръ бумаги проф. А. С. Фаминцына. Среди нихъ находится составленный имъ біографическій словарь русскихъ композиторовъ, пѣвцовъ, пѣвицъ и др. музыкальныхъ дѣятелей (895 листовъ).

Въ совѣтѣ министровъ обсуждалось предложеніе наслѣдниковъ недавно скончавшагося псковскаго коллекціонера Ф. М. Плюшкина о приобрѣтеніи въ казну оставшагося послѣ него музея древностей за 200.000 рублей. Рѣшено отправить въ

Псковъ особую комиссію для детальнаго ознакомленія съ музеемъ. Въ составъ ея вошли: директоръ Императорскаго Эрмитажа графъ Д. И. Толстой, хранитель музея Императора Александра III Н. М. Могилянскій, и представители министерствъ: Императорскаго Двора, Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ.

М. К. Лемке закончилъ разборъ архива, оставшагося послѣ смерти М. М. Стаскулевича. Въ архивѣ оказалось болѣе 10.000 писемъ, полученныхъ М. М. за послѣднія 60 лѣтъ его жизни отъ 1.300 лицъ и учреждений.

Около 6.000 писемъ будутъ напечатаны и войдутъ въ изданіе „Стаскулевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ“, подъ редакціей М. К. Лемке.

Послѣ смерти Ключевскаго осталась его чрезвычайно цѣнная библіотека, о которой въ завѣщаніи ничего не упоминается, но сынъ Ключевскаго никоимъ образомъ не передастъ эту библіотеку въ частную собственность, сохранить ее у себя, а затѣмъ завѣщаетъ какому-нибудь общественному учрежденію: университету или Академіи Наукъ. Въ книгахъ имѣются собственноручныя записи и памятки Ключевскаго, заглавные листы совершенно исписаны. Всѣ эти записи сынъ Ключевскаго хочетъ собрать и издать при участіи учениковъ почившаго профессора. У томъ курса Ключевскаго будетъ также изданъ. Покойный профессоръ стремился довести исторію до декабристовъ и собиралъ матеріалы, относящіяся къ этому періоду, и затѣмъ посвятилъ послѣднія работы исторіи царствованія Николая I и эпохъ освобожденія крестьянъ.

9-го августа с. г. исполнилось 25 лѣтъ преподавательской дѣятельности въ Московскомъ университетѣ ординарнаго профессора Р. Ф. Брандта, представителя Русскаго Библиографическаго Общества.

Много шума въ московской періодической печати вызвала продажа „на пуды“ архива князей Меншиковыхъ, купленнаго нѣсколькими московскими букинистами. Довольно подробный обзоръ документовъ этого архива напечаталъ Н. В — кій въ газетѣ „Русское Слово“ (25-го іюня 1911 г. № 145).

Московское архитектурное общество выработало конкурсные условия по составлению проекта здания музея 1812 г. Музей предполагается в два этажа. В первом этаже будет центральный зал Императора Александра I с его статуей, рядом будет походная церковь императора. Затем будут две группы — русская и французская. В первой группе будут: зал русской армии, зал Кутузова и портретный зал, а во второй: зал французской армии, зал Наполеона и тоже портретный зал. В первом этаже будут находиться орудия, здесь же будет помещаться специальная библиотека и проч.

Московские книгоиздатели и типографщики возбудили перед Главным Управлением по делам печати ходатайство об устройстве в Москве выставки печатных произведений.

Известный егорьевский фабрикант М. Н. Бардыгин предполагает открыть в Егорьевске музей, в котором будут собраны коллекции предметов, интересных для изучения местной старины. Особенное внимание будет уделено памятникам, иллюстрирующим историю города Егорьевска. Среди собранных уже вещей обращает внимание писанное Евангелие времен Бориса Годунова, много любопытных рукописей, старинных книг, икон интересных в историческом отношении и т. п. В настоящее время производятся работы по разборке и систематизации накопившегося материала.

У одного из иркутских букинистов имеется рукопись одной части романа А. Ф. Писемского „Масоны“, с собственноручными исправлениями и вставками автора. В Иркутске она была привезена неким Федоровским, личным секретарем покойного романиста, которому автор подарил эту рукопись, по ее напечатанию, на память о себе. По смерти Федоровского, все его книги и бумаги перешли в руки маклаков, которые, выдлив рукописи, продавали их в виде оберточной бумаги. В таком именно виде рукопись романа Писемского и была куплена за безценок на толкучке букинистами Лужиним и Андромоновым. Позднее букинист Андромонов переселившийся в Томск, увез принадлежащую ему часть рукописи с собою. Другая часть осталась в Иркутске у

Лужина, где и продолжает находиться в крайне небрежном виде. По словам „Сиб.“, в Иркутске у одного частного лица имеется еще одна часть рукописи того же романа.

По инициативе известного славянского дьятеля А. Борзенко в Одессе основывается музей под названием „Пантеон славянских дьятелей“, в котором будут собраны портреты, рисунки, рукописи и т. д. относящиеся к славянскому дьялу. Музей будет помещаться при Русском Импер. Обществе Истории и Древностей.

Библиотека Харьковского Университета приобрела библиотеку проф. С. Роговского, состоящую из 1.440 названий за 700 р. Оценены книги в 3.500 р.

Харьковский университет ходатайствует о передаче ему дѣл и книг упраздненных административных и судебных учреждений лѣво - бережной Украины.

Библиотека в Варшаве получила в дар от вдовы одного инженера 360.000 рублей. Ею же пожертвована сумма в 250.000 р. на учреждение Академии Художеств в Варшаве. (Allgem. Buchh. Zeitung № 23).

Киевский музей получил в дар от Е. Г. Шварца из Спб. интересную акварель „Фасад старо-киевской крепости, панорама XVIII в.“. Для отдела имени Шевченки музеем приобретены 2 акварельных портрета его и несколько рисунков и офортов. Приобретения эти сделаны на специальные средства, пожертвованные гг. Терещенко.

Распродажа собраний князей Вишневецких.

По западной и юго-западной России разбросан целый ряд старинных дворцов и замков, некогда принадлежавших, а частью и теперь еще принадлежащих известнейшим польским и литовским фамилиям, потомкам литовских и русских удельных князей. Многие представители этих родов в свое время прославились, как покровители наук и искусств. Они собрали в своих дворцах обширные библиотеки и богатейшие художественные кол-

лекции. Архивы ихъ содержатъ въ себѣ массу цѣнныхъ и важныхъ историческихъ документовъ. Каждый изъ этихъ дворцовъ представляетъ собою какъ бы историческій и художественный музей — богатое собраніе памятниковъ старины и искусства. „Рожана“ и „Деречинъ“ — Салъговъ, „Червоный Дворъ“ и „Биржи“ — Тышкевичей, „Несвижъ“ — Радзивилловъ, „Вильяновъ“ — Собѣскихъ, „Вишневецъ“ — князей Вишневецкихъ — все это мѣста, гдѣ сосредоточены богатѣйшія собранія книгъ, рукописей, документовъ, картъ и всевозможныхъ произведеній искусствъ. Трудно опредѣлить цѣнность всѣхъ этихъ сокровищъ. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время все чаще приходится слышать о полной бездѣятельности въ охранѣ національныхъ интересовъ; гибнуть богатѣйшіе архивы и библіотеки, въ массѣ вывозятъ за-границу цѣнные художественныя коллекціи.

Въ истекшее лѣто южныя газеты много писали о состоявшейся продажѣ историческаго замка князей Вишневецкихъ на берегу рѣки Горыни (Кременецкаго уѣзда, Волынской губ.). Замокъ купленъ графомъ Платеромъ, а хранившіяся въ немъ драгоценности — архивъ, библіотека и художественныя коллекціи — черезъ посредство англійскихъ антикваріевъ, проданы частью въ Британскій музей, частью — лордамъ Макленду, Вестминстеру и Баннерману.

Общество изученія французской гравюры.

При „Bibliothèque d'Art et d'Archéologie“ въ Парижѣ, устроенной на средства извѣстнаго дамскаго портного Дусе, недавно образовалось новое общество подъ названіемъ „Société pour l'étude de la gravure française“.

Цѣль общества — объединеніе любителей, коллекционеров и ученыхъ, интересующихся искусствомъ французской гравюры и его исторіей, равно содѣйствіе изученію послѣдней путемъ изданія новыхъ и переизданія старыхъ рѣдкихъ трудовъ въ данной области. Члены общества получаютъ всѣ его изданія взамятъ годового членскаго взноса въ 25 франковъ, по примѣру существующаго уже при указанной библіотекѣ общества „Société de Reproduction des dessins de maîtres“. Предсѣдателемъ новаго общества избранъ г. Maurice Fenaille, секретаремъ — Henri Bourin (144 Rue de Longchamp).

Въ списокѣ сочиненій, намѣченныхъ обществомъ къ изданію въ первую очередь значатся, между прочимъ, слѣдующіе труды: „Жизнь Жака Калло (E. Gruwaert)“, „Гравированные портреты во Франціи до конца царствования Людовика XIV“ (P. A. Lemoisne), „Толковый каталогъ oeuvre'a Робера Нантейль (Ch. Petitjeant и Ch. Wickert)“, „Ле Блонъ (1667 — 1741) и начало цвѣтной гравюры“ (A. Vuafart и R. Ledoux-Lebard), каталоги гравюръ Laurent Cars'a, Gabriel de Saint-Aubin'a и мн. др.

Р. Е.

„Домъ Рембрандта“ въ Амстердамѣ.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ состоялось торжественное открытіе бывшаго дома Рембрандта въ еврейскомъ кварталѣ Амстердама, приобрѣтеннаго на средства специально для данной цѣли основаннаго общества „Het Rembrandthuis“. Кромѣ выраженія чувствъ пietetа для мѣста, гдѣ жилъ и творилъ великій мастеръ „Домъ Рембрандта“ хочется дать возможно полную картину исключительно графическаго искусства Рембранта, быть музеемъ его несравненныхъ офортовъ, значительная часть которыхъ издавалась въ стѣнахъ этого дома. Въ данное время юное учрежденіе, конечно, не въ состояніи полностью осуществить эту программу, ибо оно еще не владѣетъ полнымъ комплектомъ рембрандтовскихъ офортовъ, на приобретеніе которыхъ требуются огромныя средства. Но благодаря содѣйствію амстердамскаго Rijksprentenkabinet, извѣстной фирмы Фредерикъ Мюллеръ и К^о, равно художника Яна Ветъ (Veth), предоставившихъ часть своихъ коллекцій во временное пользованіе „Дома Рембрандта“, уже теперь въ главномъ его залѣ развѣшана большая часть графическаго oeuvre'a Рембрандта и нѣкоторые его подлинныя рисунки изъ собранія Гофстеде де Гроотъ.

Рядомъ съ музеемъ рембрандтовской графики, организаторы стремятся и къ устройству въ нижнемъ этажѣ „Дома Рембрандта“ обширной библіотеки, посвященной исключительно литературѣ о величайшемъ художественномъ гениі Голландіи.

Р. Е.

Въ Бельгіи въ истекшемъ году основывалось новое общество подъ названіемъ La Société des Bibliophiles et Iconophiles de Belgique. Президентомъ его состоитъ принцъ De Ligne. Только что

вышелъ 1-й Ежегодникъ этого общества, заключающій въ себѣ нѣсколько интересныхъ библиографическихъ статей.

Знаменитая библіотека умершаго D. Church въ Нью-Йоркѣ продана черезъ извѣстнаго книгопродавца Smith знаменитому американскому миллиардеру Huntington, купившему на аукціонѣ Ноэ черезъ того же Smith'a книгъ и рукописей почти на миллионъ рублей. Библіотека была продана наследниками за 1½ миллиона рублей. Роскошный каталогъ ея, изданъ прежнимъ владѣльцемъ въ 7 томахъ съ рисунками и обошелся ему въ 50.000 рублей.

Благодаря этимъ покупкамъ библіотека Huntington'a вскорѣ займетъ 1-е мѣсто между частными собраниями всего міра.

Pierpont Morgan, знаменитый американскій собиратель, купившій въ маѣ на аукціонѣ у Бернера знаменитое письмо Лютера къ Карлу V, за 102.000 марокъ, переуступилъ его Германскому императору, который и передастъ этотъ документъ въ Виттенбергскій музей. Императоръ пожаловалъ американскому коллекционеру орденъ въ награду за его любовь.

P. Morgan только что купилъ въ Лондонѣ знаменитую коллекцію реликвій Маріи Антуанеты, принадлежавшую лорду Sutherland Grouer, который издалъ когда то книгу объ этой королевѣ. Въ собраніи находится знаменитый вѣеръ ея — единственное воспоминаніе о ея родинѣ Австріи, которое ей было разрѣшено сохранить при отъѣздѣ невѣстой во Францію. Коллекція заключаетъ въ себѣ большое количество ея портретовъ, между которыми очень много рѣдкихъ.

Кабинетъ гравюръ въ Берлинѣ приобрѣлъ на аукціонѣ Ланна интересный рисунокъ Дюрера „Мадонна посѣщающая св. Анну“, одну изъ послѣднихъ работъ художника.

Пожаръ Нью-Йоркской библіотеки въ Ольбени, (минувшимъ лѣтомъ) уничтожилъ до 450.000 томовъ и свыше 250.000 рукописей. Погибъ и подробный каталогъ, заключавшій въ себѣ около миллиона карточекъ. Причина пожара — неисправность электрическихъ проводовъ.

Нью-Йоркская Публичная Библіотека недавно перебралась въ новое помѣщеніе, выстроенное съ соблюденіемъ всѣхъ требованій библіотечнаго дѣла, и представляющее послѣднее слово архитектуры. Зданіе строилось 10 лѣтъ и стоило 9 миллионъ долларовъ. Земля, на которой оно выстроено, оцѣнивается теперь въ 20 миллионъ. Зданіе все облицовано настоящимъ мраморомъ и выходитъ на 5 улицъ, длина его 390 футовъ, глубина 270. Читальныя залы вмѣщаютъ въ себѣ до 800 человекъ.

Въ зданіе это переведены 9 различныхъ библіотекъ, находившихся до тѣхъ поръ въ отдѣльныхъ зданіяхъ, и теперь подъ одной крышей находится до 1 миллиона томовъ.

Между прочимъ, въ такъ называемой Astor Library уже 13 лѣтъ существуетъ особый Славянскій отдѣлъ, состоящій изъ 16.000 томовъ, изъ которыхъ свыше 10.000 томовъ книгъ на русскомъ языкѣ.

Въ залахъ Парижской Национальной библіотеки открыта выставка, посвященная столѣтнему юбилею со дня рожденія извѣстнаго поэта романтика Théophile Gautier.

Выставлена большая коллекція его рукописей, портретовъ, 1-хъ изданій и т. д. Каталогъ составленъ F. Cadet de Gassicourt.

Лѣтомъ въ Парижѣ была открыта выставка книгъ, гравюръ, рисунковъ и чертежей относящихся къ исторіи города Парижа XVII вѣка.

Allegemeine Buchhändler Zeitung приводитъ любопытныя выдержки изъ Osservatore Romano, гдѣ помѣщенъ протестъ папскихъ католическихъ книгопродавцевъ, издателей и типографовъ противъ новѣйшей итальянской литературы и прессы. Протестъ написанъ въ формѣ адреса къ папѣ, въ которомъ они кланутся передъ его „непогрѣшимымъ престоломъ“ не печатать ни единого слова, ни единой буквы не согласныхъ съ его „апостольскимъ желаніемъ“!

Нѣкто Тони Келлеръ вычислилъ, что количество ежегодно появляющихся книгъ достигаетъ до 128.500 названій. Общее же количество книгъ отъ изобрѣтенія книгопечатанія до 1909 года доходитъ до 14 миллионъ.

Курьезный анекдотъ приводитъ англійскій журналъ The Book, характеризующій смыслъ увлеченія американцевъ коллекционерствомъ за послѣдніе годы. увлеченія, которому такъ завидуютъ англичане, упустившіе уже не мало рѣдкостей въ Новый Свѣтъ. По словамъ журнала, когда жену одного изъ Нью-Йоркскихъ собирателей спросили о ея мужѣ, купившемъ на аукціонѣ Ноё одну книгу за 5.000 фунтовъ (50.000 р.), для чего онъ купилъ ее, не для того ли чтобы показать свою любовь къ литературѣ или къ рѣдкимъ книгамъ, она отвѣтила: „нѣтъ, для того, чтобы показать что ему ничего не стоитъ потратить 5.000 фунтовъ“!

НОВЫЕ КНИГИ И ЖУРНАЛЫ.

Въ Спб. въ изданіи Н. Бутковской вышла біографія М. Врубеля, составленная А. Ивановымъ.

Вышла новая книга: С. Яремичъ, — М. Врубель, монографія (изд. Кнебель).

Вышелъ 1-й вып. новаго изданія И. Мордвинова, „Тихвинская старина“, съ портретами и таблицами.

Вышелъ 2-й вып. изданія А. Лебедева, Поэтъ-Христіанинъ Н. В. Гоголь, въ русской литературѣ и искусствѣ. Библиографическая монографія. Саратовъ. Изданіе редакціи „Духовныхъ Вѣдомостей“.

Вышла новая книга А. Бенуа, Путеводитель по Эрмитажу, со многими автопіями.

Въ Владимірѣ на Клязьмѣ вышелъ 1-й вып. новаго изд. И. Масанова (ред. А. Смирнова), „Русскіе Сатиры-Юмористическіе журналы“ библиографическое описаніе. Въ выпускъ вошли журналы „Весельчакъ“ и „Искра“. Къ нему приложено 2 портрета и 65 рис. на отд. листахъ. Кромѣ подробнаго хронологическаго описанія всѣхъ нумеровъ журналовъ, приложены еще указатели авторовъ и художниковъ.

Вышелъ сборникъ, посвященный памяти покойнаго профессора и директора высшихъ женскихъ курсовъ В. А. Фаузека.

Печатается новое изданіе извѣстнаго московскаго коллекціонера Д. В. Ульянинскаго, заключающее въ себѣ описаніе его богатой бібліотеки.

С. Д. Соколовъ приступилъ къ печатанію своего новаго труда „Біо-Библиографическій словарь Саратовцевъ писателей“.

Антикварная книжная торговля С. Котова выпускаетъ крайне интересное изданіе неоконченнаго и оставшагося послѣ смерти автора ненапечатаннымъ труда Д. Ровинскаго: „Полное собраніе снимковъ съ офортовъ А. Ванъ Остаде“, 226 фототипій съ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Въ Лондонѣ выходитъ новое изданіе сочиненій Ф. М. Достоевскаго на англійскомъ языкѣ.

Іюньская книжка „Старыхъ Годовъ“ составлена очень интересно. Любопытна статья Д. Рошъ: „Русскіе типы въ неизданныхъ гуашахъ 1730 года къ запискамъ Дюка Лирийскаго“. Рисунки эти хранятся въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Парижѣ, въ 8 томѣ Матеріаловъ о Россіи. Всего 18 рис., изображающихъ нравы и характерныя черты русскихъ, ихъ наказанія и религію.

№ 6—7 Кіевскаго журнала „Искусство“ заключаетъ въ себѣ интересныя статьи подъ общимъ заглавіемъ: „Кіево-Межигорская фаянсовая фабрика“, со многими рисунками, частью въ краскахъ.

Въ 3-мъ № „Ежегодника Императорскихъ Театровъ“ интересны библиографическія статьи П. Столпянскаго: Обзоръ статей о театрѣ въ русской журналистикѣ и Одна изъ передѣлокъ произведеній Пушкина для сцены (Хризоманія—Пиковая Дама).

Вышелъ II-й вып. журнала „Библіотековѣдѣніе“. Интересна статья „Библіотека Московскаго Университета“, со снимками; въ книжкѣ помѣщенъ подробный отчетъ 1-го съѣзда по бібліотечному дѣлу.

Въ 5 № журнала „Аполлонъ“ крайне любопытна статья Н. Врангеля „О исторической выставкѣ архитектуры въ Академіи Художествъ“ со многими рисунками.

6-й № содержитъ слѣдующія главнѣйшія статьи: М. Волошинъ: — А. С. Голубкина; бар. Н. Врангель: — Французскія

картины въ Кушелевской галереѣ; кн. С. Волконскій: — Человѣкъ и ритмъ и мн. др.

Въ Одессѣ издается книжнымъ магазиномъ „Одесскихъ Новостей“ листокъ „Книжныя Новости“, выходящій 2 раза въ мѣсяцъ. Кромѣ перечня новыхъ книгъ и отзывовъ о нихъ, помѣщается еще „Литературная Лѣтопись“.

Въ Сызрани вышелъ 1—6 №№ „Библиографическаго Листка“ издаваемаго Е. Аркадьевымъ, уже 6-й годъ. Въ немъ помѣщена статья С. Соколова „Матеріалы для библиографическаго указателя литературы о М. Горькомъ“.

На сколько велико количество издаваемыхъ разными музеями собраній рисунковъ старыхъ мастеровъ, на столько относительно рѣдки аналогичныя изданія, посвященныя новѣйшимъ и современнымъ художникамъ. Съ большимъ интересомъ поэтому слѣдуетъ привѣтствовать начинаніе берлинской Nationalgalerie, которая въ лицѣ своего новаго директора Людвигъ Юсти, приступаетъ къ изданію ста рисунковъ нѣмецкихъ художниковъ XIX вѣка, избранныхъ изъ богатыхъ коллекцій галереи. Изданіе появится въ 10 выпускахъ по 10 рисунковъ каждый у берлинской фирмы Julius Bard, выпустившей недавно замѣчательный каталогъ берлинскаго Kaiser-Friedrich-Museum. Содержаніе выпусковъ распредѣлено такимъ образомъ, чтобы каждый обнималъ рисунки выдающихся мастеровъ главныхъ этаповъ развитія нѣмецкаго искусства въ XIX столѣтіи. Такъ напр. первый выпускъ, начиная съ Готфрида Шадова, черезъ Франца Крюгера, Бёклина и Менцеля доходитъ до Вильгельма Лейбля, второй начинается Ходовецкимъ и кончается Максомъ Либерманъ. Рисунки воспроизведены въ форматѣ подлинниковъ и въ краскахъ. Цѣна каждаго выпуска по подпискѣ 30 герм. марокъ.

Одновременно появляется у того-же издателя альбомъ рисунковъ одного изъ выдающихся нѣмецкихъ художниковъ — Макса Либерманъ. Подъ названіемъ „Holländisches Skizzenbuch“ альбомъ содержитъ 80 репродукцій и одну литографію съ рисункомъ художника, накопившихся въ время его многократныхъ путешествій въ Голландію. Сопроводительный текстъ написанъ проф.

Р. Е.

Оскаръ Біэ. Издается 50 экз. альбома на японской бумагѣ по 80 мар. и 450 на американской по 30 мар.

Р. Е.

Извѣстное сочиненіе П. Кристеллера „Kupferstich und Holzschnitt in vier Jahrhunderten“ (Берлинъ, Бруно Кассиреръ), составляющее прекрасное и почти единственное въ этомъ родѣ руководство по исторіи гравюры отъ XV по XVIII вѣкъ, вышло въ новомъ, значительно пополненномъ изданіи. Общій планъ изданія остался прежнимъ, и авторъ въ каждомъ столѣтіи по очереди разсматриваетъ исторію развитія гравюры по дереву и металлу, въ Италіи, Франціи, Германіи, Англии и Испаніи.

Славянскіе народы Кристеллеръ обходитъ молчаніемъ; въ его книгѣ не упоминается о русскихъ граверахъ XVIII в. и даже знаменитаго чешскаго графика XVII в. Вацлава Голлара онъ причисляетъ къ „deutsche Radierer“.

Р. Е.

Очень дѣятельная брюссельская фирма Van Oest & C-іе готовятъ роскошное изданіе, посвященное жизни и творчеству знаменитаго графика Жака Калло, составленное Пьеромъ-Полемъ Планъ. Увражъ подъ заглавіемъ „Jacques Callot, maître-graveur (1593—1635)“, кромѣ біографіи и художественно-критической оцѣнки мастера, будетъ заключать толковый каталогъ всего его oeuvre'a и около 300 гелиотипическихъ репродукцій съ его эстамповъ. Изданіе рассчитано на 5 выпусковъ по 25 франковъ каждый. Кромѣ 300 номерованныхъ экземпляровъ на простой бумагѣ печатается и 12 экз. на японской; цѣна послѣднихъ 250 фр.

Р. Е.

J. Grand Carteret выпустилъ новую книгу: Les élégances de la toilette; robes, chapeaux, coiffures de style Louis XVI, Dirrectoire, Empire, Restauration 1780-1825. Книга украшена 243 рисунками, изъ нихъ 32 въ краскахъ, внѣ текста.

Только что вышла книга P. de Nouvion et E. Liez: Un ministre des modes sous Louis XVI, M-lle Bertin, Marchande de modes de la Reine (1747 — 1813). Книга украшена 11 портретами въ краскахъ и составлена по неизданнымъ архивнымъ и частнымъ документамъ, она даетъ яркую картину нравовъ этой интересной эпохи. Къ ней между прочимъ приложено воспроизведеніе знаменитаго портрета M-lle Bertin, гравированнаго въ краскахъ Janinet.

Книга отпечатана въ количествѣ 400 экз. изъ которыхъ въ продажу поступило 250 по 180 франковъ.

G. Davois въ Парижѣ выпустилъ уже 2-й томъ крайне интереснаго для наступающаго юбилея отечественной войны изданія: „Bibliographie Napoléonienne française jusqu'en 1908. 2-й т. заключаетъ въ себѣ буквы F.—M. Кромѣ отдѣльныхъ книгъ, перечислены и журнальныя статьи, причѣмъ при каждомъ № приложены краткія свѣдѣнія объ авторахъ.

Объявлена подписка на новое роскошное изданіе: „Galérie des modes et costumes français (Dessins d'après nature 1778 — 1787) съ предисловіемъ P. Cognu. Изданіе будетъ состоять изъ точнаго воспроизведенія старинныхъ рисунковъ въ количествѣ 325 и будетъ выходить выпусками каждыя 2 мѣсяца.

Bibliothèque d'art et d'archéologie (Doucet) въ Парижѣ выпустила 4-й томъ своего Répertoire съ обзорѣмъ періодическихъ изданій по искусствѣ всего міра.

Вышли выпуски Апрель—Іюль превосходнаго журнала La Bibliophilie издаваемого Leo Olchky во Флоренціи. Журналъ сопровождается отлично исполненными фототипіями воспроизводящими старинныя рукописи. Главнѣйшія статьи указанныхъ №№: Biblioteca Angelica (1605 — 1870), Bibliographie chinoise et japonaise, Una grande pubblicazione di bibliographia Musicale и др.

Въ лѣтнемъ выпускѣ Bibliothèque de l'école des Chartes помѣщенъ подробный отчетъ о приобрѣтеніяхъ рукописнаго отдѣленія Парижской національной Библиотеки за 1909—10 гг.

Іюльскій № The Connoisseur содержитъ въ себѣ интересную статью Schaw о портретахъ Байрона. Въ Августовскомъ любопытна большая статья Peacock объ А. Дюрерѣ со многими воспроизведеніями.

№ 2 Zeitschrift für Bücherfreunde содержитъ интересную статью о старыхъ изданіяхъ по аэронавтикѣ, статью Loewenstein'a о художественныхъ нѣмецкихъ переплетахъ и др.

№ 4 содержитъ большую статью Г. Сакса о художественныхъ открыткахъ со

многими воспроизведеніями въ краскахъ. Между прочимъ воспроизведены 2 открытки съ рисунками русскихъ художниковъ Добужинскаго и Билибина.

Вышли №№ 60 - 61 (Февраль—Іюль) періодическаго изданія Англійско-русскаго литературнаго общества въ Лондонѣ, основаннаго въ 1893 году. Содержание составляютъ кромѣ отчетовъ о засѣданіяхъ общества, хроника русской жизни и обзоръ новыхъ изданій какъ русскихъ, такъ и англійскихъ, касающихся Россіи.

L'amateur d'autographes, издаваемый въ Парижѣ N. Charavay опубликовалъ въ Іюльскомъ № интересный проэктъ устава музея автографовъ въ Версалѣ, который Villenave предложилъ королю Луи Филиппу въ 1844 г.

Въ Парижѣ маркизомъ de Jarente Sépas предпринято изданіе новаго журнала подъ названіемъ Heraldica, посвященнаго геральдикѣ, генеалогіи и исторіи. Подписная цѣна 17 фр. въ годъ, 1-й № уже вышелъ лѣтомъ.

Въ Bulletin du Bibliophile напечатанъ проэктъ устава новаго французскаго библиографическаго общества подъ названіемъ: „Société forézienne des amis des livres“ въ Saint Etienne.

АУКЦИОНЫ.

Аукціонъ знаменитой библиотеки R. Ноэ происходилъ въ истекшемъ Маѣ въ Нью-Йоркѣ. Это была одна изъ величайшихъ частныхъ библиотекъ всѣхъ временъ, заключавшая въ себѣ 16.000 №№.

Большая часть книгъ въ новыхъ марокенахъ работы Нью-Йоркскаго Club Bindery, при чемъ часто владѣлецъ снималъ старыя переплеты съ книгъ и дѣлалъ на нихъ новыя. Между книгами было много уникъ, рукописей, инкунабулъ, 1-хъ англійскихъ изданій и т. д. Не говоря уже о присутствіи всѣхъ американскихъ торговцевъ, гости на этотъ аукціонъ съѣхались со всей Европы. Тутъ были и Quaritch и Maggs изъ Лондона, и m-me Bélin изъ Парижа и Dr. Вагъ изъ Франкфурта. Въ теченіе этихъ 1-хъ 10 дней продалась только 1/4 всей библиотеки и выручено было свыше 2 миллионъ рублей, что превзошло всѣ ожиданія. Вообще это былъ 1-й крупный аукціонъ въ Америкѣ и американ-

скіе собиратели постояли за себя. Одинъ только Нью-Йоркскій книгопродавецъ Smith, покупавшій по порученію новаго собирателя миллиардера Huntington купилъ почти на миллионъ рублей на наши деньги.

На продажѣ этой выяснилась своеобразная расцѣнка книгъ американскаго рынка, не всегда сходная съ европейской.

Иногда обычныя книги шли по баснословной цѣнѣ, часто, наоборотъ, рѣдкости продавались сравнительно дешево.

Большой успѣхъ имѣли и безвкусныя на нашъ взглядъ американскіе переплеты.

Вотъ образцы нѣкоторыхъ цѣнъ:

259. Biblia Sacra latina. Guttenberg. Mainz 1455 — 50.000 долл. Купилъ Smith для Huntingtor.

393. Blake. Milton, a poem in 12 Books. — 9.000 долл. — Smith.

758. Cleriadus et Meliadia. Lettres batards. 8.600 долл. — Quaritch.

422. Boethius. Gent 1485, съ превосходными миниатюрами — 4.900 долл. Bélin.

2137. Horae Annae de Beaujeu съ миниатюрами J. Bourdichon. 24.000 долл.

Molary, Le Morte d'Arthur, (купилъ P. Morgan) 42.800 долл.

2142. Молитвенникъ XVI вѣка (купилъ Dr. Vaer) — 11.000 долл.

За рукопись Овидія заплочено было 10.000 долл., но по словамъ знатоковъ она несомнѣнно поддѣльна и происходитъ изъ собранія знаменитаго вора и поддѣльвателя рукописей Libri, библиотека котораго распродалась въ Лондонѣ въ 50-хъ годахъ XIX вѣка.

Распродажа у Sotheby въ Лондонѣ знаменитаго собранія гравюръ, рукописей и автографовъ Huth дала нѣсколько чрезвычайно высокихъ цѣнъ. Напримѣръ альбомъ съ 300 гравюрами Дюрера купленъ Ротшильдомъ за 50.000 рублей (ранѣе за него прежнимъ владѣльцемъ было заплачено 5.000 марокъ), конкурировалъ съ нимъ какой то англійскій собиратель. Отдѣльная гравюра Дюрера Адамъ и Ева, пошла за 370 фунтовъ. За 250 №№ автографовъ было выручено всего 13.000 фунтовъ, т. е. около 130.000 рублей. Письмо королевы Елизаветы къ Генриху IV пошло за 350 фунтовъ, письмо Гольдсмита за 260 фунтовъ, рукопись Бетховена за 200 ф., письмо Екатерины Арагонской за 750 фунтовъ. Интересное соревнованіе вызвала продажа знаменитаго, такъ называемаго второго, письма Шиллера къ Гете. Письмо это когда то чудеснымъ образомъ исчезло изъ Гете-Шиллерскаго Архива въ Веймарѣ и теперь Гер-

манія очень старалась приобрести его. Однако ей это не удалось и оно было куплено за 185 фунтовъ Лондонскимъ книгопродавцемъ Quaritch, вѣроятно для Америки. Въ свое время самъ Huth купилъ его за 185 марокъ. Осенью предстоитъ распродажа рукописей съ миниатюрами того же собранія.

На аукціонѣ библиотеки Bell въ Лондонѣ у Knight, 70-томное изданіе Вольтера пошло за небывалую цѣну, 120 фунтовъ, т. е. почти 1.200 р. Экземпляръ былъ переплетенъ въ старый марокенъ и гравюры всѣ были раскрашены отъ руки.

На аукціонѣ гравюръ у Christis въ Лондонѣ, извѣстная крашенная гравюра Бартолоши Miss Farren пошла за 399 фунтовъ. Его же гравюры Lady Smith и The Countess of Harrington пошли обѣ за 336 фунтовъ. Цѣна 399 ф. за 1-ю гравюру не особенно высока, т. к. на одномъ изъ предыдущихъ аукціоновъ она была продана за 600 фунтовъ. На другомъ лондонскомъ аукціонѣ извѣстная J. Smith — „Mrs. Musters“ въ отпечаткѣ до подписи, пошла за 798 фунтовъ.

Лѣтній аукціонъ автографовъ у Бенера въ Лейпцигѣ далъ нѣкоторые интересные цѣны: Рукопись Heine, пошла за 7.000 м. Письма Лессинга за 3050 м., Рукопись Шиллера Hero et Leandre за 14.000 марокъ.

На распродажѣ собранія Gelatry о котормъ мы уже писали въ Штутгартѣ у Гутекунстъ, гравюра Рембрандта Ландшафтъ съ 3-мя деревьями пошла за 6.000 м., его же E. Bonus за 3.210 м., его же видъ Амстердама за 2.300 м.

На одномъ изъ Лондонскихъ аукціоновъ, этимъ лѣтомъ, по дорогимъ цѣнамъ пошли изданія знаменитаго коллекціонера P. Morgan отпечатанныя въ маломъ количествѣ экземпляровъ. Его Pictures of Collection P. Morgan, въ 3-хъ томахъ (150 экз.) пошло за 90 фунтовъ. Описание его коллекціи фарфора 1904 года пошло за 33 фунта.

Описание коронаціи Наполеона I, 1807 г. съ его портретомъ въ краскахъ было продано въ Лондонѣ за 360 фунтовъ. Оригинальная рукопись Кука, описание его перваго путешествія, пошла за 450 фунтовъ.

Осенью у К. Henrici въ Берлинѣ предстоитъ интересный аукціонъ оригиналовъ и гравюръ Ходовецкаго и Остаде. Интересенъ карандашный портретъ имп. Екатерины работы Ходовецкаго.

18-21 октября у J. Heberle въ Кельнѣ, предстоитъ аукціонъ интереснаго собранія гравюръ д-ра Lohmeuer.

НОВЫЕ КАТАЛОГИ.

Книгопродавецъ Besombe въ Парижѣ выпустилъ лѣтомъ интересный каталогъ № 20 заключающій 301 №№ книгъ съ воспроизведеніями. Назовемъ нѣкоторыя книги:

Antichita di Ercolano, въ старомъ марокенѣ, 1757 г. — 1.500 фр., Londel, Architecture française 1752 — 56 гг., 4 т. въ старомъ переплетѣ — 4.000 фр., Boscasse 1757 г. въ старомъ марокенѣ работы Suzin — 1.350 фр., рѣдчайшее изданіе по исторіи костюма: Gallery of fashion, London 1794 — 1802 гг. — 4.500 фр.

Фирма Th. Bélin въ Парижѣ выпустила каталоги №№ 326 (342 №№) и 327 (307 №№). Въ послѣднемъ интересны: Histoire général de la maison Royal, 1726 — 33 гг. 9 томовъ въ марокенахъ съ гербами маркизы Помпадуръ — 3.000 фр., Nogae, рукопись XV в. съ миниатюрами (28) — 5.000 ф., La Fontaine, Басни съ грав. Oudry въ старомъ марокенѣ — 3.500 ф., Sansovino, Cronologia del mondo, Venezia 1580, перепл. съ гербомъ Генриха III — 6.000 фр.

За лѣто вышли каталоги 241 — 243 книгопродавца G. Lemallier въ Парижѣ. Въ послѣднемъ изъ нихъ интересно изданіе Bonnard, Costumes 1700 г. съ 100 раскраш. гравюрами въ новомъ сафьяновомъ переплетѣ — 4.000 фр.

Интересно также собраніе английскихъ крашенныхъ карикатуръ изъ 176 листовъ въ марокенѣ 1830 года. — 1.000 фр.

Превосходный каталогъ изданъ фирмою Pickering и Chatto въ Лондонѣ. Въ

каталогѣ названы 904 рѣдкія книги и приложено около 200 снимковъ на 192-хъ страницахъ. Очень много рѣдкихъ старыхъ переплетовъ Meagle, Raupе, Brown и др. знаменитыхъ переплетчиковъ.

Очень интересенъ каталогъ англійскаго магазина гравюръ J. Rimmel въ Лондонѣ, заключающій много рѣдкихъ англійскихъ гравюръ Smith, Ward, Morland, Reynolds и др. (639 №№).

13-я часть каталога Leo Olchky во Флоренціи выходящаго подъ общимъ заглавіемъ: Choix de livres anciens rares et curieux содержитъ нѣмецкія книги XV — XVI вв. съ гравюрами на деревѣ.

Въ каталогѣ 162-мъ московскаго книгопродавца П. Шибанова значится рѣдчайшее 1-е русское провинціальное періодическое изданіе: „Уединенный Пошехонецъ“, — издававшееся въ Ярославлѣ въ 1786 году. Цѣна ему обозначена въ 200 р.

Hiersemann. Leipzig. Kat. 394, Musik u. Liturgie, (335 №№).

Meyer E. Berlin. Kat. 758.

O. Gerchel, Stuttgart, Kat. 79. Kunst (2.585 №№).

P. Graupe, Berlin. Kat. 58. Виды городовъ, съ воспроизвед.

Baer & Co. Frankfurt a M. Kat. 584, Bibl. Romanica Th. II (2.845 №№).

Privat J. Dijon. Cat. 62 (676 №№).

Gastinger V., Paris, Cat. 137 (556 №№).

Delteil E. Paris, Cat. 9, Estampes (952 №№).

Rieffel R. Paris, Cat. 38 (624 №№).

Kieffer R. Paris. Cat. de livres de grand luxe ornés de belles reliures.

Sotheran H. London, Kat. 716 (680 №№).

Parson E. London, Kat. 271 (484 №№).

Gilhofer u. Ranchburg, Wien Kat. 97 (1.163 №№).

Zahn u. Jaensch. Dresden, kat. 239. Jagd-Sport (1361 №№).

Котовъ С. Спб. Каталогъ № 2-й около 3.900 №№ разнаго содержания.

Клочковъ В. Спб. Каталоги №№ 510 и 511.

Редакторъ-Издатель Н. В. Соловьевъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	СТР.
Отъ Редакціи	5
Новыя рукописи А. С. Пушкина. — А. Ѳоминъ	7
Изъ дневника Б. М. Ѳедорова. — В. Майковъ	31
Русская книжная иллюстрація XIX вѣка и произведенія Пушкина. — Н. Соловьевъ	36
Тургеневъ о Пушкинѣ. — Проф. И. Шляпкинъ	59
Замѣтки о Пушкинѣ: 1) „Что въ имени тебѣ моемъ“. 2) Стихи ò Греціи. 3) Изъ исторіи журнальной дѣятельности Пуш- кина. 4) Вопросъ объ окончаніи „Братьевъ Разбойни- ковъ“. — Н. Лернеръ	60
Произведенія Пушкина и ихъ передѣлки на петербургской сценѣ въ Николаевскую эпоху. — П. Столпянскій	72
Первое посмертное изданіе сочиненій Пушкина. — Вл. Андерсонъ .	82
Изъ Записной Книжки	87
Ruschkiniana	92
Хроника. — Мелкія замѣтки. — Некрологи. — Лѣтопись Ака- деміи Наукъ. — Лѣтопись Московскаго Публичнаго и Румян- цевскаго Музеевъ. — Разныя Извѣстія. — Новые книги и журналы. — Аукціоны. — Новые Каталоги	98

ОГЛАВЛЕНИЕ РИСУНКОВЪ, ВИНЬЕТОКЪ И ФАКСИМИЛЕ:

Портретъ А. С. Пушкина. Литографія неизвѣстнаго художника . .	6
Заглавная виньетка 1-го тома „Новоселья“	7
Факсимиле рукописи № 1, Ода „Вольность“ и стихотв. „Кн. Го- лицыной“	9
Факсимиле рукописи № 2, Ода „Вольность“	11
Факсимиле рукописи № 4, „Краевъ чужихъ неопытный любитель“ .	13
Факсимиле рукописи № 5, „Надпись къ портрету Жуковскаго“ . .	14
Снимокъ печати на письмѣ А. И. Тургеневу	16
Факсимиле письма А. И. Тургеневу, № 6	17
Факсимиле письма кн. П. Вяземскому, № 11	21
Факсимиле письма П. Осиповой, № 12	22
Заглавная виньетка 2-го тома „Новоселья“	31

2 рисунок А. С. Пушкина съ рукописей Румянц. Музея №№ 2372 и 2374	36
2 рисунок Галактионова къ „Бахчисарайскому Фонтану“ и 1 рисунокъ И. Иванова къ „Кавказскому Плѣннику“	39
3 литографіи къ французскому изданію „Бахчисарайскаго Фонтана“ .	40
2 рисунокъ А. Нотбека къ „Евгенію Онѣгину“	41
Лубочная картинка „Талисманъ“	42
Лубочная картинка: „Слѣдствіе порочной любви“	43
Обложка нотъ на „Романсъ“ Пушкина	45
Рисунокъ К. Шредера къ „Борису Годунову“	46
2 обложки нотъ на стихи Пушкина	47
Рисунокъ Р. Жуковского къ „Бахчисарайскому Фонтану“	47
Рисунокъ К. Брюллова къ „Бахчисарайскому Фонтану“	48
Сцены изъ „Руслана и Людмилы“. Литографія	49
Виньетка Бернарда къ „Домику въ Коломнѣ“	50
Сцены изъ „Руслана и Людмилы“. Литографія	51
Сцены изъ „Евгенія Онѣгина“, литографія по рис. А. Шарлеманя .	53
Рисунокъ А. С. Пушкина къ поэмѣ „Галубъ“, изъ рукописи Румянц. Музея	57
Рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянц. Музея	58
Портретъ А. С. Пушкина, литографія по рис. Коношенко	59
Рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянц. Музея	60
Рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянц. Музея	71
Рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянц. Музея	72
Рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянц. Музея	81
2 рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянц. Музея	82
Рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянц. Музея № 2375. .	86
А. С. Пушкинъ. Бюстъ работы В. Ф. Штейнъ	87
Виньетка В. Лангера изъ альманаха „Сѣверные Цвѣты“	87
Виньетка Саундерса изъ книги Остолопова, „Правила поэзіи“ . . .	92